

П. ВЕРНЕР

S $\frac{10}{584}$

**БАВАРСКАЯ
СОВЕТСКАЯ
РЕСПУБЛИКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ♦ МОСКВА ♦ 1924 Г.

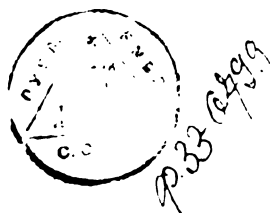
П. ВЕРНЕР

БАВАРСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

Под редакцией С. ШУЛЬМАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ♦ МОСКВА ♦ 1924 Г.

ПАМЯТИ

ЕВГЕНИЯ ЛЕВИНЭ,

ХРАБРОГО БОРЦА

И МУЧЕНИКА РЕВОЛЮЦИИ,

ПАМЯТИ ВСЕХ ГЕРОЕВ

МЮНХЕНСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА

ПОСВЯЩАЕТСЯ.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К 2-му НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ.

Для революционного борца писание истории революции не является созерцательной научной работой. Треплемый условиями борьбы и сворой преследователей, он редко находит необходимую для такой работы обстановку и настроение. Страдало по этим причинам и составление этой книги. Сопряженные с печатанием трудности, на которые постоянно наталкивается партия, находящаяся в таком положении, как коммунистическая партия Германии, со своей стороны, тормозили издание книги. Остальное сделал Носке, конфисковавший в типографии значительную часть первого издания еще прежде, чем книга дошла до читающей публики.

По этим причинам оказалось возможным, что как мюнхенские революционеры, так и историческая правда оставались почти беззащитными перед гнусными нападениями, клеветой и искажениями контр-революции, располагавшей всем аппаратом печатного слова и основательно его с этой целью использовавшей. На головы баварского пролетариата и его вождей выплескивались литературные помои целым потоком газетных статей. За кровавой оргией солдатики последовала разнузданная вакханалия борзописцев капитала, опьянявшихся ядом собственной лжи, грязными картинками своей извращенной фантазии и похвалами, на которые не скупилась для них реакция за их сутенерскую службу. К этой стае гнен истории принадлежит и автор одной книжки о «мюнхенском убийстве заложников». Содержащие этой книжки, апеллирующей к неизменяемым инстинктам нашей разлагающейся буржуазии, постыдно во

всех отношениях. Приходится с омерзением отворачиваться, когда автор воскуривает Марксу фимиам из того же кадила, которым распространяет свой ядовитый угар. И хотя автор прикрывается автономностью, все же нетрудно в нем угадать мастера того цеха дешевых писак, что живут скандалами и всегда «рады стараться» перед господствующей в данный момент властью. Этот пасквиль выпущен в свет «Firn», «издательством практической политики и духовного обновления», которое в числе своих сотрудников насчитывает редактора «Форвертса» Эрвина Барта, министра вероисповеданий Конрада Гениша и Юлиана Борхардта.

Гуго Губерт Брейер издал книгу «Кровавое фиаско Советской республики». Брейер, очевидно, социалист большинства. Он старается объяснить события в Мюнхене с точки зрения своей партии, не останавливаясь, однако, перед критикой S. P. D. (германской с.-д. партии). Изложение фактов, за исключением того, что касается истории периода до Советской республики, чрезвычайно неудовлетворительно. Не будучи сам революционером, он совершенно лишен понимания основных революционных проблем.

Более всего разочаровывает анонимная работа «Мюнхенская трагедия», изданная независимой партией. Изображение фактов в этой книжке абсолютно неудовлетворительно. Противоречия, в которые автор впадает именно там, где он рассчитывает подвергнуть критике компартию, показывает, что для него вся суть в том, чтобы затушевать тяжелую вину, падающую на U. S. P. (германскую независимую с.-д. партию), за мюнхенские дни. При наличии такой тенденции могла получиться только крайне смутная картина событий. Нет и намека на попытку исторической критики, что является позорным даже и тогда, когда ответственность за эту книгу несут такие политические прозорливцы, как Центральный Комитет независимой с.-д. партии.

Если я и принимал сам непосредственное участие в мюнхенских событиях, то все же думаю, что настолько сохранил беспристрастие, чтобы суметь служить исторической правде и только ей. При составлении книги в моем распоряжении было относительно очень мало документальных материалов. Теперь, когда мне удалось раздобыть важнейшие документы, изображение событий могло бы быть

дополнено. Временно это по техническим типографским причинам невозможно. Так как в основе картина изменилась бы лишь в несущественных штрихах, достаточно будет только отпечатать эти документы—воззвания, декреты, декларации и т. д.,—в виде приложения к этому изданию.

* * *

Со времени написания этой книги контр-революция далеко продвинулась в деле ликвидации Баварской Советской республики. Осадное положение увековечено; «социалистическое» правительство балансирует на острие шпаги контр-революционных генералов. Военщина владеет улицами, на которых по всякому подходящему случаю заново вырастают проволочные заграждения. Коммунисты все еще находятся вне закона и могут только с величайшими усилиями подпольно вести организационную работу, вновь и вновь настигаемые индейками контр-революции. Сотни бойцов апреля и мая изнывают в тюрьмах и на каторге. За благородным Евгением Левиным последовали в могилу и другие жертвы белой юстиции.

Белая юстиция сбросила за этот промежуток времени свое последнее покрывало и показывает себя во всей своей устрашающей наготы. Это было бы задачей историографа—в рамках работы о всей новогерманской классовой юстиции изобразить этот мстительный поход капиталистической «справедливости» против мюнхенского пролетариата и его вождей. В этой книге я ограничиваюсь лишь краткой характеристикой методов этой борьбы, и здесь мне придется только указать на важнейшие процессы, состоявшиеся со времени ее первого выхода в свет.

Общая тенденция мюнхенской юстиции проявилась во всем ее зверстве в так-называемом процессе по поводу убийства заложников. Какой обман в уверениях, что политические процессы ведутся во имя торжества вечной справедливости. Они служат для устранения политических противников. Революционный суд может во всякое время открыто заявить об этом. Однако, белая юстиция как-раз нуждается во всех тех формальностях, которые придают ей вид орудия абсолютно нелицеприятной, внеклассовой справедливости. Прежде всего, ей нужно то моральное возмущение, которым так легко погнать мороз по спине не-

сознательных членов рабочего класса и заставить их еще ниже склониться под ярмом капитализма. «Процесс об убийстве заложников» давал возможность сотням пудов фабриковать это моральное возмущение и разливать его через все каналы печати по Германии. Под председательством судьи, который получал личное удовлетворение в этом деле и вел заседания с похабными прибаутками и сквернословием, была разыграна отталкивающая трагикомедия. Все сводилось к тому, чтобы устрашить весь мир, изобразив обвиняемых в виде исчадий ада. Разумеется, не велика задача разыскать в прошлом человека ошибки и промахи, раздуть их, ловко сопоставить и затем в кривом зеркале демонстрировать гнусную рожу. Что стало бы с учеными судьями мюнхенского народного суда, если бы и их подвергнуть такой процедуре, тоже воспользовавшись помощью разных гадов? И разве не также легко восстановить друг против друга обвиняемых, простых рабочих, в своем страхе смерти хватающихся за соломинку? Эти же рабочие в открытом бою крепко стояли друг за друга и шли навстречу всем опасностям. Что они спасовали против юридических попыток, — еще не делает их бесчестными. Так, невзирая на все, что было установлено относительно революционного прошлого Фрица Зейделя, коменданта Луитпольдовской гимназии, я не вижу повода менять свое суждение о нем. Историческая правда в процессе была так же обработана, как и сами обвиняемые. Что жертвами деяния, которое служило предметом судебного разбирательства, были не заложники, а военнопленные белогвардейцы и контрреволюционные заговорщики, — доказано и бахвальством общества Тула в его «Обозревателе». Это было бы еще беспристрастней доказано, если бы могли быть заслушаны свидетели, детально знакомые с обстоятельствами дела. Вместо них, суду давали показания заведомые шпики, обнадеженные, что к ним не относится параграф уложения о наказаниях за лжесвидетельство. На основании показаний этих шпионов был безвинно приговорен к смерти привлеченный в качестве обвиняемого Зейдель (речь идет не о коменданте Луитпольдовской гимназии). Кроме того, установлено, что документ, игравший главную роль в руках обвинителей — приказ Эгльгофера о расстреле заложников — явным образом сфальсифицирован. Это легко про-

верить. В книге «Год баварской революции в изображениях», изданной фотоинформацией Гоффмана (Мюнхен, улица Шеллинга, № 50), этот вымышленный приказ отпечатан на 20 стр. Подпись гласит вполне четко: *Р. Эгльгофер*. Но фальсификатор даже не дал себе труда детально изучить почерк Эгльгофера. На 30-й странице той же книги имеется подлинное факсимиле Эгльгофера, передающее характерный для рабочего почерк убитого революционера. При сравнении обеих подписей легко установить, что фальсификатор, имея перед собой образец подлинной подписи, был все же не в состоянии скрыть черточки своего собственного беглого канцелярского почерка. Только при помощи лжесвидетельства оказалось возможным опозорить абсурдными утверждениями прах Левина и возбудить против Левина европейское общественное мнение. Левин, как и Левинэ, был неповиновен в акте в Луитпольдовской гимназии. Мысли политически, они осуждали его, как любой политик осудил бы акт, явившийся не результатом зрелого обсуждения, а продуктом возбуждения и жажды мести.

Смертные приговоры, вынесенные народным судом, были не чем иным, как убийством, предпринятым с целью удовлетворения контр-революционной жажды мести и для обуздания рабочего класса. Баварское социалистическое правительство, не дрогнув и бровью, допустило их приведение в исполнение.

И как противоположность этому: убийство подмастерьев на площади Каролины. В Луитпольдовской гимназии — непродолжительный процесс, проведенный с той мрачной деловитостью, которая является результатом накопившейся ярости. На площади Каролины — бешеная стрельба, удары штыками и прикладами, добивание на смерть тяжело раненых, ограбление еще агонизирующих трупов. Какое-то опьянение убийством.

Мы, коммунисты, не требуем смерти озверевших, выдрессированных для расправы с рабочими, орд. Мы даже находим смягчающие обстоятельства для убийц, опьяненных ложью и водкой. Мы только констатируем: если жертвами явились бы революционеры, ни один ворон не прокаркал бы над убийцами. Ведь, не нашлось же на убийц Эгльгофера, Ландауэра, Зонтгеймера ни одного полицейского, ни следователя, ни судьи.

Только после долгих усилий удастся родственникам жертв из союза подмастерьев добиться судебного преследования преступников. Когда дело доходит до процесса, обвиняемыми оказываются... только пара жалких бандитов. Вышестоящее начальство, которое—мягко выражаясь—преступно нарушило свой долг, оставляется в стороне. Обвинение не инкриминирует убийства, приговор—не смертная казнь. Нет, суд достаточно наивен, чтобы забыть, что, прежде всего, следует сохранить внешний вид; он находит смягчающее вину обстоятельство в том, что, мол, убийцы действовали в предположении, что убивают спартаковцев. Воплощенная классовая юстиция!

Два других сопоставления: рабочий Липиднер и граф Арко-Баллей. Граф, исполненный политического фанатизма, убивает министра-президента Эйснера. Липиднер, в состоянии возмущения по поводу этого преступления, производит покушение на Ауэра, в котором видит фактического зачинщика. Рабочего Липиднера от смертной казни спасло только категорическое условие, под которым он был выдан баварским властям, и которое было нарушено уже тем, что он был предан военно-полевому суду. Он был на 14 лет осужден на каторгу. Высокородный убийца, правда, был приговорен к смертной казни. Но суд тут же счел нужным низко преклониться перед графчиком. «О лишении гражданских и особых прав,—заявил он,—не может быть и речи, так как образ действий молодого, политически неопытного человека, диктовался не низменными мотивами, а пламенной любовью к своему народу и отечеству и был выражением его отчаянной решимости и господствующего в широких народных кругах возмущения против Эйснера, и так как далее обвиняемый, как достойная личность с открытым, внушающим почтение благородством, сознался в своем поступке во всех его деталях, без малейшей попытки их прикрашивания и сокрытия». Разумеется, не было надобности в пангерманских демонстрациях перед министерствами, чтобы напомнить социал-демократическому правительству, изощренному, как блаженной памяти Николай II, в подписании смертных приговоров, что оно обладает правом помилования. Его сиятельство граф может утешиться. Цепи, которые должен был владеть Левин, ему не придется нести в крепости, и если даже он и при-

говорен к пожизненной каторге, это не мешает ему аристократически развлекаться в обществе таких же убийц из его круга.

Таков уж рок гоффманцев, толкающий их от одного контр-революционного акта к другому. Они достаточно развиты политически, чтобы понимать, что нельзя вечно править с помощью осадного положения. Но они знают и то, что это единственный способ удержать за собой власть. Что касается рабочего класса Баварии, то, как бы разгромленным он ни казался, он все же многому научился в великие дни своей истории, а дни белого террора он не может забыть и не забудет. Авантюристам уже не удастся играть на рабочих Баварии. И знайте, когда пробьет час, рабочий класс пойдет на штурм из самых глубин той преисподней, в которую он загнан.

* * *

Тактика мюнхенских коммунистов не избежала нападок и в среде самой коммунистической партии Германии. Враги партии как в среде независимых, так и в контр-революционном лагере, с ликованием приветствовали выражения недовольства этой тактикой. Я, не втягиваясь в спор, ограничился изложением фактов. Мне думается, что факты, в их исторической связи, дают лучшее доказательство правильности основных линий нашей политики. Простодушным людям может показаться неразрешимым противоречием то обстоятельство, что коммунисты, считая, что жизненные условия для Советской республики в Баварии отсутствуют, все же стали во главе такой республики. Но увы, история ставит не математические задачи, которые разрешаются строго логическим путем. Воззрения наших критиков обнаруживают недостаток исторического понимания. Их вводит в заблуждение буффонада «провозглашения» Советской республики. Но если это провозглашение и несколько опередило факты, то все же оно—отвлекаясь от внешних форм его—было обусловлено исторической необходимостью. Или впрямь думают, что детская игра политических шарлатанов могла иметь такие большие последствия? Дело ограничилось бы парой бесшабашных фраз в кафе Стефани, если бы не были даны условия и побуждение к захвату власти со стороны пролетариата. История требо-

вала выявления реального соотношения сил, которое сказывалось в том, что буржуазия в Баварии была, в противоположность рабочему классу, совершенно бессильной. Понятно, основные условия для существования рабочего государства в Баварии отсутствовали. Поэтому его судьба зависела от хода германской революции. Тем или иным путем, но рабочий класс должен был прийти в движение, а движение в каждом отдельном случае могло ставить себе цель только далее уже достигнутых позиций, в данном случае—от уже достигнутой мнимо-советской республики к действительной диктатуре пролетариата. В последнем случае революционная партия не может глубокомысленно забраться в укромный уголок. Она должна быть готовой умирать с революционным пролетариатом, чтобы иметь право жить, как партия революции. Будущее докажет всю правильность этого утверждения.

Теперь более чем когда-нибудь тактика мюнхенских коммунистов кажется мне образцовой. Она постоянно будила критическое сознание рабочих и в то же время вела их сомкнутыми рядами к активным выступлениям. Это особенно является заслугой Евгения Левинэ, холодный рассудок, железная воля которого и умение дерзнуть—пусть навсегда останутся нашим наследием.

П. В.

Ульм, январь 1920.

1. Введение.

Баварская Советская республика началась, как фарс. Закончилась она трагедией. Ее возникновение было карикатурно, смешно, но за этим скрывался определенный исторический смысл. Она была завершением того этапа германской революции, который был достигнут еще в январе 1919 года в Берлине. И все же она не простое повторение берлинских январских дней. Не без пользы для баварского пролетариата накаплил германский рабочий класс революционный опыт на протяжении четверти года тяжелой борьбы. Иллюзии были рассеяны. Политические лозунги стали чеканней, революционная воля рабочего класса окрепла, революционная тактика стала целесообразней. Подучилась, окрепла и контр-революция. Таким образом, борьбе в Баварии предстояло выявить новые формы, столкнув более крупные силы враждебных сторон и приняв большие, чем где бы то ни было до сих пор, размеры.

Баварская Советская республика была основана не коммунистами, этими наиболее решительными сторонниками идеи советов. Она явилась продуктом социал-правительственных затруднений и комбинаций, анархистского донкихотства и определяемой случаем политики «независимых». Возникла она не в стране, где высокое развитие производительных сил и обострение классовых противоречий ставит классовую борьбу во главу угла, а в крае с преимущественно сельско-хозяйственным производством, сосредоточенным в руках благоденствующего крестьянства, причем, даже в тех немногочисленных больших городах, кото-

рые имеются в Баварии, крупная индустрия слабо развита. Советская республика должна была в форме своего возникновения отразить это несоответствие. Коммунисты могли видеть в ней только обреченное на неудачу начинание. Но диалектика исторического процесса вынуждала рабочие массы к выступлению и тем самым партию коммунистов — к взятию власти. Партия подчинилась этому требованию истории, в сознании, что, раз она пришла к власти, задачей ее должно быть ставить поскольку возможно более глубокие коммунистические цели и требования, чтобы, таким образом, после ее падения как в фактическом положении вещей, так и в умах рабочих, осталось возможно больше неискоренимых революционных завоеваний. Она следовала этой политике в борьбе с чудовищными препятствиями, в особенности в борьбе с неустойчивостью и изменами в самом рабочем классе. Она взяла от создавшейся ситуации все, что та могла дать. Авантюристское начинание обращено было в первую грандиозную попытку осуществления на территории Германии диктатуры пролетариата со всеми ее следствиями.

История Баварской Советской республики дает пеструю картину смешного и великого, слабости и безоглядной решительности, коварного предательства и героического самопожертвования. Она была конечным завершением целого этапа германской революции. Она широко распахнула двери для новой фазы революции. Немецкий рабочий класс, если он хочет быть на высоте тех задач, которые ставит перед ним надвигающаяся борьба, многому научится на опыте пролетариата Баварии.

II. Экономическое положение и группировка классов в Баварии.

Баварская политика периода революции богата причудливыми моментами, резкими переменами, трагикомическими казусами. Она характеризуется хотя бы тем фактом, что во главе ее мог стоять Курт Эйснер, человек, который не только в качестве журналиста, но и во всей своей деятельности являлся политическим фельетописцем, чело-

век казуистики и софизмов, постоянно скользящий по поверхности, ослепляемый внешней шумихой буржуазной политики, и, не осмысливая суровой действительности, находящий удовлетворение в красивых словах и сильных жестах. Только страна, политика которой определялась крупными и неразрешенными внутренними противоречиями, могла терпеть во главе своего правительства подобного человека.

Империалистический характер войны остался чуждым баварскому народу, вся экономика которого не была еще непосредственно затронута империализмом. Антимилитаризм должен был здесь раньше, чем в остальной Германии, проникнуть в широкие народные массы. Он рос, несмотря на все новые уступки, которые Берлину пришлось делать Баварии во время войны. Он рос, несмотря на то, что Баварии удалось, путем запрещения вывоза на север, обезопасить себя от когтей голода. Враждебностью к империалистской войне широких, даже буржуазных слоев, объясняется, почему именно в Баварии нашли отклик первые революционные выступления, и Мюнхен последовал непосредственно за Килем, прежде чем были охвачены революцией средняя Германия и Берлин.

Экономической отсталостью объясняется и дальнейший ход революции. Бавария все еще страна по преимуществу аграрная. К тому же крупное землевладение в собственном смысле слова в ней весьма незначительно. Совершенно отсутствует тот крестьянский класс, который в России мог сделаться революционным соратником рабочих — класс бесправных, эксплуатируемых, голодающих, жаждущих земли и хлеба крестьян-бедняков. Отсутствует сельский пролетариат, который жали бы так, как в латифундиях венгерских помещиков и который мог бы быть завоеван для коммунизма.

Крестьянство Баварии живо и на войне хорошо заработало. Это крепкое, себе на уме племя, политическая воля которого направлена в сторону примитивной демократии, и которое сочувствует всякой революции, пытающейся ограничить бюрократическую опеку. Подходящий для него лозунг — Крестьянский Совет, вырывающий управление округом из рук директоров и ассесоров. К социализации поместий царствующего дома, кны-

зей, баронов и епископов оно равнодушно. Расширение собственных владений не является для баварских крестьян делом крайней необходимости. Социализация всего сельского хозяйства встретит с их стороны всяческое сопротивление, на какое только способен исполненный фанатизма собственности антиколлективистский крестьянский черен. Ограниченный, плетущийся в поводу у духовенства баварский крестьянин легко может сделаться жертвой грубейшей демагогии. В общем, однако, он не станет путаться в «высокую политику», пока непосредственно не будет затронут в своих интересах. Но стоит только коснуться крестьянской земельной собственности, чтобы столкнуться лицом к лицу с угрозой контр-революции, с угрозой Вандей.

Коммунистическая революция и у сельских рабочих не может рассчитывать на понимание и помощь. Рабочие и работницы крупных и средних крестьянских хозяйств сами большею частью крестьянского происхождения. Это—младшие, обойденные наследством сыны и незамужние дочери крестьян. Патриархальное воззрение, что челядь принадлежит к семье крестьянина и видит в последнем заботящегося о ее судьбе отца, еще не уступило место сознанию, что отношение между крестьянином и батраком подобно отношению между капиталистом и рабочим. К тому же крестьянское хозяйство Баварии не представляет из себя крупного производства, которое, сосредоточив большое число наемных рабочих, могло бы пробудить в них классовое чутье. Поворот в умозрении сельских рабочих Баварии может наступить лишь с низвержением существующего порядка вещей.

В Баварии деревня не является революционным фактором. Рассчитывать на нее может только контр-революция.

Промышленность Баварии развита весьма слабо. Даже большие города, и те не все имеют ясно выраженный индустриальный характер. В первую очередь—Мюнхен. Перед войной в Мюнхене было только одно крупное предприятие—машиностроительный завод Маффеля. Рабочие предприятий лишь в незначительной части являются местными жителями. Большинство—пришлые. Местные—весьма

мелко-буржуазного происхождения—проникнуты мещанскими воззрениями, планомерно воспитаны старой социал-демократией в духе тупой партикулярности и весьма восприимчивы к политическому оппортунизму.

Благодаря отсталости экономического развития, классовые противоречия здесь были выявлены менее остро, чем в северной Германии. Вследствие этого, отсутствовали поводы для разоблачения истинного характера буржуазии, что, с одной стороны, возбудило и поддерживало в баварских рабочих иллюзии относительно форм предстоящих классовых битв. Жестокие формы борьбы в северной Германии объясняли специфическим характером пруссаков. Кто глубже анализировал, думал, что, по существу, все дело в отчаянной борьбе прусского юнкерства против рабочего класса. Вообще не верили, что буржуазия способна вступить в борьбу не на жизнь, а на смерть. В особенности же были убеждены в покладистости и слабохарактерности именно баварской буржуазии.—В Баварии Носке не выдвинулся бы. Белогвардейщина у нас невозможна.—Таково было искреннее убеждение широких кругов интеллигенции и рабочего класса.

На этой мелко-буржуазной почве и благодаря традициям богемы, сохранившимся у весьма крупных обществ литераторов и художников, мог распространиться, в особенности в Мюнхене, анархизм. Этот радикализм мелко-буржуазной натуры, зародившийся из революционных настроений возымевшей отвращение к капитализму интеллигенции был лишен всякого понимания политических требований момента, и потому готов на любую политическую авантюру. В затруднительных положениях анархизм был совершенно беспомощным. Сильные жесты и звонкая фраза заменяли ему политическую серьезность и политическое соображение. Не следует недооценивать его влияния на мюнхенский пролетариат, привыкший к фразе, бьющей скорей на темперамент, чем на здравый рассудок.

Безусловно надежными показали себя рабочие тяжелой индустрии, разбиравшиеся в событиях, доросшие до своих исторических задач. Они с деловой критикой подходили к своим вождям и извлекали уроки из каждой новой ситуации. Одушевленные идеей коммунизма, эти рабочие в решающий час умели действовать самостоятельно и с

безоглядной энергией. Дела и мученическая смерть тысяч из них свидетельствуют о их решительности в борьбе, храбрости и героической верности великому делу своего класса.

III. Внутренние противоречия в баварской политике.

Отсталость в развитии классовых противоречий позволила правительству буржуазии, право-социалистов и независимых удерживаться в Баварии еще долгое время после падения подобного же правительства в Пруссии. Это обстоятельство создало убеждение, что Бавария идет впереди других, и что здесь независимая социалистическая партия не позволяет предателям развивать в интересах капитала свою реакционную политику. На самом же деле, политика Носке — историческая необходимость. В ней проявляется воля буржуазии бороться до конца за свою власть. Раньше всего буржуазия и пролетариат должны направить все силы в постоянно возобновляемой борьбе, мобилизовать последние средства; в отчаянной борьбе один из них должен быть бесспорно повергнут, чтобы только тогда другой получил право говорить о победе. Буржуазия, если она способна хотя бы на еще одну усилие, не сдастся без боя.

Таким образом, если правительство в роде баварского, с Эйслером и Гофманом во главе, в состоянии было удержаться, то это еще не служило доказательством слабости буржуазии. Это скорее, доказательство того, что подобное правительство просто еще не вызвало своей политикой резкого сопротивления класса капиталистов. И в самом деле, политика баварского кабинета была длительным проявлением несостоятельности. Она не была ни буржуазной, ни пролетарской. Она вообще не была политикой, если политика означает проявление активности, действие.

Правительство предоставляло событиям полную свободу. Изредка оно начинало разбег, как, например, в деле опубликования документов, относящихся к возникновению войны. Но всяческие следствия его отпугивали. Революция

погнала к чорту короля, но правительство не посмело коснуться старого правительственного аппарата. Последний функционировал все в том же старом духе. Правительство же удовлетворялось расписыванием фасадов и заборов. В период брожения, предшествовавший объявлению Советской республики, оно сосредоточилось на разработке закона об уничтожении титулов, орденов и дворянского звания, — дело, которое истинно революционное правительство разрешило бы одним движением руки.

Политика становилась все более неопределенной, колеблющейся, бездейственной. Она не удовлетворяла ни пролетариат, ни буржуазию. Нападки с обеих сторон усиливались. Покушение на Эйслера дало выход накопившемуся недовольству политическим положением. Пролетариат был поднят на дыбы. Он вышел на улицу, он приступил к действиям. С этого дня лозунг Советской республики делается практическим требованием. Попытки его провести общеизвестны. Они разбились благодаря тому, что в пролетариате правильное понимание пролетариатом реального соотношения сил не создавало той решимости, какая была бы необходима для осуществления подобных попыток. После покушения на Эйслера для Баварии наступил период междуцарствия. Только Центральный Совет рабочих и солдатских депутатов сохранил видимость власти. Но он не был правительством. Правительственный воз застрял основательно. С места его двинули компромисс 17-го марта, министерство правых социалистов и независимых, с Гофманом во главе. Но и это правительство было недееспособным.

Массовое движение настолько усилилось, что лишало правительственный аппарат возможности регулярного функционирования. Само правительство висело в воздухе. У него не было крепкой опоры. Ландтаг созвать оно не решилось — слишком велика была ненависть рабочих к этой ярмарке пустословия. Его созыв имел бы скверные последствия.

С другой стороны, и буржуазия не могла больше оставаться пассивным наблюдателем хода вещей. Она требовала реальной политики и настаивала на созыве ландтага, образовании работоспособного, буржуазного кабинета.

нета, обуздании вышедших на улицу масс, прекращении «анархии».

Правительство не способно было ни на то, ни на другое. Для проведения пролетарской политики ему не хватало ни воли, ни способностей; отсутствовала и зрелость как пролетариата, так и всей обстановки. Что касается проведения определенной буржуазной политики, то для этого теперь, в революционный период, больше чем когда бы то ни было надлежало обладать фактической реальной силой, чтобы суметь заткнуть рабочему классу глотку.

Министр-президент Гофман, маскируя это в своей речи в ландтаге 2-го июня, все же определенно сказал:

«Хотя правительство и не могло воспрепятствовать перевороту 7-го апреля, но для развития событий единственным решающим обстоятельством был уже тот факт, что избранное ландтагом правительство, как таковое, существовало. Только поэтому, благодаря быстро принятым решениям, могло быть оказано сопротивление мятежу в северной Баварии и, наконец, обуздано движение в южной. Правительству брошен упрек в том, что оно недостаточно энергично готовилось оказать сопротивление перевороту в Мюнхене, (совершенно верно!). Упрек сделан, это верно. Верно, однако, и то, что упрек не обоснован. Когда я 17-го марта вступал в правительство, в Мюнхене существовала хорошо организованная противоправительственная армия: 30.000 безработных и совершенно залущенный гарнизон. Переговоры о реорганизации военных сил начались немедленно же после образования правительства и были закончены к 1—2 апреля. Предполагался немедленный роспуск мюнхенского гарнизона. Но именно это намерение правительства ускорило мюнхенскую катастрофу.

Даже социалистическое правительство не в состоянии совершать чудес. И было бы, действительно, чудом, если бы при всем развале в Мюнхене оказалось

возможным в течение 14-ти дней создать из наличного гарнизона преданные правительству оборонительные части».

Пруссия имела эти оборонительные части в лице белой гвардии. Бавария их не имела.

Нужно было найти выход из столь невозможного положения. Необходимо было рискнуть и решиться—вправо или влево. Под правыми социалистами горела земля. Нужно было отыскать выход, и выход был найден.

IV. Прусский пример.

В декабре 1918 года правые социалисты в правительстве Эберт-Гаазе находились в таком же положении. Их бессилие привело к тяжелым внутренним конфликтам. Наличие находящейся в революционном брожении вооруженной силы толкало на кровавое разрешение этих конфликтов. Правые социалисты тогда быстро сообразили, что вся штука в том, чтобы искусственно раздуть огонь и затем окончательно раздавить противника в решающей вооруженной борьбе. Так был умышленно обострен конфликт и спровоцировано восстание народного флотского дивизиона. При помощи дивизиона Лютвица, только недавно потопившего в крови финляндскую революцию, Вельс рассчитывал опрокинуть флот и вооруженных рабочих. Номер не прошел. Флотский дивизион вышел победителем из борьбы с превосходящими силами. Регулярные войска показали себя недостаточно стойкими и непригодными для избиения пролетариата. Нужна была белая гвардия.

В январском восстании, в так-называемую неделю Спартака, этот метод обнаружился еще отчетливее.

Если господин Евгений Эрнст наболтал одному итальянскому журналисту, что правительство принудило спартакэцев броситься в бой прежде, чем они накопили достаточно сил, то, разумеется, он «слишком развязал язык». Тем временем процесс Ледебура ясно показал, что правительство с самого момента возникновения конфликта старалось всеми силами его обострить, чтобы таким путем достичь своей контр-революционной цели. Правительством было отклонено

даже робкое предложение независимой социал-демократической партии о разрешении конфликта с помощью арбитражного суда Центрального Совета. Следуя этому предложению, правительство безусловно добилось бы морального успеха, так как Центральный Совет был целиком в его руках. Но для правительства дело было не в моральном, а в военном успехе. И оно своей цели достигло. Рабочие были разоружены, буржуазия вооружена, белая гвардия создана.

Затем последовала провокация за провокацией: дикая свирепость белой гвардии в Берлине, озлобленная, направленная против спартаковцев газетная кампания, из пальца высосанные известия о предстоящих восстаниях (путшах), эксцессы и злодеяния отрядов Рейнгартда, поход на Бремен, поход в Рейнскую область, Эрфурт, Галле и т. д. и, наконец, кровавая баня в Мюнхенберге. Целью всех этих маневров было поражение революции, пролетариата, устранение, до последнего человека, регулярных войск из большинства городов и планомерное вооружение буржуазии, с включением вновь созданной народной обороны в белую гвардию.

Это были те гарантии власти, которые нужны были обогретьному кровью правительству Эберт-Шейдеман-Носке для восстановления диктатуры капитала над рабочим классом. В Саксонии и Вюртемберге были до известной степени достигнуты те же результаты.

У. Спекулянты и интриганы.

Хаотичность общего положения в Баварии и слабость правительства толкали на конфликты. Конфликты в Баварии должны были идти глубже, так как вся ситуация была здесь более зрелой, чем в Берлине за четверть года до этого. Еще не улеглось возбуждение, вызванное в рабочем классе убийством Эйзенера. Пропаганда советской системы пустила глубокие корни в массу. Провозглашение Венгерской Советской республики показало непосредственный практический смысл коммунистических требований, а обстоятельства, при которых создавалась Венгерская Советская респу-

блика, возбудили иллюзии и в массах, и у вождей правых социалистов. Сюда же присоединились военные успехи русских, освободивших к этому времени территорию Украины. Германия была потрясена гигантскими столкновениями в Рурской области, в Средней Германии и в Вюртемберге. Созыв буржуазного парламента толкнул баварский рабочий класс на выступление 7-го апреля. Степень его возбуждения показывает решение мюнхенского гарнизона вышвырнуть офицеров и «передать их из человеколюбия органам социального страхования, как лишенных средств к существованию».

Первый толчок был дан 3-го апреля **созванным правыми социалистами** собранием в Аугсбурге, которое потребовало провозглашения Советской республики и направило для предъявления правительству этого требования депутацию во главе с председателем Центрального солдатского Совета—Никишем. Анархисты, верховодившие в так-наз. революционном совете рабочих (остаток наследия ноябрьских дней), тотчас же примкнули к этому делу. Присоединились и независимцы.

Сомнительно, чтобы все эти люди как анархисты, так и независимые и правые социалисты, не имели никакого представления о сущности Советской республики. Но для них Советская республика являлась не чем-то в корне новым, не переменной системой, не доведением до конца политической социальной революции, а только чисто формальной сменой правительства. Параллельно с ландтагом или вместо него—**Советам рабочих** будет предоставлено определенное право участия в распределении министерских портфелей. В остальном коллегия министров будет работать прежним порядком. Буржуазная Советская республика, вот было то, что неосознанно вытало в умах всех этих господ.

Для гоффманцев речь шла о простой спекуляции, которая, так или иначе, удержала бы за ними власть. Правда, им придется несколько больше заняться социальной политикой. Они дюлечат возможность проводить свой фарс социализации—эту смехотворную попытку наложить капитализму голову, не замочив его волос—и в остальном не станут нарушать старого хода вещей. У анархистов и независимых намечалась такая же спекуляция. Чисто социалистическое министерство, которое, поставив себя вполне или частично

в независимое от ландтага положение, станет работоспособным... И здесь, значит, речи не было о коренном изменении политической системы. Ни одного мгновения эта публика не задумывалась над тем, что отстранение ландтага, при сохранении и в дальнейшем наличного соотношения социальных сил, неминуемо приведет к дикой путанице и обостренным конфликтам. Правительство представлялось надземной силой, которая будет осуществлять волю этих людей совершенно, независимо от состояния общества. Стоит, мол, только укрепить социалистическую волю правительства, влив в его жилы свежую кровь.

Во всяком случае нет сомнения, что в голове господина Шнеппенгорста зрела сеть интриг. Этот Шнеппенгорст, бывший столяр, член социал-демократической партии и военный министр в кабинете Гоффмана, одному научился на своем посту министра — что без реальной силы правительству не обойтись. От своих коллег Вельса и Носке он воспринял приемы, с помощью которых создается необходимая военная сила. Все его поведение изобличало намерение действовать по прусскому образцу. Пусть только положение вещей развернется до определенного предела, тогда наступит час вызвать к жизни все контр-революционные силы, создать белую гвардию и свергнуть с ее помощью новый режим, прежде чем он успеет окрепнуть. Это было маккиавелистским маневром, который он, этот маленький гном, мог бы с мужицкой хитростью осуществить, благодаря общему хаосу и политической невинности своих партнеров. Насколько все правительство Гоффмана было на уровне шнеппенгорстовской морали, обнаружилось в дальнейшем, когда оно продолжало терпеть в своей среде эту неблагоприятную личность, несмотря на то, что его двуличие открылось всему миру. Слабохарактерные людишки всегда идут об руку с мошенниками, а честные носители иллюзий дают им проводить себя за нос.

VI. Советская республика в реторте.

Советская республика была состряпана алхимиками политики, как гомункулус в реторте. Она возникла не в широком размахе движения масс, а в мрачных стенах военного министерства.

4-го апреля, после прибытия аугсбургской делегации, на тайном совещании в военном министерстве состоялись переговоры между различными социал-демократическими министрами, Центральным Советом и революционным советом рабочих по поводу провозглашения Советской республики. Комитет действий коммунистической партии был вечером неожиданно вызван по срочным делам в военное министерство. Там он застал собрание местных вождей «социалистов большинства», независимых, анархистов, затем министров—Шнеппенгорста, Зегица, Симона, Штейнера, Унгерлейтнера и коменданта города Дюрра. Коммунистам объявили, что немедленно будет провозглашена Советская республика. Министерские посты должны быть пропорционально распределены между правыми социалистами, коммунистами и независимыми.

На вопрос коммунистов, как относится к этому правительство Гофмана, было заявлено, что оно примирится с фактом. Коммунисты указали, что комендантом железнодорожной стражи, сформированной из республиканских отрядов охраны, до сих пор является фельдфебель Ашенбреннер, головорез, устранения которого требовали уже многие съезды советов. Шнеппенгорст ответил, что достаточно росчерка пера, чтобы устранить этого человека.

Затем коммунисты заявили, что они принципиально отказываются сотрудничать в одном правительстве с социалистами большинства. Они отказываются также и от Советской республики, которая искусственно фабрикуется на тайных совещаниях за зеленым столом. Советская республика должна сама собой зародиться из мощных движений масс. Условия в Германии, и, во всяком случае в Баварии,—еще для этого недостаточно созрели. В пути же они не станут принимать участия.

Резкие обвинения и оскорбления посыпались в ответ на это заявление. Особенно при этом старался Шнеппенгорст. Коммунисты, мол, предатели пролетариата. Ландауэр и Мюзам заявили, что Советская республика должна быть непременно немедленно же провозглашена. Если партии не достигнут соглашения, то революционный Совет рабочих, проделавший две революции, вынужден будет сделать и третью,

Всебаварский Крестьянский Совет сообщил об этом заседании следующее:

«На состоявшемся в ночь с 4-го на 5-е апреля в военном министерстве совещании представителей партии социалистов большинства и независимых, к которому были привлечены и министры, было постановлено провозглашение Баварской Советской республики. Председатель Всебаварского Крестьянского Совета, депутат Гандорфер, внес от имени Крестьянского Совета декларацию, которая, между прочим, гласила: Крестьянский Совет согласен с установлением Советской республики и готов в дальнейшем к сотрудничеству на следующих условиях: социализация в сельском хозяйстве должна проводиться ведомством народного хозяйства лишь при соучастии Всебаварского Крестьянского Совета и только в хозяйствах с емкостью более тысячи рабочих дней. Торговля, ремесла и мелкое производство должны быть избавлены от социализации. Следует с решительностью выступить против политики насилия и принуждения, проводимой берлинским правительством. Все особые права и привилегии Баварии должны быть сохранены».

5-го апреля произошла конференция профсоюзных ячеек рабочих и служащих и советов предприятий (фабзавкомов), где Кашпельгофер сообщил, что пополуночи 4-го апреля было принято решение немедленно провести в жизнь Советскую республику. Итак, принято оно было прежде, чем привлечли коммунистов.

Областное совещание правительственных социалистов (большинства) Баварии и Швабии, состоявшееся 5-го апреля, хотя и отклонило предложение Ульриха: «областное совещание при всех условиях становится на платформу Советской республики», — но приняло большинством 200 голосов против 13 следующее предложение отъявленного партийного бюрократа Ниммерфалы:

«Дабы обеспечить революцию от всех реакционных покушений, областное совещание соглашается с образованием Советской республики при условии участия в ее осуществлении всех трех социалистических партий (социалистов большинства, независимых и коммунистов)».

Из показаний свидетелей в различных процессах по обвинению в государственной измене, состоявшихся после

падения Советской республики, выяснилась следующая роль Шпенненгорста в этом решающем заседании в военном министерстве.

Шпенненгорст сам заявил (процесс Заубера), что требования образовать Советскую республику были решительно отвергнуты. Следует исключить предположение, что он когда бы то ни было высказывался за Советскую республику.

Но послушаем свидетелей:

Профработник Шифер: Шпенненгорст держался того взгляда, что, имея в виду единение пролетариата, не следует обходить вопроса о Советской республике.

Клингельгофер: Результатом заседания было заявление всех руководящих лиц о готовности к провозглашению Советской республики, при чем пять тогдашних министров в особенности проявляли готовность вступить в состав Советского правительства.

Нейрат: Шпенненгорст держался тогда той линии, что, мол, на него, как на истого пролетария, можно безусловно положиться, и что недоверие к нему коммунистов совершенно необосновано. Симон со своей стороны горячо вступился в пользу действительного пролетарского уклона Шпенненгорста. Центральным пунктом всех переговоров было военное положение. По этому случаю Дюрр и Шпенненгорст настойчиво подчеркивали, что о борьбе между пролетариями не может быть, во всяком случае, речи. В дальнейшем Шпенненгорст внес некоторые оговорки, и сказал, что должен еще переговорить с Гоффманом, которого нельзя-де без обстоятельств оставить за бортом.

Ученый, д-р Пегерат: Для Шпенненгорста все дело было в том, останется ли он при Советской республике военным министром, или нет. Повидимому, ему придавалось значение, в виду его отношений с Нюрнбергом и, с другой стороны, поведение его в Нюрнберге до того, как он стал министром, вызвало сомнения. Шпенненгорст особенно резко дебатировал с Мюзамом и Ландауэром, при чем вполне убедил их в своих взглядах и, во всяком случае, далеко отметнул от себя подозрение в реакционных замыслах. При этом Шпенненгорст сослался на свою деятельность в связи с арестом

белогвардейских офицеров и на свой приказ об аресте, направленный против Эппа. При обсуждении вопроса о моменте провозглашения Советской республики, Шнеппенгорст настойчиво подчеркивал, что Мюнхен—не Бавария и что не следует действовать помимо северной Баварии. Он должен, прежде всего, отправиться на север, чтобы там разъяснить товарищам положение. Тогда порешили на том, чтобы провозглашение перенести на понедельник. Насколько, во всяком случае, господствовало убеждение, что Шнеппенгорст выступает за Советскую республику, видно из того, что один из присутствовавших на совещании в военном министерстве, но не принимавший непосредственного участия в нем, говорил свидетелю, что всю историю провозглашения Советской республики считает махинацией Шнеппенгорста. У всех сложилось впечатление, что Шнеппенгорст безусловно за Советскую республику, и его позиция в этом вопросе безусловно имела сильное влияние на всех еще колебавшихся.

Министр юстиции Кюблер: Шнеппенгорст был одним из наиболее ревностных сторонников Советской республики. Похоже на то, что вообще всей этой истории не было бы, если бы не так усердствовал Шнеппенгорст.

Министр торговли Симон: Шнеппенгорст был склонен, при наличии согласия своей партии, вступить в министерство Советской республики. Шнеппенгорст хотел в Нюрнберге действовать в пользу Советской республики.

Резюмируем: Правительство стояло перед потребностью в белой гвардии и необходимостью разгона революционных рабочих. Инициатива «советизации» исходила от правых социалистов. В переговорах участвовали министры. Они ни одним словом не протестовали против предложенного плана. Их отговорки перед лицом суда, что оппозиция в тот момент стояла бы им головы, только доказывают их ничтожество. Шнеппенгорст, на самом деле, вполне соглашался с этим начинанием. Правительство заблаговременно перебросило в укромные и верные места важнейшие правительственные средства (литографские камни для печатания кредиток) и ту часть своих членов, которым надлежало до поры до времени ступать.

Виновность правительственных социалистов и их вождя Шнеппенгорста ясно доказана.

VII. Независимая социал-демократическая партия (U. S. P.).

Решение зависело от независимой социал-демократической партии. Разумеется, такие дети в политике, как анархисты Ландауэр и Мюзам, не дали бы себя сдержать. Им всем совершавшиеся события давали возможность делать мировую историю, а такой случай уж никоим образом не следовало упускать. Трудно поверить, чтобы правые социалисты осмелились впутаться в это дело, имея на своей стороне только анархистов. Переворот, возглавляемый анархистами, в одиночку или вместе с правыми социалистами, если бы независимые и коммунисты твердо держались против него, даже в Баварии столкнулся бы с недоверием рабочих масс.

В Мюнхене влияние К. П. Г. было относительно велико. Но это было только отражением настроения масс. По отношению к революционной партии настроение масс было благоприятным. Однако, в организационном смысле партия не была еще достаточно крепкой. В ней тогда не чувствовалось еще такой дисциплины, на которую можно было бы положиться; в массах еще не воплотились тактические принципы партии, и степень революционного развития была совсем не глубокой. В основном массы рабочих держались точки зрения Н. С. П. Позиция последней определяла ориентацию масс. Таким образом, судьбы момента были в руках Н. С. П.

Н. С. П. не имела политической линии. Это — партия слабости. Ее политика с первого дня войны сводилась к единственному стремлению — не становиться решительно ни вправо, ни влево, не идти на решительный разрыв с контр-революцией, но и не отказываться открыто от революции. Она до мозга костей была пропитана традициями насчитывающей десятилетия социал-демократической политики мира, с ее революционными фразами и слабым делом. Ее величайшая забота: не забегать вперед масс, а идти вслед за их развитием. Она плетется вслед за массами и балансирует на зыбком канате настроений последних. Отсюда ее стремление закрепить пролетариат в

его иллюзиях, нигде и ни в чем ему не противоречить. Она сознательно уклоняется от руководства, и всю свою гордость и надежды строит на том, чтобы идти всегда с массой, не отягощая при этом свою совесть. Давируя таким образом, она перебралась через период войны.

Революция положила этому конец. Теперь нужно было действовать. А каждое действие связано с последствиями. Здесь нет надобности доказывать, насколько роковой для всего пролетариата и для самой независимой социал-демократической партии Германии стала ее политика, благодаря тому, что она не находила в себе достаточного мужества для решительных шагов, требуемых всей исторической ситуацией того момента. Терзаемая собственной совестью, презираемая как коммунистами, так и правыми социалистами и гонимая переживавшими процесс революционного оздоровления массами, она стала смело бросаться на все преступления, к которым представлялся благоприятный случай. Такой случай ей представился в авантюре с провозглашением Советской республики. Здесь она могла, наконец, проявить свою революционность. Момент был тем более благоприятен, что оказывалось возможным акт всемирно исторического значения обделать за зеленым столом и вдаль от масс, тех масс, в кильватере которых Н. С. П. первоначально держалась, но выступления которых она так трепетно боялась.

Итак, независимые наци, как если бы им отшибло разум, жертвой коварной игры Шпеншенгорстов. Предупреждениям коммунистов, что рабочий класс подвергнется большим опасностям, они противопоставляли утешение всех малодушных: авось, каким-нибудь способом опять выберемся. Святой дух поможет. Предупреждения имели только тот результат, что независимые, дав уже согласие, выставили затем ряд условий. Вот их требования:

1. Диктатура классово-сознательного пролетариата.
2. Строительство Советов по принципу выборов на предприятиях и по профессиям.
3. Обобществление предприятий, банков и крупных земельных владений.
4. Реорганизация бюрократического аппарата—государственного и самоуправлений в смысле их подчинения Советам рабочих и крестьян.

5. Введение всеобщей трудовой повинности и для буржуазии.

6. Полнейшее преобразование судопроизводства на революционных основах.

7. Преобразования в области жилищных и усадебных вопросов на революционно-социалистических началах.

8. Отделение церкви от государства.

9. Немедленное революционизирование школьного и академического дела.

10. Социализация печати и т. д.

11. Образование Красной армии в целях защиты Советской республики.

12. Союз с Советскими республиками России и Венгрии и согласие на вытекающие отсюда мероприятия.

С независимой с.-д. партией каким-то образом случилось, что она, за отсутствием собственной программы действий, выдвинула требования коммунистической партии. Ни на одно мгновение она не задумалась над тем, что К. П. Г., ведь, могла бы в случае надобности сама это сделать. Она ни на мгновение не задумалась и над тем, почему К. П. Г. этого не сделала. Ей совершенно непонятны были доводы К. П. Г. против путша. Она приняла в путше участие.

Таким образом, путшисты спелись и были почти единодушны. По требованию Шнеппенгорста было постановлено отсрочить провозглашение Советской республики до вовлечения других городов. Для пропаганды идеи Советской республики Шнеппенгорст, Симон и Мюзам посылаются в Нюрнберг, а Заубер и Гегемейстер — в Вюрцбург. Провозглашение переносится на 7-е апреля, день рождения Ландауэра, который, таким образом, делает в этот день как себе, так и всему международному пролетариату щедрый подарок в виде Советской республики.

VIII. Мнимая Советская республика.

В ночь с 6-го на 7-е апреля Центральный Совет выпустил воззвание, которое гласило:

«Ландтаг распущен, созданный им кабинет министров подал в отставку. Диктатура пролетариата стала действительностью. Бавария — Советская республика».

Народными комиссарами (уполномоченными) были назначены следующие господа: Иностранных дел—д-р Липп (Н. С. П.); Внутренних дел—Сольдман (Н. С. П.; Здравоохранения и Социального обеспечения—Гагемейстер (Н. С. П.); Народного просвещения—Ландауэр (анархист); Финансов—Сильвио Гзелль (анархист); по военным делам—Рейхгардт (коммунист, исключенный из К. П. Г. за нарушение дисциплины); Юстиции—Кюблер (Крестьянский Совет); Продовольствия—Вютцельгофер; по жилищным делам—д-р Вадлер.

Только внимательно присмотревшись ко всей этой публике, получаешь верное представление о дико слепых деяниях этой Советской республики. Правительство это не было ни избрано, ни санкционировано рабочими. Господа, принимавшие участие в заговоре, взаимно себя избрали. На степень политической опытности внимания не обращалось. Так осуществился этот подбор путанных голов и неустойчивых характеров. Известные факты и материалы позднейших судебных процессов дают следующие портреты наших классических героев:

Ландауэр среди всех этих людей был почти единственным человеком с политическим прошлым. Он издал ряд исторических трудов, прорабатывающих интересный материал, но продиктованных идеалистическим пониманием истории. Ландауэр был анархистом, т.-е. индивидуалистом и антигосударственником, и, поэтому совершенно не годился для руководящей роли государственного деятеля. Революция, к которой он примкнул по этически-бунтарским соображениям, привела его к конфликту с собственными основными воззрениями. Это принуждало его к фразерской, путанной и неустойчивой политике. Он не имел перед собою ясного, ведущего к цели маршрута, и поэтому не мог быть руководителем.

Мюзам был связан с Ландауэром. Он был эпигоном постов из кафе и кабачков веселых времен Петера Гиля, разрешавшихся время от времени, в атмосфере голода, пьянства, разврата и самодурства, залихватскими песнями и дерзкими частушками, направленными против общества. Богема была его стихией, а это значило, что в политике он—дитя. Его трогательная наивность влекла к нему. Но когда он делал политику... Боже, о боже!..

Д-р Линн ничего не делал, кроме того, что компрометировал Советскую республику бестолковыми официальными писаниями. После нескольких дней его пребывания в правительстве, было установлено, что он психически болен и должен быть помещен в лечебницу.

Сильвио Гзелль стал министром финансов, благодаря своим познаниям в области денежного обращения. Последнее верно. Но он был анархистом, основателем секты, строившей свои воззрения не на классических учениях анархистов Прудона, Бакунина или Штирнера, а возвращавшейся к физиократам и отчасти к Генри Джорджу с его земельной реформой. Гзелль создал теорию под лозунгом: «Вольные деньги—вольная земля», с помощью которой пытался разрешить капиталистическую проблему, как проблему денег. С помощью создания подвижной денежной единицы Гзелль хотел устранить дисконт и тем самым эксплуатацию. Как пресловутые мелко-буржуазные экономисты он занимался симптомами капиталистической болезни, не умея понять ее сущности. Эта его попытка установить социальное равновесие напоминает попытку удержать в равновесии весы, положив на чашку свой собственный язык. Ему не хватило времени, чтобы применить этот мудрый метод, иначе Советской республике пришлось бы пережить прелюбопытную финансовую передергую.

Доктор Вадлер — ноябрьский социалист. Во время войны он служил в чине лейтенанта в правовом отделе баварского Военного Министерства. В качестве такового был связан с Промышленным Бюро в Брюсселе, о котором сам говорит, что оно, будучи органом Рейнско-Вестфальского Треста железностальных промышленников, являлось средоточием самого ярого пангерманизма. Вадлер работал вполне в духе этого пангерманистского учреждения. Он в особенности выдвинулся во время принудительного переселения бельгийских рабочих в Германию. Когда в Людвигсгафене эти рабочие забастовали, он категорически возражал против всяких уступок и заявил, что бельгийские рабочие не должны пользоваться правом стачек и подлежат наказанию по законам военного положения. Там, где сталкивались интересы военного ведомства и военных промышленников, он выступал решительно на стороне крупной индустрии. «И даже больше, чем было необходимо», —

как выразился один капитан в своих свидетельских показаниях.

Весной 1919 года Вадлер неожиданно превратился в пурпурно-красного якобинца, созревшего для руководства министерством Советской республики. Ренегату отомстил суд, приговорив его к 8-ми годам исправительного дома.

К юблер. Того же калибра был Конрад Кюблер—владелец книгоиздательства и организатор крестьянских союзов. Ему было поручено министерство юстиции.

Согласно его показаниям на суде, он сначала отказывался принять это назначение, но затем согласился, чтобы предупредить вступление на этот пост кого-либо из более радикальных элементов. Он, таким образом, нес заботу о том, чтобы в этой мнимой Советской республике могла вольно хозяйничать старая классовая юстиция.

Сидя уже в Советском правительстве, этот тип связался с президентом полиции Штейнером и комендантом города Дюрром—оба состояли на службе Советского правительства, чтобы «изменить, если возможно путем применения силы, создавшееся гнусное положение». Дюрр заявил, что на республиканские огряды охраны он может положиться. Ему, мол, достаточно 700—800 человек, чтобы покончить со всей этой историей. Было решено послать депутацию в Бамберг и запросить правительство, возьмет ли оно все дело в свои руки, если такие то, «кия рек», лица будут устранины. Мюнхенским вождям они намеревались поставить ультиматум; в случае, если бы они отказались добровольно уйти, предполагалось применить насилие. Затем Кюблер поехал в Бамберг, но там он ничего не добился, так как тем временем сорвалась попытка переворота 13-го апреля.

Суд был признателен этому «благородному» человеку, и вынес ему оправдательный приговор.

Никиш, учитель народной школы, примыкал к левому крылу правых социалистов. Именно после его доклада 3-го апреля аугсбургские правые социалисты требовали провозглашения Советской республики. Перед судом сей муж заявил, что он не является сторонником Советской республики и всегда держался убеждения, что в течение ближайших лет и десятилетий Советская республика может быть, пожалуй, использована, как государственная форма, но что, во всяком случае, при современных усло-

виях необходим компромисс между советским строем и ландтагом. Вопреки этому воззрению, он принимал участие в основании Советской республики и провозглашении «диктатуры» пролетариата, при чем занимал даже ответственный пост председателя Центрального Совета рабочих и солдатских советов Баварии. Перед судом этот храбрец уклонялся от ответственности за мероприятия Центрального Совета, выдвигая следующие доводы: ведь, ответственными за эти мероприятия должны считаться также и остальные 70 членов Центрального Совета, часть которых ныне занимает видные государственные посты. Свои полномочия председателя Центрального Совета он сложил, как только было принято решение подвергнуть буржуазную прессу цензуре. Верно то, что он был за пути 4-го 'апреля и входил в правительство, которое себя самого считало органом диктатуры пролетариата, но он в то же время был противником применения какого бы то ни было насилия. Как только Бамбергское правительство предприняло ряд шагов, направленных против Советской республики, Никиш поставил себе единственной задачей—вступление в переговоры с правительством Гоффмана. Таким образом, он поступил так же, как и остальные путисты: восторгаясь 'до небес, они приступили к перевороту, чтобы затем стремительно свернуться и увянуть, как только надынулись неизбежные последствия, предсказанные коммунистами и, прежде всего, товарищем Левинэ.

Толлер был, в качестве председателя Центрального Совета, фактически главою Советского правительства. Этические побуждения привели его во время войны в ряды независимой социал-демократии. Он принадлежал к тем натурам, которые, отдаваясь на волю волн собственного воодушевления, совершенно не знают, куда их несет поток. К этому присоединялось безграничное пламенное честолюбие, которое делало его слепым к реальной действительности. Профессор Вебер сказал как-то о нем, что бог в гневе своем сделал его политиком. И он вполне прав. Политика Толлера была мятущейся, непосредственной, безрассудной. Его темперамент совершал скачки от одного полюса к другому, от радостного героизма к жалкой слабости. От падения его оберегало только чувство самолюбия. Так как ему недоставало понимания политических

задач момента, он мелочными средствами стремился в политической борьбе к достижению преходящего успеха, впадая при этом в крайнюю демагогию. В его темные очи были влюблены все кисейные барышни, в его пафос—все политические девственницы. Со своими длинными локонами и шпагой кавалера на боку, он был живым воплощением романической фигуры прекрасных рыцарских времен.

Политическое соображение всех этих людей выявилось в их первом же великом деянии. Состряпав Советскую республику, они поторопились прикрыть ее наготу праздничными одеждами. 7-е апреля,—первый день существования этой Советской республики,—было объявлено днем национального торжества. Мюнхен пережил голубое утро красных знамен и красных розеток, шествий и военной музыки, фраз, фраз и фраз. Советская республика существует. Она стала действительностью. Всюду господствует тщеславная радость. Ни одной мысли о том, что теперь приближается вся серьезность классовой борьбы рабочего класса, ни одной мысли о жестоких последствиях всего начинания. Пурпурно-красный плакат красуется на всех углах: Диктатура Пролетариата! Буржуазия была свергнута... с помощью одного плаката. Рабочий класс был посажен в седло, благодаря фокус-покусам политических авантюристов, сам не сделав для этого ни малейшего усилия. И это называлось диктатурой пролетариата. Причастность пролетариата выразилась только в том, что ему подарили еще один праздник. Правительство и не подумало о том, чтобы созвать фабзавкомы Мюнхена, представить им на утверждение свой мандат и затем немедленно приступить к подготовке созыва Всебаварского съезда Рабочих Советов, который избрал бы правительство и предначертал ему программу действий. Ничего подобного. Бавария—Советская республика, но Советы бесильны попрежнему. Они как бы совершенно не существовали для правительства. В Баварии существовала диктатура пролетариата, но пролетариат в ней, как и раньше, оставался только объектом законодательства. Он должен был удовлетвориться тем, что вписал в свой календарь еще один праздник.

Правительство не думало и о мобилизации рабочих для защиты революции. Ведь, революция уже сделана!

Этим дилетантам от политики мнимое казалось реальным. Рабочий класс достиг господства, и буржуазия была уничтожена при посредстве фраз из их воззваний. Вполне конкретная действительность контр-революции стала для них документом, на котором вождь республиканских отрядов охраны, этого красугольного камня мюнхенской белой гвардии, обязывался «охранять» город Мюнхен и весь пролетариат и заявлял, что войска «дружной стеной стоят за социал-коммунистическую Советскую республику».

Ни намека на вооружение пролетариата, ничего напоминающего уничтожение старого аппарата власти. Дворцовая гвардия правительства, состоявшая из подозрительных элементов, существовала попрежнему. Буржуазная классовая юстиция продолжала функционировать, как-будто бы ничего не случилось. В министерствах остались прежние начальники департаментов и т. д.

Ничего не сделав для охраны и обеспечения революции, правительство приступило к практической работе. Оно правильно поняло, что первоочередной задачей Советского правительства является социализация. Но и здесь оно поторопилось обнажить перед всем светом свой ничтожный забавный дилетантизм. Каким могли быть первые, само собою разумеющиеся, мероприятия в области социализации? Взятие на учет банков, что делало капитал зависимым от государства, передача крупных и средних предприятий рабочему классу, учет средств существования и средств производства и распределение среди населения предметов первой необходимости, согласно определенным нормам. Но правительство было далеко от этого. Оно социализировало не социальный базис, а далекие ответвления социального дерева. Уже 7-го апреля это собрание литераторов, эстетов и ресторанных политиков «социализирует» университет. Ну, разумеется, для рабочих это—самый жгучий вопрос. Затем последовала «социализация» прессы, о чем так же, как вообще о методах социализации в мнимой Советской республике, мы еще упомянем в дальнейшем. Непосредственно капиталистами они решили заняться только после того, как будет разрешен вопрос заработной платы. Обращение банкнот было прекращено, и получение денег по чекам ограничено определенной суммой. Фабзавкомы переняли контроль над управлением производством.

Остальные неотложнейшие мероприятия последовали под давлением обстоятельств. Только 10-го апреля добились рабочие вооружения. Правительству удалось собрать для этой цели лишь около 600 винтовок, которыми были снабжены, главным образом, рабочие завода Маффей. Было опубликовано предписание о сдаче буржуазией оружия. Оно имело самый жалкий успех. Буржуазия достаточно отчетливо видела бессилие мнимо-советского правительства и сообразно этому действовала.

Были раскрыты контр-революционные заговоры. Это привело к созданию революционного трибунала. Он должен был заседать непрерывно и был составлен из 28 судей. Каждые 7 судей представляли собой суд. К ним присоединялся один присяжный поверенный с совещательным голосом. Необходимые присяжные поверенные разыскивались путем публикации в газетах (!). Судей должны были выделить социалистические партии.

Первый случай, которым занялся трибунал, касался вышних почтовых чиновников, установивших тайную телефонную связь с правительством Гофмана в Бамберге. Этот факт был доказан. Приговор: оправдание. Обоснование: контр-революционный акт был предпринят уже в дни брожения, предшествовавшего провозглашению Советской республики. Здесь сказывается влияние сотрудничества с патентованными юристами, которые обрабатывали здравый, но еще неуверенный рассудок пролетарских судей и превратили орган самозащиты революционного пролетариата в юридическую комедию...

Была декретирована грандиозная реформа жилищного дела. Для выполнения не сделано было ни малейшего шага. Был принят ряд постановлений, призванных служить делу пролетариата и коренному изменению общественных и производственных отношений. Но они только украшали бумагу и эффектно блистали с плакатных будок ярко красным своим шрифтом.

Что было причиной невыполнения? Прежде всего—самая власть мнимо-советского правительства существовала только на бумаге. Правительство было постольку господином своих постановлений, поскольку последние не встречали сопротивления. Оно не решалось подвергнуть испытанию свою власть, и поэтому оставляло широкий про-

стор агитации контр-революционных элементов. Во-вторых, полная бессистемность начинаний, причина которой лежала и во всей политической обстановке, и в пестроте состава лишенной руководящих принципов и ясного понимания политических задач клики «народных уполномоченных». Внутренний развал обрекал правительство на гибель. При этом не помогало даже то обстоятельство, что во вне Советское правительство имело довольно большой успех. Во всей Верхней Баварии Советская республика была признана. Рабочие и Крестьянские Советы взяли в свои руки контроль аппарата управления. Во многих местах рабочие вооружились. Им недоставало только единых директив. Что было напорчено в столице, то потенциально должно было ютозоваться во всей стране.

IX. Контр-революция.

«Реакция, господа, имеет практических слу-
жителей, а не краснобаев». Этот старый вывод Лас-
салья подтвердился и здесь. В то время, как в Мюнхене
делали эксперименты и едва затрагивался вопрос о реаль-
ной власти, Бамберг ставил себе только две цели, которые
преследовал настойчиво и планомерно: создание военной
силы и деморализация Советской республики путем распро-
странения клеветы и устройства заговоров.

Шнеппенгорст отправился в Нюрнберг с поруче-
нием действовать в пользу Советской республики и с на-
мерением конспирировать против нее и подорвать ее. Связь
с заговорщиками в Мюнхене была установлена при помощи
тайного телефона и шпионов. Контр-революция приступила
к работе.

Чрезвычайная всебаварская конференция социалистов
большинства в Вюрцбурге, — этот консилиум послуш-
ных мамелюков партии — бросила первые башлы за-
мешательства в рабочие массы. Партия Советского путша
объявила себя 47-ю голосами против 6 несогласной, по
мотивам политического и экономического характера, с
установлением Советской республики.

7-го апреля был открыт баварский Веймар. Правитель-
ство Гофмана перенесло свое местопребывание в черный
Бамберг и объявило себя единственной носительницей вла-

сти. Воззвание этого правительства позволяло отчетливо видеть цель его мероприятия. Насилие, блокада и демагогия. Оно бросило рабочему классу отравленную приманку: «Правительство твердо стоит за строительство Советской системы».

Вся германская реакция патентованных социалистов обратилась против Верхней Баварии. Правительство Эберта-Шейдемана исключило Советскую республику из состава германского государства. Правительство Вюртемберга, Бадена, Гессена и, несколько позднее, Пруссии сделали правительству Гофмана признание в любви. Вюртемберг одновременно поднес дружеский подарок, предложив свои полки студентов-головорезов.

Тысячью змеиных языков плелась ложь о положении в Мюнхене. Комичны и одновременно возмутительны те утверждения, которыми обрабатывалось в особенности крестьянство. Они имели успех. В то время, как вождь крестьянского союза, Гандорфер, сидел в Советском правительстве, правление союза не осмелилось определить свою позицию. Крестьянские Советы Франконии, Верхнего Поральца, Ризиса, Швабии и Альгая постановили прекратить подвоз продуктов питания в Мюнхен и Аугсбург, приступив к этой блокаде 8 апреля в 5 часов пополудни.

Долой Мюнхен! — таков был пароль всей буржуазии. В самом Мюнхене строила козни против Советского правительства антибольшевистская лига, общество «Тулэ» и социалисты большинства. Первые готовили заговор, а S. P. D. вела политическую работу по приказам и указаниям бамбергского правительства. Тайная телефонная связь продолжала функционировать. Социалистическая партия Германии, официально представленная в Советском правительстве, агитировала против Советской республики. В правительстве сидели ее шики. В самой партии 11-го апреля было предпринято голосование за и против Советской республики. Результат его до сих пор не был целиком опубликован. По неполным сведениям, в которых отсутствуют важнейшие рабочие округа, из 20.000 членов партии приняли участие в голосовании 7.000, из них 3.479 за и 3.507 против Советской республики. Для «Мюнхенского Красного Знамени» (Münchener Rote Fahne), была по поводу этого события написана статья, которая гласила:

«Это голосование есть подготовка открытой измены. Каковы факты? При подготовке провозглашения Советской республики Шнеппенгорсты воодушевленно выступают за этот план и добиваются министерских портфелей. Ныне Шнеппенгорсты сидят в Бамберге, организуют экономическое удушение Советской республики и приводят в движение против юга белую гвардию.

«Здесь Никиши. Они сидят в правительстве и входят в партию большинства. Они входят в правительство и в партию Шнеппенгорстов. Являясь членами правительства, они в то же время допускают осуществление подобного голосования. Они входят в правительство и стоят, как представители своей партии, во главе органов государства, не зная при этом, является ли их партия опорой этих государственных органов, или партией государственной измены.

«Перед кем Никиши чувствуют себя теперь ответственными? Перед своей партией, или перед своим правительством? Как представители своей партии они сидят в правительстве. Это представительство есть их функция в Советской республике. Она выполнена. Что они сделают теперь?

«История, этап за этапом, повторяется в этой революции. Новое издание Бремена. Там, одновременно со вступлением, в виду угрозы Бремену со стороны Герштенбергов, социалистов большинства в правительство, отъявленный мерзавец, председатель союза табачников и член Национального Собрания господин Дейхман сидел в штаб-квартире Герштенберга и вместе с ним руководил действиями против Бремена. Дейхман тоже передавал по телефону свои указания членам правительства Бремена.

«Мы недоверчивы, потому что мы научены чудовищным—и не этим одним—опытом. Мы требуем отчетливого ответа от Никиша и его товарищей, и не только от них, но и от Центрального Совета.

«Мы должны защищаться. Голосование является для нас предупреждением. Это еще не нож в спину пролетариата. Но этим голосованием нож отточен».

«Эта статья не могла уже быть опубликована в «Мюнхенском Красном Знамени». Прежде чем предупреждение могло подействовать, пришло предательство. Удар ножом был нанесен.

Х. Позиция коммунистической партии.

Мы уже изобразили, как К. П. Г. решительно выступила в решающем заседании против шарлатанского маневра провозглашения Советской республики. После 7-го апреля партия стала перед новой ситуацией. Переворот был произведен при содействии одной части старого правительства и без сопротивления другой ее части. Возникла мнимо-советская республика, которая оперировала лозунгами коммунистической агитации, не имея ни силы, ни хотя бы способности превратить эти лозунги в конкретную действительность. По отношению к этому правительству наша партия могла держаться только той же политики, что и по отношению к правительству Гофмана. Самая резкая критика была необходима. На больших митингах, которые происходили изо дня в день, в беседах на предприятиях, при пропагандировании наших идей в казармах,—всюду мы критиковали слабость и половинчатость этой затеи.

Мы не могли, однако, на этом остановиться. Если при правительстве Гофмана наши руки были связаны, то правительство мнимо-советской республики **вынуждено** было предоставить нам полную свободу действий. Мы не могли оставить эту возможность неиспользованной. Заявляя рабочим, что основой каждой Советской республики являются Советы рабочих, мы принуждены были одновременно приступить к строительству Советской системы. Указывая на то, что в Советской республике во главе правительства ставится не какая-нибудь клика политических авантюристов, и что правительственная власть **само собою** вырастает из Советов, мы вплотную столкнулись с **требованием** создать такое действительно Советское правительство. Объясняя им, что обе партии,—социалисты большинства, заклятые враги Советской системы, и независимые, предатели Фабзавкомов,—будучи сторонниками буржуазной демократии, не в состоянии осуществить коммунистические идеи Советской республики и диктатуры пролетариата, мы этим самым возбуждали в рабочих массах мысль о замещении коммунистами правительственной смеси из социалистов большинства, независимых и анархистов. Практическая работа так называемого Советского правительства, вернее, того, что по-

сило это название, чрезвычайно усугубляло коммунистическое настроение масс. Именно период, когда независимые находились у власти, т.-е. в наиболее благоприятном для себя положении, принес мощный приток новых членов в ряды К. П. Г.

9-го апреля собрались революционно настроенные старосты предприятий и полков, с полномочиями от своих избирателей, чтобы обсудить те мероприятия, которые выдвигались в порядок дня политическим положением. На этом собрании тов. Левинэ вскрыл перед рабочими всю ужасающую серьезность положения. Он указал на весь происходящий хаос и на последствия, которые повлечет за собой всякое решение. Собрание постановило объявить всеобщую забастовку, потребовало немедленной отставки Советского правительства, объявило себя самой носительницей всей полноты власти, исполнительные функции которой возложило на Комитет действий.

Это постановление было попыткой найти выход из хаотического положения. Но теперь очевидно, что оно тогда не могло быть претворено в действительность. Пролетариат не был еще целиком завоеван для коммунистических воззрений. Большие массы еще стояли за вождями Н. С. П. и, значит, за мнимо-советской республикой. Хотя революционные старосты предприятий владели мощным орудием в виде общей стачки, но их сил не хватало на то, чтобы взять на себя действительную политическую власть. Советское правительство и старосты предприятий противостояли друг другу. Оба ссылались на свои права, но ни одна сторона не могла решиться на какой-нибудь направленный против другой стороны шаг. В течение 10-го апреля сделалось очевидным, что решение в пользу одной из них приведет к междоусобной борьбе пролетариата. Чудовищность этого положения была обострена тем обстоятельством, что против Мюнхена двигалась белая гвардия. Шнеппенгорст и Энп стояли уже у Ингольштадта. Перед лицом этой опасности нужно было отложить беспощадное разрешение внутренних противоречий даже в том случае, если бы это разрешение было возможным или если бы к этому принуждали обстоятельства.

Такого взгляда держались обе стороны. Правительство

прислало представителей на собрание революционных старост предприятий и казарм, с умоляющей просьбой к коммунистам оставить свои сомнения и вступить в правительство. В ответ на это было постановлено, что члены комитета действий революционных старост должны поддержать своими указаниями Советское правительство в его мероприятиях по отражению белой гвардии. Правительство согласилось с этим.

11 апреля Комитет действий первый раз принял участие в заседании правительства. Вскрылась почти ужасающая картина беспомощности правительства перед лицом надвигающихся исключительных трудностей. Советская республика, все еще охватывавшая всю южную Баварию, в экономическом смысле стояла перед рядом угроз. Правда, продовольствия могло хватить еще надолго, и прежде, чем наступила бы действительная опасность в области питания населения, политический кризис должен был тем или иным путем найти свое разрешение. Чувствовался, однако, большой недостаток в угле и прочем сырье для промышленности. Комиссаром народного хозяйства был принят ряд мер для получения из-за границы необходимого сырья. Отсутствовала, однако, какая-либо надежда на успех, и уже на этом заседании было выдвинуто требование о вступлении в переговоры с правительством Гофмана с целью упорядочения железнодорожного движения и обеспечения южно-баварской промышленности. Коммунисты заявили, что с момента принятия постановления о переговорах с контр-революцией они будут считать свой мандат аннулированным. Благодаря их заявлению, это предложение некоторых народных комиссаров было отклонено. Затем коммунисты внесли ряд предложений, которые должны были способствовать осуществлению действительной диктатуры пролетариата и мобилизации всего рабочего класса для отражения белой гвардии. Эти предложения вызвали в правительстве огромное воодушевление. Они были немедленно сформулированы, приняты и в качестве декретов опубликованы на углах всех улиц. Создавалось впечатление, будто Советское правительство хоть чему-нибудь научилось среди тех трудностей, которые окружали его со всех сторон и побуждали к решительным шагам.

Но уже вечером того же 11-го апреля это впечатление было основательно поколеблено. Состоялось грандиозное собрание фабзавкомов, на котором должны были отчитаться отдельные партии. Еще раз выявилась та чудовищная сумятица, которая была внесена в рабочие массы событиями последней недели. Собрание, безуспешно искавшее какого-нибудь выхода из положения, было охвачено огромным возбуждением. Как показатель настроения, стоит привести из многочисленных внесенных предложений, частью принятых и затем опять забытых, одно наиболее характерное: вся власть вручается товарищу Левину (Levien), который сам должен подобрать себе сотрудников. Только с трудом оказалось возможным объяснить рабочим Советам, что дело не в личностях, а в том, каким образом должен действовать пролетариат, как таковой. «Мюнхенское Красное Знамя», излагая точку зрения коммунистической партии, какой она была представлена фабзавкомам, дает следующий отчет о собрании:

«На скамье подсудимых сидела коммунистическая партия. На скамье подсудимых сидела она, и все же собрание было выражением высшего признания коммунистической партии, ее мощи и ее значения для революционного движения. Эта дань признания приносится все чаще и все громче. И все более страстно и ожесточенно возводят на нее обвинения.

«Почему коммунистическая партия, этот мощный хребет и крепкий кулак революции, отказывается взять ответственность за провозглашение Советской республики? Почему она не возлагает эту ответственность на свои плечи после того, как Советская республика стала действительностью? Таковы были вопросы, которые ставили нам обвинители, истинные представители мюнхенского рабочего класса. С их уст срывались обвинения: вы разрываете пролетариат на части, вы разбиваете цельность и единство пролетариата.

«Почему мы уклоняемся от ответственности? Потому ли, что мы слишком трусливы? Нет. Никто не утверждает этого, никто не решится на такую мысль. Все знают, что коммунисты, само собой разумеется, в борьбе с контр-революцией будут стоять в первых рядах.

«Из ущемленного самолюбия? Потому ли, что мы разобиделись оттого, что не мы были первыми? Подобный упрек мы отшвырнем с пренебрежением. Мы не старые кумушки.

Мы политики. Мы берем положение таким, каково оно есть.

«Потому ли, что мы робеем перед сильными решениями и энергичными мероприятиями? Мы слишком хорошо знаем, что в момент величайших развязок только решимость, бесспособность и безоглядность ведут к цели. И мы полны воли для этого.

«Мы не уклоняемся от ответственности из боязни перед ответственностью. Ведь, мы знаем, что нас делают ответственным за каждое революционное выступление, откуда бы оно ни исходило. Перед контр-революцией Спартак всегда в ответе.

«Коммунистическая партия уклоняется от ответственности не только потому, что она ставит себе задачей толкать массы вперед, но и потому, что первейшей ее задачей является внести ясность в массы.

«Эта ясность действительно необходима именно мюнхенскому пролетариату.

«Когда мы одалживаем правительство нашими советами и делаем все, чтобы побудить его к решительным, целесообразным действиям, мы выполняем в этот крайне опасный для пролетариата момент наш революционный долг. Уклоняясь от ответственности, мы проводим резкую грань между нами и нынешним Советским правительством, между путем и действительным революционным действием. Эта грань показывает массам отчетливее и яснее, чем какие бы то ни было слова, то, что им надлежит увидеть.

«Эта грань говорит пролетариям: только из ваших действий должно возникнуть Советское правительство. Только расчистив место, сможете вы возводить здание Советской республики. Только от вас должна исходить инициатива, из вашего самопроизвольного движения все сильнее, все полновластнее и победоноснее должно складываться Советское правительство...

«Советская республика не жизнеспособна, и никакой героизм не в состоянии сделать ее таковой. Невозможно, однако, совершившееся сделать несовершившимся. Всякое историческое деяние имеет свои железные следствия. Реакция выступает против Советской республики, чтобы поразить революционный пролетариат, чтобы его уничтожить.

«Мы, коммунисты, входя в Центральный Совет, чтобы там нашим советом содействовать делу защиты пролетариата, готовые бороться, как солдаты революции, обращаем иници-

мание масс на решающие моменты. Мы говорим им: оставьте всякие иллюзии относительно этой Советской республики. Концентрируйте все ваши мысли, всю вашу волю на защите пролетариата.

«Если массы это усвоят, тогда мы при современном положении достигли крайнего, крайне возможного для спасения пролетариата».

Наши доводы произвели на собрание большое впечатление. Но при том чудовищном возбуждении, которое им овладело, действительное понимание нашей точки зрения было недостижимо. Собрание не дало осязательных результатов.

На следующий день обнаружилось, что наши предложения, принятые с таким горячим одобрением правительством, все же не были проведены в жизнь, не могли быть проведены в жизнь.

На это не хватало силы. Мы уже были склонны к тому, чтобы ясно выявить это обстоятельство, отказавшись от сотрудничества в правительстве в качестве участников-консультантов и всецело посвятив себя партийной работе. Но и на этот раз события опередили нас. Уже 12-го апреля ряд событий произошел на улицах Мюнхена. В число наших требований, предъявленных правительству, входил арест Ашенбреннера. Было принято, но не выполнено, соответствующее постановление. Перед вокзалом произошли беспорядки. Республиканские отряды охраны открыли по толпе огонь. Семь человек было ранено. Причины этого происшествия так и остались невыясненными. Заметно было, что происходят какие-то приготовления. Позднее выяснилось, что членам правительства было определению известно о подготавливавшихся событиях, но они настолько не владели ходом вещей, что не приняли никаких мер.

XI. Контр-революционный путш.

Утром 13-го апреля на улицах мюнхенских улиц красовался следующий плакат:

К трудящемуся населению Мюнхена.

Рабочие и солдаты!

Сегодня ночью весь гарнизон Мюнхена, в единении с преисполненной заботой о благе и печалях

пролетариата друзьями народа, объявил Центральный Совет низложенным.

Сегодня соберутся рабочие и солдатские Советы, чтобы определить свое отношение к старому социалистическому правительству.

Рабочие и солдаты! Честолюбивые, пришедшие агитаторы, проводящие исключительно своекорыстную политику, преследовали, смущая умы достигнутым единением пролетариата, свои эгоистические цели. Наша судьба была доверена таким людям, как Липп и Вадлер. Липп сделал донос на Эйснера, Вадлер предал бельгийских рабочих. Теперь Мюнхен одинок и отрезан от всей страны. Дело идет о нашем спасении. Поддерживайте поэтому законное правительство, которое водворит порядок, даст работу и хлеб.

Вне Мюнхена стоят наготове поезда с продовольствием.

Обеспечьте себя от реакции, поддержав социалистическое правительство.

Мюнхен 13 апреля 1919 г.

Объединенный гарнизон Мюнхена.

Что произошло, выяснилось позднее во всех деталях в процессе по обвинению Мюзама в государственной измене. Путш исподоволь подготовили мюнхенские вожаки правых социалистов, обеспечив себе согласие правительства Гоффмана. Согласно показаниям заговорщиков, 10-го апреля состоялись переговоры между двумя правыми социалистами — д-ром Вальтером Левенфельдом и д-ром Эвингером — и обоими командирами отрядов охраны, Зеиферитцем и Ашенбреннером, в результате которых было принято решение «энергичным нажимом вырваться из состояния безысходного лавирования и внезапным нападением покончить с Советской республикой». Они поехали в Бамберг, где прежде всего встретили майора Паулюса, который предостерег их, указав, что подготовка еще не достаточна. Затем произошла беседа с министрами Гоффманом, Эндресом и Шнеппенгорстом. Заговорщики требовали, чтобы им в Мюнхене предоставили свободу действий, до тех пор, пока опять будет восстановлен порядок. После окончания операций явится пра-

вительство Гофмана. Необходимые полномочия были немедленно же устно даны. В письменных полномочиях было, в интересах конспирации, отказано. Заговорщики, отъезжая из Бамберга, были весьма опечалены отношением к ним правительства. Похоже на то, думалось им, что правительство, втягивая их в это дело, хочет остаться незапятнанным в стороне, в случае если бы предприятие окончилось неудачей. Они послали поэтому доктора Эвинтера обратно за письменными полномочиями. Однако, ему не только отказали в полномочиях, но оказалось, что не выполнены и другие условия, согласно которым в Эйштадт должны были быть доставлены 18 вагонов молока и мяса и военный отряд в 600 человек, а в Мюнхен должны были быть посланы 600 саперов из Фюрстенфельдбрюка.

В Мюнхене эта компания работала с антибольшевистской лигой, которая предоставила в распоряжение заговорщиков, для столь благой цели, несколько сотен тысяч марок денег на подкупы и взятки. Правда, перед судом господ социал-демократы, д-р Эвингер и К^о, не осмелились упомянуть об этом обстоятельстве, но после подавления путша были найдены расписки на эту цену предательства. Коммунистам удалось арестовать целый ряд подкупленных и подкупавших лиц, благодаря чему связь была ясно установлена. Деньги были, главным образом, использованы для подкупа республиканских отрядов охраны, которые поэтому-то и юддерживали довольно дружно заговорщиков.

В ночь на 13-е апреля была сделана попытка привлечь и другие части гарнизона, но удалась она только в отношении Советов некоторых казарм, которые-то и выпустили от мени всего гарнизона уже приведенное выше воззвание. Полк лейб-гвардии был, говорят, готов выступить за правительство Гофмана, но не на стороне предателя Шнеппенгорста.

В продолжение ночи был затем арестован целый ряд членов минно-советского правительства: Мюзам, д-р Вадлер, Миллер, Зольдман и прочие. Арестованные были переправлены в Эйхштэт, а затем в каторжную тюрьму Эрбрах. Заспорили заговорщики и о шкуре великого льва коммунизма. Дюрр заявил, что Левин и Левинэ должны быть во что бы то ни стало убиты. Среди контр-революционных войск было вообще создано настроение, подходящее для самосудов и линчевания.

Все усилия были немедленно направлены на обработки умов. Воззвание заговорщиков было крайне остроумно составлено. В первый раз в массы был брошен намек о пришедших агитаторах. Липп и Вадлер чернили за совершенные во время войны и в течение революции антинародные поступки, т. е. обвинялись в том, что в удвоенном и утроенном количестве тяготело на совести социалистического большинства. Затем — ловкая приманка продовольствием, и в конце эта воплотившаяся реакция пользуется, как особый демагогический трюк, предостережением перед реакцией. В таком же духе было выдержано и воззвание мюнхенского областного комитета социал-демократической партии. Эти господа рассчитывали достигнуть после свержения Советского правительства особого эффекта обещанием, что правительство Гофмана возьмет на себя «обеспечить народ экономические и политические достижения революции и привести в исполнение здоровые идеи советской системы». Социалисты большинства созвали собрание секций, на котором членам предполагалось дать необходимые распоряжения. Но до собрания уже не дошло.

К. П. Г. собралась в полном составе в помещения секций (рабочих организаций) и на фабриках. Комитет действия был вначале того мнения, что переворот следует рассматривать, как совершившийся факт, и соответственно приспособить работу партии. Это намерение разбилось: провокаторское выступление белой гвардии, которая явилась вооруженной до зубов в помещение одной из секций и открыла там стрельбу. Коммунисты немедленно же приняли вызов и разогнали белых, разбив их наголову. Это было сигналом к всеобщему восстанию.

Партия выпустила следующие боевые воззвания:

Р а б о ч и е!

Час борьбы пробил!

Предательство нагрянуло из Бамберга. Предательство уже в ваших стенах. Члены Центрального Совета арестованы. Их уволокли в Пассату. Предателями провозглашено опять правительство капиталистов, правительство Гоффмана. Уже теперь они отнимают у вас ваши права. Они вырежут всех классово сознательных рабочих. Они перебьют вас всех.

Все это произойдет в случае, если вы не возьметесь за оружие.

Вооружайтесь! Соединяйтесь с солдатами, бьющимися за свободу.

Ступайте в казармы и увлеките солдат, еще держащихся в стороне, на борьбу за дело пролетариата.

Приступите к всеобщей стачке!

Рабочие! теперь или никогда. Революция помилбл, если и теперь вы не сумеете бороться. Тогда ваши эксплуататоры сядут вам вьюнь на шею. Тогда голод опять охватит вас и ваших детей.

На карте ваше будущее.

Вы боретесь за весь германский рабочий класс, за мировую революцию.

Долой предателей и врагов рабочего класса!

Долой правительство Гофмана!

Да здравствует Советская республика!

К борьбе!

Коммунистическая партия (союз Спартака).

С о л д а т ы

Предатели революции объявили войну. Они стремятся к низвержению рабочего класса.

Поможете ли вы им в этом?

Будете ли вы расстреливать ваших братьев рабочих?

Если да, то что же ждет вас впереди?

На вас опять набросят ярмо рабства. Ваши офицеры, ваши мучители вновь станут вашими господами. Вы опять станете рабами.

Вы не можете желать этого. Поэтому вы должны бороться плечом к плечу с вашими братьями из мастерских.

В ваших руках оружие!

Используйте его против предателей, против истязателей народа. Передайте рабочим излишнее вооружение. Они будут бороться рядом с вами.

Многие из ваших Советов казарм предали вас и рабочих. Арестуйте их. Произведите перевыборы Советов

казарм. Изберите себе действительных вождей в борьбе.

Дело идет о великой цели. Дело идет о вашей свободе. Дело идет о судьбе революции.

Долой предателей!

Долой Элла, Шнеппенгорста и его друзей — их союзников!

Долой правительство Гофмана, правительство капиталистических эксплуататоров!

Да здравствует коммунизм!

Да здравствует Советская республика!

Вперед к борьбе!

Коммунистическая партия (союз Спартак).

Рабочие взяли за оружие, к ним примкнули крупные части гарнизона. В то время, как в отдельных пунктах коммунистические агитаторы, развернувшие свою деятельность с самого утра, разъясняли рабочим происходящие события, в других пунктах дело уже дошло до стычек, в которых белогвардейцы были оттеснены до самого вокзала. Были убиты парламентарии, посланные к заседавшим в вокзале с предложением сложить оружие. В ответ на это немедленно произошла атака на вокзал, проведенная с огромной энергией. Вокзал был обстрелен из пушек, бомбометов и пулеметов и, после достаточной подготовки, атакован. Ашенбреннеру удалось удрать на локомотиве. Остальные части республиканских отрядов охраны, крепко засевшие в Лунтпольдовской гимназии, в комендатуре города и т. д., сдались без сопротивления. Борьба стоила 70 жертв убитыми и ранеными. Контр-революционный путь был, таким образом, подавлен; вооруженный пролетариат остался победителем.

ХII. Диктатура пролетариата.

С контр-революционным путем закончилась и масленица мнимой Советской республики. Победа рабочего класса в уличных боях привела с собой всю серьезность диктатуры пролетариата.

Борьба вокруг вокзала еще продолжалась, когда собрались фабзавкомы и солдатские Советы (Советы предприятий

и казарм). Собрание находилось под непосредственным впечатлением больших событий. Минуты излишние дебаты, приступили к практической работе. Коммунисты развернули свою программу. Миммо-советское правительство в действительности уже не существовало. Его последней глупостью был приказ Толлера, намечавший на 9 часов утра 14-го апреля вооруженное восстание. Советы предприятий и казармы приняли поэтому следующее постановление:

«Временный революционный совет рассматривается, как прекративший свое существование.

«Вся законодательная и исполнительная власть Советской республики вручается состоящему из 15 членов Комитету действия».

Комитет действий, позднее расширенный до 30 человек, вовсе не состоял исключительно из коммунистов. Правда, все его члены обязались проводить коммунистическую программу, но входили в их число и социалисты большинства, и независимые, и коммунисты. Коммунисты были даже в значительном меньшинстве, но они господствовали в Комитете, благодаря своему революционному опыту, своим политическим взглядам и своей энергии. Входившие в Комитет действий социалисты большинства состояли из рабочих. Они открыто заявили себя коммунистами и только не хотели своим переходом в такой момент навлечь на себя подозрение в карьеризме. После крушения они, поскольку стало известным, все осуществили свой переход в К. П. Г. О них у нас сохранилось весьма благоприятное впечатление. Относительно независимых нам еще придется говорить.

Что теперь побудило К. П. Г. вступить в правительство? Исторический момент был точно так же неблагоприятен, как и раньше. Попрежнему партия не видела в южной Баварии почвы для создания самостоятельной Советской республики. Контр-революция тем временем стала из положительной—вполне осознательной опасностью. Правда, в свое время тов. Роза Люксембург заявила, что коммунисты не доставят реакции удовольствия принять власть, как только Эберт и Шейдеман выпустят из рук кормило, прежде чем рабочий класс достаточно для этого созреет. Но при этом предполагалась иная ситуа-

ция, чем сложившаяся в южной Баварии. Во всех городах активная часть пролетариата была настроена в пользу коммунистов. Можно было предполагать, что и другие слои рабочего класса, которые уже теперь инстинктивно тянулись к коммунистам, смогут быть целиком завоеваны при проведении соответствующей коммунистической политикопросветительной работы. Решающим фактором было следующее: рабочим удалось добиться победы. Надвигались новые опасности. Не подлежало сомнению, что только что победившие рабочие вступят в борьбу не за жизнь, а за смерть. Чужие (не наши) лозунги могли бы внести в их ряды смятение и тем их ослабить, но от борьбы их не отвлекло бы ничто. В такое мгновение революционная партия борьбы обязана была стать во главе борющихся. Перед лицом грозившей контр-революции могла быть только одна задача: подготовка обороны. Но это означало диктатуру пролетариата, и в таком смысле предпосылки для нее были в восставшем рабочем классе даны.

Правительственная власть была вручена фабзавкомами и солдатскими советами Комитету действий. Комитет действий, со своей стороны, избрал Исполнительный Совет из 4-х товарищей, на который возлагалось представительство во вне и обязанность контролировать работу комиссий. Были созданы следующие комиссии:

- воениная комиссия;
- комиссия для борьбы с контр-революцией;
- отдел пропаганды;
- экономическая комиссия;
- комиссия путей сообщения.

Для управления финансами был назначен ~~в~~ в качестве народного комиссара Меннер, и к нему прикреплен политический комиссар. Для организации полицейской службы был также назначен правительственный комиссар.

Первым делом фабзавкомов было санкционирование объявленной революционными уполномоченными предприятий всеобщей стачки. Теперь целью последней стала оборона революции. Положение оставалось совершенно не выясненным. Возможность контр-революционного погрома не была исключена до тех пор, пока пролетарская власть не консолидируется, тем более, что сейчас же после взятия власти были обнаружены следы широко раз-

ветвленного заговора. В виду этого, рабочий класс должен был в любой момент быть в боевой готовности. Рабочие, за исключением получавших особые назначения, были сосредоточены по своим предприятиям.

Вооружение пролетариата наступило вместе с началом борьбы. Если мпимо-советскому правительству удалось, несмотря на все старания, собрать для этой цели только пару сот винтовок, то теперь немедленно же было отыскано до 20.000 винтовок и много другого оружия и снаряжения и распределено по предприятиям среди рабочих. Была образована Красная гвардия, которая сейчас же взяла на себя, взамен распушенной полиции, несение службы по охране города. Кроме того, она должна была служить резервом на случай оборонительной борьбы.

Для отражения контр-революционных нападений извне была создана Красная армия. Основой для нее послужили наличные полки. Войска, в своей массе, были вполне надежны. Только часть солдатских Советов чинила большие трудности. В силу закона инерции, перевыборы их происходили в редких случаях.

Прекрасное поведение войск, — не считая лейб-гвардейские части, проявленное вплоть до завершительных боев, объясняется тем, что крестьянские сыны по большей части оставили армию и в последней остались пролетарии города, отчасти растворенные мелко-буржуазным элементом. Офицерство из полков совершенно исчезло. В Красную армию принимались исключительно рабочие, принадлежавшие к социалистическим партиям или к вольным профсоюзам. В нее вступило значительное число русских военнопленных и еще более значительная часть итальянцев и австрийцев. Они понимали, какая их постигнет участь, если Красная армия будет разбита, и поэтому принадлежали к ее лучшим бойцам, давая героический пример интернациональной солидарности.

Солдаты и рабочие были смешаны в армии в однообразных армейских частях. Этим предполагалось укрепить в них чувство пролетарской связи и политически воспитать молодых солдат. Командиры рот, групп, взводов и отдельных частей избирались нижними чинами. Командиров полков и руководителей самостоятельных формирований назначала военная комиссия, согласуясь с полками.

Вождем Красной армии являлся Эгльгофер, молодой матрос, еще в 1917 году принимавший участие в первом матросском восстании в Киле, и вместе с Рейхничем приговоренный к смерти. Смертная казнь была ему заменена пожизненной каторгой, а революция освободила его от вершенно. Эгльгофер выделялся благодаря исключительной энергии и решимости. К тому же он обладал почти детской скромностью, был далек от фразерства и всегда готов получить урок и политический совет. В дни решающих битв он действовал неустрашимо с сознанием, что все равно погибнет. Арестован он был, когда прощался с близкими ему людьми. Белые бестии убили его самым изверским образом.

Разоружение буржуазии было предписано еще мпимо-советским правительством, сопровождалось угрозами тяжелых наказаний, но почти не достигло тогда успеха. Теперь оказалось достаточным, чтобы пара рот красногвардейцев промаршировала по улицам, как буржуазия двинулась тустыми толпами сдавать разного рода оружие, винтовки, охотничьи ружья, сабли и даже украшения. Сдававшие являлись в таком большом количестве, что приготовленные на первый случай помещения для оружия оказались недостаточными. Разумеется, заядлые контр-революционеры оружие все же припрятали, но они были настолько ослаблены, что уже безусловно не могли представлять собой значительной силы. А готовность к борьбе вооруженного рабочего класса держала их в шорях.

Комиссии для борьбы с контр-революцией предстояло выполнять трудную и чрезвычайно необходимую работу. Шпионы проникали всюду, часто с чрезвычайной ловкостью. Целый ряд из них удалось разоблачить. Теперь-то ясно, что целый ряд все-таки раскрыть не удалось. Очевидно, что и попытки подкупа в некоторых местах не оставались бесплодными. Заговоры плелись в течение всего периода господства Советов. Многократно были раскрыты собрания офицеров, студентов и т. д. Комиссия в своей работе делала, разумеется, и оплошности. Несколько, однако, она все же осторожно работала, видя из того факта, что князь Турна и Такенса много раз арестовывался на основании отдельных подозрений, но каждый раз опять освобождался, благодаря неполноте дока-

зательств. Наконец, он был задержан на месте преступления в так называемом Обществе «Тулэ», которое подготавливало широко поставленный заговор и заготовило себе удостоверения К. П. Т., бланки и штампы правительства, факсимиле подписей. Участники принадлежали к высшей аристократии и буржуазии. Некоторые из них были расстреляны (нашумевшее «убийство заложников»). Брались и заложники из высших кругов. Но с ними ничего не приключилось.

Целям укрепления революции служила и деятельность отдела пропаганды. Он издавал «Известия Исполнительного Совета Фабрично-заводских и Солдатских Советов», и, кроме того, был занят выпуском многочисленных летучек, необходимых для опровержения контр-революционных клевет, для просвещения крестьян и солдат. Летучки распространялись с помощью рабочих и летчиков. Множество пропагандистов было послано в деревню. На отдел пропаганды была возложена также и радио-телеграфная связь с Москвой и Будапештом.

XIII. Экономические мероприятия.

Весь аппарат управления города и, поскольку на это достало времени, сельский аппарат был реконструирован. Руководство в некоторых отраслях было возложено на фабзавкомы, которые работали под наблюдением правительственных комиссаров. Фабзавкомы имели право увольнять тех из ответственных чиновников, которые обнаружали контр-революционные воззрения, либо своим антиобщественным поведением показали себя недостойными занимаемого поста, либо были в аппарате управления только декорацией, представительством капиталистического авторитета. Там, где фабзавкомы в этом смысле не достигали цели, могли вмешиваться правительственные комиссары. Такой порядок вполне себя оправдал. Производство почти не наталкиваясь на внутренние трения, продолжало функционировать и без директоров, ассесоров и пр-сора. Служащие без сопротивления подчинялись руководству ими же избранных представителей, которые вполне справлялись с возложенными на них задачами. Разумеется, такой порядок

был установлен лишь на определенный переходный период, и должен был впредь сохраниться только для чисто-производственных аппаратов. Было ясно, что все административные учреждения, имеющие какой-либо политический характер, должны будут со временем влиться в коммунальные (городские) советы фабзавкомов. Вообще управление страдало именно в тех областях, которых постигла коренная реорганизация, связанная с полнейшим отсутствием децентрализации. Насколько именно в Советской республике управление должно осуществляться при помощи крутой централизации, настолько же оно должно, разумеется, органически расчленяться. При той полнейшей незначительности, до которой опустились с течением времени местные рабочие Советы Германии, в связи с тем обстоятельством, что им не удалось взять на себя в общественной жизни хотя бы какую-нибудь практическую функцию, новые органы не могли быть созданы одним махом и с размахом. Было намечено для всех правительственных комиссий и для других отраслей создать в отдельных районах города отделы, руководство которых находилось бы в руках рабочих Советов. Но, к сожалению, до осуществления этих планов не дошло, что тормозило и остальную деятельность правительства. Удушающий поток мелочей устремился на правительство и препятствовал его широко намеченной работе. Не один план попал, благодаря этому, под сукно.

Дешевое удовольствие—издеваться над этими слабостями советского правительства, или вопить о «беспорядке» и «бесхозяйственности». Только глубоко предубежденные люди или политические невежды не умеют или не желают понять, что революция в первую очередь означает глубокую дезорганизацию, что такое мощное народное движение, как движение 13-го апреля, неминуемо должно было исколыхнуть и вынести с собой на поверхность захваченную со дна тину. В Мюнхене положение усугублялось наличием старых воинских частей, в составе которых были элементы, благодаря войне, постепенно отвыкшие от труда, ставшие преступниками. Фактически то, что происходило в Мюнхене, в смысле грабежа и разбоя, стоит далеко позади того, что было проделано в славную революцию 9-го ноября и, что позднее продолжала белая гвардия.

Разница заключалась только в том, что Советское правительство со всей энергией выступило против этой дезорганизации и в несколько дней овладело положением, в то время, как деяния белой гвардии планомерно затухали и даже поощрялись...

К важнейшим мероприятиям в экономической области относятся обеспечение народного питания, конфискация всех запасов и отмена преимуществ буржуазии. С этой целью была проведена грандиозная кампания по изъятию излишков. Она дала огромное количество всякого рода предметов первой необходимости, которые были использованы в первую очередь для обеспечения Красной армии и лечебных учреждений.

Снабжение предметами первой необходимости, не подвергаясь непосредственной опасности, было все же затруднено, благодаря блокаде, установленной правительством Гофмана вокруг южной Баварии и становившейся все чувствительнее с продвижением белой гвардии. Политика изнурения голодом проводилась как раз теми самыми лицами, которые вопят по всему свету о безнравственности Антанты, ведущей войну против больных, стариков и детей. Мы, со своей стороны, не вопили, мы слишком хорошо знали, с какими каннибалами мы имеем дело. Мы не отчаивались и тогда, когда белогвардейцы на вокзалах выливали в канавы молоко целыми тысячами литров. Политика блокады правительства Гофмана падала на его же голову. Учреждение, руководившее организацией распределения продовольствия, оставалось в самом Мюнхене. Гофманцы забыли взять с собой план распределения. Благодаря этому, на узловых пунктах северной Баварии нагромождались горы товаров, чудовищное *embarras de richesse*, которое могло задушить правительство Гофмана и обречь северо-баварские города на голодную смерть. Трудности с обеих сторон способствовали созданию платформы для переговоров между обоими враждебными правительствами. Подобные переговоры и состоялись 20-го апреля в Ландсберге. В них приняли участие: один представитель экономического совета, представитель государственного комиссариата продовольствия и три чиновника учреждения, распределявшего продовольствие, организация которого сохранилась нетронутой. Со стороны Бамбергского правительства

явились: присяжный поверенный, доктор Эвингер и майор Зейфер. Достигнуто было следующее соглашение:

1. Бамбергское правительство выражает согласие, чтобы необходимые для Мюнхенского округа транспорт и продовольствие были затребованы через Штаб армии в Ульме.

2. Прием представляемых Бамбергским правительством транспортов продовольствия производится уполномоченным Баварской продовольственной комиссией, Мюнхен, улица Александра, № 4, при чем имя уполномоченного должно быть предварительно сообщено Штабу армии в Ульме.

3. Народный комиссар продовольствия Советской республики заявляет, что будет обеспечено равномерное распределение среди всего населения Мюнхена и установлена достаточная охрана складов продовольствия.

Нет надобности упоминать о том, что комиссия подверглась со стороны белогвардейцев оскорблениям и угрозам. Понятно и то, что высокодостойный г-н д-р Эвингер имел сведения, что «в Мюнхене продовольствие получают только коммунисты»... Однако, показательно, что представители Бамберга не могли предъявить мандатов, хотя переговоры и были возбуждены Бамбергом. Это показывало, что гофманцы не руководствовались серьезным желанием держаться соглашения и шли на него постольку, поскольку их вынуждали собственные трудности. Позднее подтвердилось правильность этого соображения.

Хуже всего обстояло дело в области снабжения Мюнхена молоком. Подвоз со 150.000 литров упал до 17.000, чтобы затем вновь подняться до 80.000 литров. Вследствие этого, молоко выдавалось только детям и больным. Кондитерские печенья были запрещены. Чтобы овладеть угольным кризисом, было постановлено, что уголь выдается только небастующим предприятиям и учреждениям и семействам рабочих.

XIV. Финансы.

Коммунизм не мог родиться из Советской республики так, как Афина-Паллада из головы Юпитера—с крепкими лангетами и полной грудью. Капитализм должен быть ликвидирован, но это значит, что особенно теперь нужно считаться с фактом его существования.

Вместе с ослабленным войной и революцией капитализмом, Советская власть получила в наследство и финансовые неурядицы. Прямого недостатка в денежных знаках не чувствовалось, хотя Советское правительство было лишено испытанного средства Шейдеманов и Гоффманов—возможности печатать, очертя голову, кредитки. Бамбергцы увезли с собою литографские камни. Но, разумеется, буржуазия использовывала все средства сопротивления и саботажа, вплоть до изъятия из обращения денежных знаков, чтобы заставить пролетариат запросить о пощаде. Всеобщая забастовка тоже неблагоприятно повлияла на финансы.

Всплыла необходимость принять крутые меры против спекуляции деньгами и валютой со стороны буржуазии, против припрятывания денег, которым занималось испуганное и уstraшенное мещанство. Столь же коренные меры нужны были для урегулирования вопроса о заработной плате.

Как уже упомянуто, дело финансов было поручено народному уполномоченному Меннеру, к которому был представлен политический комиссар. Исполнительным органом являлся революционный банковский совет, выделившийся из обновленных объединений торгово-промышленных служащих.

Банки были немедленно же национализированы. Обращение банкнот было прекращено. Получать по чекам разрешалось только до 100 марок в день или 600 марок в неделю с обязательным указанием назначения или потребности. Банковские сейфы были вскрыты, лежавшие в них деньги конфискованы и записаны на счет владельцев. Постановление о конфискации сейфов и ценностей было просаботировано тем самым Меннером, который участвовал в его составлении. Сей муж заявил, что он не может принять участия в «политической краже». К этому случаю мы еще возвратимся. Коммерческая тайна, это защитное средство капиталистического обмана, была упразднена. При-

прятывание денег было объявлено подлежащим наказанию, вывоз ценных бумаг и выплата прибылей запрещены.

Ежедневный приход крупных и средних предприятий и квартирная плата должны были—первый ежедневно, вторая в ежемесячные сроки расплаты—сдаваться в банк для записи на счет. В предприятиях фабзавкомам был поручен контроль над проведением этого распоряжения. Заработная плата выплачивалась за счет предприятий и во время всеобщей стачки. Необходимые для этого средства могли быть выплачиваемы банками, согласно указаний фабзавкомов. Мелкие предприниматели получали государственные авансы, если они через посредство фабзавкомов доказывали, что они не имеют в своем распоряжении достаточных средств. Находящиеся на фронте или занятые на государственной службе рабочие также получали жалование со своих основных предприятий.

ХУ. Социализация.

Правительством Гофмана в Мюнхен был приглашен д-р Нейрат, как специалист по социализации. В мнимой Советской республике он был народным уполномоченным по этой отрасли. Нейрат в свое время своими предложениями в области социализации обратил на себя внимание. Он хотел провести «постепенную социализацию хозяйства», и, значит, достигнуть цели не тем революционным путем, какой намечали злонамеренные коммунисты. Это был чисто-меньшевистский метод постоянного влияния вокруг революции. Уже начало его работы в области социализации было характерным. Он проповедывал капиталистам социализм, держал им речи на собраниях и призывал их к сотрудничеству. Предприниматели и интеллигенция составляли для него главное, рабочие же были на втором плане.

Но Нейрат обладал качествами, которые делали его ценным и для Советского правительства. Он был полон энергии, организационного таланта и, кроме того, обладал способностью подчиняться чужой воле, не стремясь выдвигать себя самого. При условии, если бы Советское правительство держало его в вожжах, он мог принести большую

пользу. Поэтому, Советское правительство пригласило его в качестве организатора.

Советское правительство могло заложить только основы социализации.

Наброшенные выше финансовые мероприятия на деле означали переход кредитных учреждений в руки государства. Необходимо было только их технически реорганизовать. Владея этими кредитными учреждениями, Советская республика одновременно господствовала и над всем хозяйством. Банки и промышленность фактически находились в руках пролетариата и теперь дело было только в том, чтобы приступить к созданию социалистических производственных отношений. Основы таковых были заложены в фабзавкомах, которые фактически держали в своих руках крупные и средние предприятия и проводили столь тщательный контроль, что во многих случаях это почти означало действительное руководство всем предприятием. Из фабзавкомов были выделены производственные советы (Fachräte), которые, правда, так и не начали функционировать. Эти советы должны были состоять из представителей фабзавкомов соответствующей отрасли промышленности, из делегации всеобщих Советов рабочих депутатов, которые могли бы противодействовать ведомственному эгоизму данной отрасли, и из правительственных комиссаров. Производственные советы (Fachräte) должны были затем привлечь необходимых технических и экономических советников. Во главе всего этого должен был стоять экономический совет, которому был соподчинен и контрольный совет по наблюдению за деятельностью производственных советов (Fachräte). Для временного рабочего контрольного совета были уже даже избраны от 1 до 2 представителей каждого производственного совета (Fachrat), 5 представителей из числа безработных, 2—из числа пострадавших на войне и 2—из числа осиротевших в результате войны. Профсоюзы, как таковые, не должны были входить в весь этот аппарат, но все же было предусмотрено, что их технический аппарат будет использован управлениями, в особенности для статистических и тому подобных целей.

Так, в самых общих чертах была начертана предстоящая организация экономической жизни. Предварительные единичные постановления были сделаны только по отношению к фабзавкомам, а именно, следующие:

Временные правила о контроле фабрично-заводских комитетов над управлением предприятиями.

Согласно постановлению о фабзавкомх устанавливается следующий порядок контроля:

I.

Фабзавкомы осуществляют полнейший контроль над всем управлением производством.

II.

Над фабзавкомом стоит местный производственный совет (Fachrät) соответствующей отрасли производства. Спорные случаи переносятся на его разрешение.

III.

Производственный совет проводит свои решения через контрольный совет и, по соглашению с последним, организует социализацию.

IV.

Для предоставления возможности единого руководства предприятиями, за техническим руководителем должна быть сохранена свобода решений в области ведения дела. Распоряжения управляющим делами или руководящим чиновникам фабзавкомы ни в коем случае не дают. Соответствующие предложения проводятся через производственный совет (Fachrat).

V.

Прием и увольнение личного состава, за исключением руководящих лиц, происходит через фабзавком путем соглашения с местными производственными советами (Fachräte), которым фабзавком представляет доклад. Допустима апелляция к контрольному совету.

VI.

Все соглашения об условиях труда, жаловании и заработной плате,—в особенности о тарифах,—строга

соблюдаются фабзавкомами. С этой целью они должны контролировать все денежные выплаты.

VII.

Все вопросы относительно заработной платы, жалования, рабочего времени и тому подобное регулируются совместно администрацией предприятия и фабзавкомами. Обе стороны должны привлечь при этом местный производственный совет данной отрасли промышленности.

VIII.

Фабзавкомы обязаны:

а) контролировать входящую и исходящую почту, получать и контролировать, в особенности, почтовые повестки, переводы на банковский или почтовый текущий счет;

б) при денежных переводах тщательнейшим образом проверять оправдательные документы;

в) при получении денег с текущего счета подписывать чеки и т. д., и представлять образцы своих подписей в соответствующие финансовые учреждения;

г) поступающие деньги вносить на банковский или почтовый текущий счет;

д) проверять баланс, кассовую книгу, главную и подсобную кассы;

е) заботиться о том, чтобы при посредстве производственных советов были удалены примазавшиеся управляющие;

ж) следить за тем, чтобы сохранялись в резерве деньги для выдачи заработной платы и жалования, так же, как и для закупки материалов, сырья и т. п.

з) ознакомиться с банковским счетом и установить, насколько хватит денежной наличности для дальнейшего ведения предприятия.

IX.

Каждый член фабзавкома и производственного совета может быть во всякое время смещен, если только большинство занятых в производстве физических и умственных работников вынесет ему вотум недоверия. Затем происходят новые выборы члена данного фабзавкома или производственного совета.

Временные постановления.

Выплата дивидендов и паев баварским подданным продолжается вплоть до урегулирования вопроса контрольным советом.

Сотрудничающие предприниматели получают — до установления общего порядка контрольным советом и центральным экономическим советом — определенный прожиточный минимум, соответствующий их жизненному укладу.

Можно, разумеется, быть недовольным тем, что сделано Советской республикой в этой важной области. Кто, однако, представит себе внутренние затруднения, внешние сопротивления и всю ту чудовищную работу, которую пришлось проделать Советскому правительству, тот должен будет согласиться с тем, что и здесь, в чрезвычайно короткий срок основное для разрешения вопроса было сделано.

И существенно здесь вот что: это были не просто декреты, которые издаются и затем проводятся чиновниками, здесь в действительности весь рабочий класс представлял собой огромное действующее целое. Он был проводником всех этих коренных мероприятий. И, несмотря на избиение рабочего класса, несмотря на отступление, которое принес с собой май месяц и которое не удалось преодолеть еще в течение долгих месяцев, — из сердца, из мозга мюнхенского пролетариата не удалось вытравить сознание, что он — пусть короткое время — но все же был фактическим владельцем производства, владельцем своей собственной

рабочей силы. Это гордое сознание будет постоянно жалить его сердце и побуждать к новым революционным выступлениям.

XVI. Печать, просветительные учреждения и т. п.

Одной из излюбленных идей Нейрата была социализация прессы. Осуществимо ли это? Нет. Возможна социализация технического аппарата и огосударствление отдела объявлений. Сама же печать есть нечто большее, чем просто доходное предприятие капиталиста. Она является средством оказывать политическое влияние на народ, и как таковое, — с некоторыми диктуемыми целесообразностью ограничениями, — есть средство власти, идейное оружие господствующих классов... А поскольку подвергаются угрозе основы государства, она превращается в орудие власти самого государства. Цензура, конфискации, запрещение газет и других печатных изданий — блестящее тому доказательство. Пролетариату тоже необходимо создать свое государство, конституировать себя, как господствующий класс, и применять меры давления, которые ему нет надобности лицемерно затушевывать фразами о так-называемой демократии, о свободе прессы. Пресса не должна быть социализирована, она должна стать орудием диктатуры пролетариата. Это, разумеется, задевает нежные чувства буржуазии, а их-то Нейрат ни в коем случае не хотел уязвлять. Итак, он в мнимо-советской республике печать «социализировал» и предписал декретом, что мнение редактора отныне не должно подвергаться воздействию со стороны частно-капиталистических интересов. Газеты должны представляться в распоряжение партий теми общипами, чьей собственностью они являются. Должны быть созданы редакционные советы, в которых социалистические редакторы будут принимать участие в качестве своего рода государственных комиссаров. Той партии, у которой нет возможности создать своей газеты, должно отводиться определенное число строк в других газетах. А для того, чтобы редакторы были лишены возможности слишком нагло мошенничать, их следует обязать регулярно помещать статьи противных партий.

Кто хоть сколько-нибудь разбирается в вещах, тот презрительно рассмеется над этой дикой затеей. Только НСП всерьез занялась в мнимо-советской республике такой дичью.

При мнимо-советском правительстве буржуазные газеты подвергались цензуре. Но очень скоро выяснилось, что твердо держаться этого порядка совершенно невозможно. Буржуазные редактора саботировали. Они попросту забрасывали работу. Ландауэр стал поэтому перед необходимостью передать газеты в руки правительства и их редактирование поручить революционерам. Был привлечен для сотрудничества целый ряд интеллигентов, и получилась любопытная картина, когда, например, «Мюнхенские Последние Новости» заполнялись большевистской и спартаковской литературой. Помимо коммунистического манифеста и брошюры «Чего хочет Спартак?», печатались также статьи Розы Люксембург и других. Мы этим могли быть вполне удовлетворены, тем более, что сидевшие в редакции анархисты и независимые почти не имели своего материала.

Всеобщая забастовка прекратила выход в свет всех газет, в том числе и революционных. Появлялись только «Известия Исполнительного Совета». При этом выяснилось, что среди революционной интеллигенции совершенно отсутствуют силы, которые способны были бы писать в революционно-марксистском духе. Обладавшие соответственными качествами товарищи были слишком перегружены государственной работой и вся работа по составлению статей, летучек и т. п. была свалена на руководителя отдела пропаганды. И это параллельно с той организационной работой, которую ему, кроме того, приходилось проделывать по отделу пропаганды. «Известия» не могли поэтому получить тот вид, какой было желательно им придать. К этому присоединился открытый саботаж печатников, которым вдруг взбрело в голову, что долгом их революционной чести является бастовать, а не поддерживать революционное правительство. Первое время «Известия» помещали официальные распоряжения правительства, сообщения о положении вещей, в передовице—регулярную оценку момента. Кроме того, печатался ряд русских материалов, попавших в наши руки вследствие счастливой слу-

чайности и в первый раз опубликованных, благодаря этому, в Германии. Позднее газета была поручена другому составу редакционной коллегии. Ее содержание стало многосторонней, но потеряло, к сожалению, свой строго марксистской характер. Здесь-то обнаружился—увы, также, как и в других областях—огромный недостаток в силах.

После всеобщей забастовки, перед комитетом действия встал целый ряд острых вопросов. Печатники бунтовали. Они являлись с комиссиями фабзавкомов, в которых вдруг выплыли борзописцы буржуазных газет, т.-е. контр-революционеры по призванию. Они требовали безусловного выхода газет, хотя бы и под цензурой, грозя в противном случае забастовкой. Мы не упускали из виду того, что с помощью буржуазной прессы можно было бы шире развернуть просветительную работу среди сельского населения. Но нам просто не хватало цензоров и мы слишком хорошо знали из собственной практики за время войны, как легко водить за нос цензора... То, чего цензура должна была бы не допустить, выходило бы в свет, пожалуй, в подчеркнутом виде. Цензор давал бы свою подпись под ловкую контр-революционную группировку фактов и их комментирование. Мы настояли на запрещении буржуазной прессы. Появляться должны были только «Мюнхенское Красное Знамя», «Новая Газета» и «Мюнхенская Почта».

«Мюнхенская Почта»¹⁾ немедленно повела ярко контр-революционную линию. Она не говорила ни одного слова о господствующей обстановке, но печатала одну за другой антибольшевистские статьи. Массы были этим чрезвычайно разъярены, а это было как раз то, чего мы хотели: разоблачение социал-демократических контр-революционеров.

«Новая Газета»²⁾ ничего не стоила. Она не касалась ни одним словом положения в Мюнхене, которое, однако, давало бесконечно много материала для политических и партийно-тактических статей. В то же время в ее распоряжении были почти все писательские силы НСП. Эта пустота была признанием духовного банкротства НСП.

«Мюнхенское Красное Знамя», наоборот, регулярно вы-

¹⁾ Орган германской с-д. партии большинства.

²⁾ Орган независимой с-д. партии.

двигало вопросы дня и даже теперь, когда ее партия была у власти, она решалась, не считаясь ни с чем, критиковать внутренние слабые стороны революции, руководясь сознанием, что только критика является средством борьбы с недостатками.

Чтобы воспрепятствовать контр-революционному шпионажу и пропаганде, была установлена цензура на телефоне и телеграфе. При этом удавалось нападать на след различных тонко работающих право-социалистических шпионов.

Мнимо-советское правительство заранее поставило всю свою работу по своему же образу и подобию — придало ей блестящую обманчивую видимость. Так, например, одним из ее первых мероприятий было назначение уполномоченного по внешним делам, хотя для него абсолютно не представлялось поля деятельности. Помимо кичливых прокламаций, этот министр иностранных дел проделал только одно — освободил русских военнопленных. Оскорбленный исторический разум как-будто хотел отомстить за себя, поставив с язвительной иронией во главе этого чисто декоративного исторического учреждения безумца, страдавшего манией величия, который в конце-концов обратился от имени социалистическо-коммунистической Советской республики с приветствием к самому богу, или, вернее, к его заместителю в Риме. Второе Советское правительство отказалось от этой декорации.

В таком же роде складывалось и дело революционизирования образовательных учреждений. Ландауэр в первую голову начал с социализации университета и академии искусства. Были созданы советы учащихся. Профессура была разогнана и должна была быть замещена. О народных школах, вопрос о которых должен был в первую очередь стать перед советским правительством, совершенно не думали. В противоположность этому, коммунистическое правительство было совершенно свободно от необходимости действовать показным образом. Его стремлением было создать, прежде всего, основу пролетарского господства и только затем заняться преобразованием социальной надстройки.

Участие интеллигенции в работе того и другого правительства отчетливо отражало противоположность их характеров. При мнимо-советском правительстве вертелись толпы этих элементов, которые всюду хозяйничали на свой

страх и риск, делали ответственные заявления, строили планы, пытаясь кустарно проводить их в жизнь. Для действительно серьезной работы их невозможно было использовать. Среди них господствовала отвратительная погоня за должностями. Все эти литераторы, актеры, музыканты и т. д. вдруг обнаружили, что они на самом деле являются коммунистами. Слово «товарищ» срывалось с их языка с необычайной легкостью. Показательно, что должности в отделе пропаганды добивался, между прочим, и один видный полицейский чиновник со своей супругой. Театральная публика выражала готовность представить в распоряжение отдела пропаганды свое искусство. Однако, каждое практическое предложение дать пролетариату действительно революционное искусство встречало с их стороны единственно решительный ответ «невозможно». К сожалению, слишком мало было времени для того, чтобы доказать им, что в революционную эпоху невозможного не существует. Позднее эти храбрые господа, изображавшие на сцене изо дня в день, по призванию, героев, упорно отрицали свои сношения с Советским правительством. Особенно забавен один случай с кинопостановками: ими была поставлена «настоящая большевистская картина», о которой мы для увеселения наших читателей сообщим только, что в ней Толстой и Ленин в трогательном единодушии постоянно обивают пороги Николая II, и по всем правилам искусства располагают его сердце в пользу бедного русского народа. Итак, можно дать следующую краткую оценку интеллигенции: тщательное наблюдение за тем, куда ветер дует, полная дряблость и трусость.

XVII. Внешнее положение.

С мечом в одной руке и молотом в другой работала Советская республика над своим строительством. Внутри власть пролетариата крепла. С скрежетом зубовным признавала буржуазия свое бессилие. Но извне рос нажим. О своей «победе» 13-го апреля правительство Гофмана с триумфом телеграфно оповестило весь мир. Свое поражение оно скрывало в Баварии в течение долгих дней. В конце-концов оно должно было его признать. Но зато оно с

тем большим коварством обрушилось на своего противника. Мюнхенский пролетариат получил теперь представление о том, ядом какой лжи наполняются в течение нескольких лет сообщения буржуазии о Советской России. В то время, как в самом Мюнхене господствовало радостное спокойствие прекрасных весенних дней, буржуазная пресса за пределами Мюнхена была наполнена невероятными рассказами о страхах, царящих в пролетарском центре. Начиная со «Свободного Государства», официоза гофманцев, «Крестовой Газеты» и «Немецкой Газеты» до «Форвертса» и тысячи их маленьких отростков в провинции—все занимались распространением басен о страхах и ужасах в Мюнхене. Мюнхен весь в огне, обезумевшая толпа день и ночь громит магазины и частные жилища. Между войсками и рабочими происходят кровавые бои. То солдаты, то рабочие умоляют правительство Гофмана спасти их из отчаянного положения. Буржуазия расстреливается пачками, Левин захватил два миллиона марок и сбегал, коммунисты распределяют продукты между собой и ночи напролет беспутнейшим образом кутят с кокотками. Население же бедствует и как мухи мрут старцы и дети. И, наконец, доставленное журналистом Леонардом Адельт из берлинского «Тагеблата» устрашающее известие: социализация женщин, включая и замужних, декретирована в виде закона! Жаль, что распутные буржуазные дамочки узнали об этом обстоятельстве только из летучек, разбрасываемых летчиками Гофмана над Мюнхеном. Жаль, а они охотно опочили бы на мохнатой, запятнанной кровью, груди красногвардейца. Но красногвардейцы, увы, были немилосердны... В Мюнхене смеялись над этой ложью. Но на крестьян и солдат, изо дня в день питаемыми все новыми версиями, ложь оказывала свое действие. Двинута была новая серия лжи. В бумажках, разбрасываемых над Мюнхеном, сообщалось о том, что город за городом отпадает от Советской республики и переходит к Гофману. Гофман указывал мюнхенцам на угольный кризис, который те испытывали,—он замалчивал, что ему самому в своей области пришлось до крайности ограничить железнодорожное движение и почти совершенно прекратить пассажирское. Мюнхенцам обещались все радости неба, если они пошлют коммунистов к черту. Им будут даны все

прелести социализма вкупе с советской системой. Но все это не действовало. Гофману оставалось последнее средство—пушки, пулеметы.

Но и с этим ему не поздоровилось. Коммунистическая пропаганда пользовалась успехом. Полки, составлявшие гарнизон Нюрнберга, Ингольштадта и т. д., выходили из подчинения, как только для них становилось очевидным, какому наглому обману они подвергались.

В Фрайзинге был задержан и распропагандирован рабочими эшелон в 1,200 человек пехоты и артиллерии. Солдаты сдали свое оружие, покинули своих офицеров и отправились по домам.

Войска, которые вступали в бой, терпели поражения. 15-го апреля Красная армия выбила белогвардейцев из Аллаха, Карсфельда и Дахау. У Дахау было взято 150 пленных, в том числе 4 офицера и захвачено 4 пушки, 3 крупных пулемета и много миллионов патронов. В боях за Дахау Красная армия потеряла 8 убитыми и некоторое количество раненых. Авиационный парк у Шлейзгейма был отбит от бесых. Летчики перешли на службу к Советской республике, неся военную и политико-просветительную работу.

После горячего боя был занят Розентейм (южнее Мюнхена). Ночью красные отряды обстреливались там буржуазией из подвалов и с крыш. Массовые обыски способствовали извлечению многочисленного оружия. Был на основании особого положения расстрелян один буржуа.

18-го апреля к нам перешло 700 человек из Нюрнбергского полка после того, как их парламентарии ознакомились с положением в Мюнхене. Они сдали свое оружие и заявили, что у себя на родине будут выступать за Советскую республику. Два бывших с ними офицера обещали, что и они отдадут должное истине и не будут больше бороться против Советской республики. Их позднейшие дела показали, чего во время гражданской войны стоит слово немецкого офицера. Мы не поддавались никаким иллюзиям, и они не могли нам в дальнейшем причинять вред.

В тех городах, которые, вообще говоря, не были пропитаны идеями Советской республики, например, в Нюрнберге и Бамберге, войска и пролетариат чинили гофманцам большие трудности. Гофманцам пришлось применять отчаянные уси-

для роспуска солдатских Советов и подавлять движение рабочего класса путем усиленного осадного положения. Шнеппенгорст, во всех помоях искупавшийся Шнеппенгорст, плакал, как уверяют историки из буржуазной прессы, горючими слезами по поводу полнейшего неподчинения регулярных войск. Но еще оставалась возможность спасения: мобилизация буржуазии и люмпен-пролетариата против революционных рабочих, создание белой гвардии. Шнеппенгорст и Эпп развивали лихорадочную деятельность. Воззвание за воззванием распространялось по всей стране, лицемерных, лживых и сентиментальных, или, называя вещи своими именами — белогвардейских. Помощь приближалась со стороны. Вюртембергский Носке — гражданин Блосс — предложил студентов своего корпуса, недавно только искупавшихся в крови штутгартских рабочих, а сам Носке мобилизовал против Мюнхена свою армию.

В Мюнхене еще не чувствовались плоды этих усилий. Наоборот, известия, проникавшие в Мюнхен через курьеров и иными путями, сообщали о катящейся через Германию мощной революционной волне. В Рурской области горнорабочие стойко продолжали свою гигантскую забастовку. Буйство белой гвардии, арест девятки и 400 рабочих представителей только сильнее спаяли рабочих. Горнорабочие округа Эльсниц-Цвикау боролись за заработную плату. 40.000 служащих Берлина бастовали, отстаивая свои избирательные права. Одновременно объявили забастовку банковские служащие, а в Саксонии началась громадная стачка сочувствия. На Франкфуртском конгрессе железнодорожники постановили начать борьбу за заработную плату, а в Данциге они уже перешли к действию. В Гамбурге состоялись грандиозные демонстрации безработных и произошли выступления голодающих масс. Среди портовых рабочих и докеров происходило огромное движение. По всей Саксонии было установлено осадное положение и введены военные суды. Лейпциг де-факто вышел из подчинения дрезденскому правительству. Делегация штутгартских товарищей обещали мюнхенским рабочим реальную поддержку. К этому присоединялись благоприятные сообщения из-за границы. Победы Красной армии в России и Венгрии, восстание в Италии, огром-

ные забастовки в Англии и первые волны мощного движения во Франции.

Это было мгновение, когда даже холодно и трезво размышляющие головы находили бодрость в надежде: Сага! авось пройдет! Ведь ждал же весь мир в октябрь-ноябрьские дни 1917 года крушения Советской республики. А Ленин попрежнему стоит во главе господствующего русского пролетариата. Быть может, и мюнхенский пролетариат удержится на своих фортах, если штурм революции за его пределами будет крепнуть, и тогда будет достигнута желанная цель: Германская Советская республика.

Пролетарская власть была в зените. Над Мюнхеном нежно светило весеннее солнце.

XVIII. День пролетариата.

В таком повышенном настроении открыл мюнхенский пролетариат свой грандиозный «день». Десятидневная всеобщая стачка достигла своей цели. Организация обороны достигла такой степени, что можно было отказаться от связанного со стачкой состояния напряженной готовности. На собраниях фабзавкомов, а также в Комитете действия, со стороны независимых были в полнейшем политическом ослеплении сделаны попытки дать стачке постепенно погаснуть. Коммунисты отчетливо сознавали, что раздробление стачки безусловно неблагоприятно повлияет на уверенность пролетариата в своих силах и поднимет настроение буржуазии. Поэтому, они выставили и провели требование о том, чтобы после Пасхи, 22-го апреля, еще раз со всей мощью была проведена всеобщая стачка. Все те предприятия, которые до сих пор оставались в стороне с целью обеспечить для населения питание и т. п. и которые на один день могли бы без большого ущерба прекратить работу, должны были также вовлечены в стачку. Этот день должен явиться днем грандиозной демонстрации мощи пролетариата. С утра должен был состояться «смотр» всем свободным от фронтовой и гарнизонной службы войскам—Красной армии и Красной гвардии. На многочисленных митингах пополудни предполагалось обрисовать значение этого дня, после чего должны были со-

стояться демонстрации всего мюнхенского пролетариата. В противовес тому праздничному дню, какой был установлен мнимо-советским правительством, день 22 апреля должен был демонстрировать силу и готовность к борьбе. Мы считаем нужным привести здесь отчет о красном дне, помещенный в «Известиях Исполнительного Совета».

«22-е апреля было великим днем победы и торжества молодой Баварской Советской республики. В последний день всеобщей забастовки рабочий класс вышел на улицу, чтобы демонстрировать свою мощь и свою решимость.

«Приближающаяся весна серым холодным днем опустилась на улицы города. Уже с раннего утра всюду царило необычайное оживление. Толпы людей большими или меньшими группами текли по улицам. И все это—исключительно рабочие, пролетарии. Совсем не видно было щегольски одетых господ и элегантных дам. Мюнхенская буржуазия как-будто исчезла на этот день с лица земли. В этот рядовой буднич-ный день на улицах Мюнхена были только рабочие, только наемные рабы, которые в остальное время, целый год сряду, с раннего утра и до поздней ночи копошатся в мрачных фабриках и мастерских и тянут ляжку, чтобы выжать из себя прибавочную стоимость для капитализма. Теперь все они были под знаком красного знамени, под знаком борьбы. Рабочие были вооружены. С красной перевязью на рука-вах, с винтовкой на плече проходили трудящиеся Мюнхена к Военному Министерству на Людвигштрассе. Здесь произошел смотр силам всех вооруженных рабочих и солдат революционного города Мюнхена.

«Армия вооруженного пролетариата в военной форме и без нее бесконечной цепью катилась во всю ширину Людвигштрассе. Грандиозная, небывалая картина.

«По беглой оценке прошло от 12 до 15 тысяч вооруженных. Воистину число вполне достаточное для того, чтобы внушить буржуазии и ее прихлебателям уважение к вооруженной мощи пролетариата.

«Когда отряды вооруженных рабочих и солдат двн-

гались вдоль улиц к площади Терезии, во всех домах были замкнуты двери и спущены жалюзи, притаившись за которыми буржуазия в бессильном страхе прислушивалась к новой силе, которую ей уж никогда не удастся покорить.

«Красная армия пролетариата не похожа на щегольскую армию капитализма. Не видно было блестящих форм и выложенных с иголки офицеров. Отсутствовала музыка оркестров: тяжелым шагом, серьезно и тихо, маршировали колонны в скромных рабочих костюмах. На всех лицах было написано мужество, решимость и сознание своей ответственности.

«В 3 часа пополудни состоялось 11 больших собраний, на которых перед массами выступали революционные вожди. В каждом из гигантских помещений этих собраний вместились от 4-х до 5-ти тысяч человек. Во всех этих залах обычная картина, напоминающая майские торжества. И все же: как не обычно настроение! И Интернационал сводил рабочее движение на степень простой борьбы за заработную плату и лишал их революционного духа. Празднование 1-го мая шло, таким образом, почти до степени буржуазного праздника. Красный день Мюнхена, напротив, был отмечен печатью революции и борьбы. Мюнхенский рабочий класс только что одержал свою первую великую победу: захватил власть в свои руки. Многие рабочие пришли на собрание вооруженными. То здесь, то там раздавался стук приклада, опущенного на пол, и уже одно это придавало всем собраниям совершенно особый характер.

«В 5 часов состоялось массовое собрание на площади Терезии, и отсюда почти неисчислимая толпа двинулась гигантской демонстрацией назад через самые оживленные улицы города к Бриннерштрассе. Массы собрались перед дворцом Виттельсбахов, где помещался мозг и сердце революции. Здесь находилось первое пролетарское Советское правительство Баварии. В готическом строении из красного кирпича, бывшей резиденции Виттельсбахов, теперь расположились представители трудящихся, занятые строительством пролетарского государства. Перед входом стоя-

ли часовые: вооруженные пролетарии, сознающие свои классовые интересы и защищающие на этот раз свое дело, а не дело капиталистов и эксплуататоров. Под нежно весенним покровом расцветающих деревьев собрались массы, стекавшиеся ко дворцу Виттельсбахов, как стекается к сердцу кровь. Некоторые рабочие принесли с собой, как бы в качестве трофеев, пулеметы. В празднике Советской республики принимал участие не только фабрично-заводский пролетариат: явились и тысячи почтово-телеграфных работников—мужчин и женщин.

«Вверху на балконе—рабочие вожди, занимающие ответственные посты, день и ночь проводящие в неутомимой деятельности, работая над укреплением Советской республики. «Да здравствует международная революция!» «Да здравствует Советская республика!» «Долой Бамберг!» «Долой Гофмана и Шнеппенгорста!» «Да здравствует революционный пролетариат!» «Да здравствует Российская Советская республика!»—выкликают толпа, и каждый из этих кличей является далеко не пустой фразой. Мюнхенский пролетариат уже доказал, что он в состоянии своим телом и кровью отстаивать революцию.

«С балкона были произнесены речи. В первую очередь выступил комендант города и командующий Красной армией, не изукрашенный нашивками и увешанный орденами генерал, а простой пролетарий, обращающийся к пролетариям в полном сознании той великой задачи, за выполнение которой он борется. Он закончил свою речь возгласом: «Мы были первыми, поднявшими в Германии знамя пролетарской революции, и мы должны напрячь все силы, чтобы всюду осуществить наш идеал!».

Из последующих речей одну мы приводим дословно:

Обращение к мюнхенскому пролетариату.

«Товарищи! Собравшиеся сегодня неисчислимые массы пролетариата Баварии напомнили мне одну картину из истории. Я вспомнил о том невероятно гро-

мадном собрании, которое во время Великой Французской революции состоялось на Марсовом поле. Это было собрание, на которое стекся весь парижский пролетариат с целью потребовать от правительства решительного углубления революции и устранения всех предателей, прежде всего изменника, короля Людовика XVI. Это была гигантская, мощная демонстрация. Но тогда пролетариат Парижа на опыте убедился, что одними демонстрациями революция не делается. Что оказалось? В эти дни те самые люди, которые вначале стали во главе революции,—вождь французской буржуазии Бейли и участник гражданской войны в Америке Лафайет,—подняли красное знамя, которое тогда было символом осадного положения и избиения пролетариата. Было поднято красное знамя, а массы расстреливались картечью, и тысячи пролетарских трупов покрыли Марсово поле.

«Товарищи, мы знаем современных Бейли и Лафайетов. Это Носке, это Шнеппенгорст. И они, призванные стать во главе революции, выдвигнутые доверием масс на самые ответственные посты, приняли эти посты, чтобы стать тайными убийцами рабочего класса. Но им придется испытать то же, что испытал Лафайет и Бейли. Ненависть на трудящихся показала массам в чем дело; они ухватились за оружие, чтобы довершить французскую революцию. Мощными ударами секиры они низвергли феодализм.

«Товарищи, подобная же публика принялась за дело и теперь. Они хотят орудиями убийства столкнуть рабочих с того пути, на который вступил во имя своей великой цели пролетариат. Им это не удастся. Это не может и не должно им удастся. Начавшееся в Париже в 1789 году революционное движение прокатилось по всей Европе, и именно Париж всегда давал сигнал к новым восстаниям. Во всех буржуазных революциях к бунту, к мятежу призывал массы Запад. Пролетарская же революция пришла с Востока. На Востоке счастье, на Востоке взошло солнце. Мы выражаем благодарность нашим русским братьям, которые восстали первыми, которые с чудовищным наприя-

жением сил и неизмеримым самопожертвованием взяли на себя гигантское дело штурма укреплений капитализма. Мы последовали за ними, за нами последуют другие!

«Товарищи, мировая революция надвигается. Последняя революция, как мы надеемся, если исполнится то, чего мы хотим: если из всех народов образуется одно единственное огромное общество, связанное и спаянное трудом. Общество свободных, самостоятельных и внутренне дисциплинированных масс, где каждый стоит на службе всех, а все существует для блага каждого. Это столь великая, гигантская цель, что нам, стоящим на передовых постах, следует воодушевиться и сказать: «Мы должны остаться на этих передовых постах, мы должны здесь удержаться и если нужно, мы ляжем костями».

«Товарищи, красное знамя—никогда оно было символом избиения рабочих. Оно пропитано кровью рабочих. Это красное знамя стало символом революции, символом освобождения всего человечества. Мы поклянемся на нем, что будем стойко и в тесном единении оставаться на поле битвы, пока будет обеспечена победа всемирной революции. Вместе со мной слейтесь в дружное ура вождям, ведущим пролетариат к всемирной революции. Сошлемся в общем кличе: «Слава Марату и Дантону, Карлу Марксу, Фридриху Энгельсу и Фердинанду Лассалю. Да здравствуют Ленин и Троцкий, вожди русского пролетариата, и Белла-Кун, стоящий во главе венгерской революции! Слава нашим бессмертным вождям Карлу Либкнехту и Розе Люксембург! Да здравствуют вожди революционного пролетариата!».

ХІХ. Предательство независимой социал-демократической партии.

В то время, как общее положение представлялось более или менее благоприятным, внутренние трения возрастали. Коммунистам приходилось вести тяжелую борьбу с трудностями, возникавшими из недостаточной зрелости всей

обстановки. Недостаток сил тормозил работу почти во всех областях. К. П. Г. все чаще сталкивалась с необходимостью выдвигать новые силы из своих рядов. В конце-концов, она всех своих людей до последнего человека заняла работой в Красной армии и в аппарате управления. Несмотря на серьезные предупреждения, от других партий не удавалось получать подкрепления. Казалось, что Н. С. П. проводит открытый саботаж. Повидимому, ее партийные работники были заняты сбором членских взносов, в то время, как партийная работа К. П. Г. была совершенно заброшена.

Но все было бы еще сносно, если бы не бесконечные дебаты, возникавшие в Комитете действия по поводу необходимости того или иного мероприятия. Уровень политического сознания был чрезвычайно низок. Вместо того, чтобы обсуждать практические вопросы, приходилось, в конечном счете, читать обширные теоретические лекции. Вот один пример ограниченности мышления и зависимости от воззрений буржуазного периода: в один прекрасный день по какому-то поводу было выдвинуто требование объявить членов Комитета действия пользующимися правом иммунитета. Левинэ пришлось обстоятельно доказывать, что в буржуазных парламентах иммунитет является необходимым средством самозащиты представителей порабощенных классов против капиталистической власти, но что в Советской республике иммунитет является бессмыслицей, так как у власти стоит сам рабочий класс. Таким образом, здесь иммунитет только может подменить диктатуру пролетариата диктатурой нескольких непогрешимых. Внесенные предложения были пристыжены, и сняли его. Всякое малодушное предложение извне находило своих заступников в Комитете действия.

Подлинным источником всяческих печалей были фабзавкомы. Так как не было предпринято специальных выборов в городской Совет рабочих депутатов, и каждое предприятие посылало на заседания всех своих членов фабзавкомов, получалась коллегия из многих тысяч голов, что делало ее совершенно неработоспособной. К этому присоединялось совершенно недемократическое избирательное право, которое лишало ценза как раз лучшие силы революции. Предприятия, имевшие до 40 рабочих, избирали

рали одного члена фабзавкома, до 80—двух, до 150—трех, до 250—четырех, до 400—пяти, до 600—шести, до 3.000—девяти и свыше 3.000—десяти членов фабзавкомов. Мелкие предприятия получили, таким образом, несоответственный перевес. Благодаря этому, в собрании, которое должно было состоять из цвета революционных сил, мелко-буржуазный элемент был представлен сильнее, чем в самом рабочем классе. К тому же фабзавкомы упорно не хотели соглашаться на новые выборы, которых принципиально требовали коммунисты, стремясь, после совершенной революции, дать рабочему классу возможность выявить и в своих избирательных органах свою новую политическую ориентацию. Независимые, в роде Толлера, Менера и др., всеми силами сопротивлялись этому.

Уже было упомянуто о том, что буржуазные редакторы были представлены в фабзавкомах. Когда мы запротестовали, нам было заявлено: но, ведь, это тоже люди, работающие по найму, и контр-революционно они держат себя только потому, что их к этому принуждают издатели. Гейневское «Воспевай хотя бы пса Меценатова, лишь бы наестся досыта»—стало правилом жизни этих мещан.

На собраниях фабзавкомов принимали участие и бывшие полицейские. Это тоже оправдывалось, и вот каким образом: ведь, и они пролетарии, и если позорно то, что они состояли на службе капитала, то проступком следует считать и то, что рабочие ходили на фабрики. Публика совершенно не понимала разницы между рабами и надсмотрщиками.

И на такое собрание должна была опираться коммунистическая политика. Надолго такое положение было невозможным. Оно делалось тем невозможнее, чем труднее складывалась вся обстановка. С чисто мелко-буржуазной манерой делались попытки обкарнить диктатуру пролетариата, тут и там урывая и отшвыривая клочки власти. Чем теснее смыкалось кольцо вокруг Мюнхена,—в особенности после падения, во время пасхи, храбро защищавшегося рабочими Аугсбурга,—тем более усиливалась тревога среди членов фабзавкомов. Прекрасно зная психику баварского мелкого буржуа, контр-революция бросила в толпу крылатое словечко об иноземных элементах и евреях. Это словечко все более открыто применялось на собраниях

фабзавкомов и обнаружило враждебность некоторой части этого собрания к коммунистической политике. Тем не менее все же удавалось убеждать фабзавкомы в необходимости принципиальной политики. Было, однако, заметно, что оппозиция лишь против своей воли подчиняется доводам коммунистов. Она не могла противопоставить этим доводам ничего неопровержимого, но доводы покоряли только ее ум, а не сердце. И это могло быть успехом только постольку, поскольку трепещущее от страха сердце еще не погасило деятельности мозга. Ненависть против коммунистических вождей, в особенности против Левинз, делалась все сильнее именно вследствие их всепобеждающей логики.

Обнаруживалось все отчетливее, что Н. С. П. являлась представительницей мелко-буржуазных элементов рабочего класса. Она разделяла робость и малодушие этих элементов. Она оперировала самыми мелкими средствами демагогии и пыталась постепенно сдавать позиции. Мы уже указывали на саботаж уполномоченного по финансам Меннера, в связи с открытием банковских сейфов. Меннер, не высказывая своих сомнений ни в Исполнительном Совете, ни в Комитете действия, голосовал за это постановление и подписался под соответствующим приказом, чтобы затем по этому же поводу бить в барабаны морали перед фабзавкомами. Он все отчетливее обнаруживал свой политический характер, а вместе с ним Толлер.

Толлер, который раньше делал глазки коммунистам, со времени 14-го апреля возненавидел их, как чуму. Они оскорбили его тщеславие. Как известно, в ночь на 14-е апреля Центральный Совет, во главе которого стоял Толлер, был упразднен и взамен его было избрано новое правительство. Толлер, однако, заявил тогда, что его это постановление не касается, и рабочий класс не имел права сместить старое правительство. Он был постольку прав, поскольку мнимосоветское правительство возникло помимо рабочих. Толлер был так ослеплен своим честолюбием, что готов был объяснять совершившееся схизмой, простой борьбой за власть двух правительств. Это был страшный момент, когда уже отчетливо выявились те трудности, которые независимые будут чинить господству пролетариата. Приходилось долгие часы к ряду вести затяжные переговоры с Толлером, и

только после полудневной обдумывания он заявил, что готов признать новое положение вещей.

Вслед за тем Толлер отправился в армию и принял на себя командование на фронте Дахау. В роли вождя армии он проявил свой страстный темперамент, но ему не хватало более важного качества—умения дать холодную оценку положению. В угаре победы под Дахау он рассчитывал пожнать лавры за лаврами. Он строил планы крупного наступления своих войск на север. План этот был более чем дерзок. Если бы он даже сразу и удался, то все же безусловно привел бы к полнейшему крушению. Осмотрительные командиры белых безусловно окружили бы и уничтожили зарвавшиеся вперед войска. Безуспешно доказывали это Толлеру в генеральном штабе и на заседаниях Комитета действий. Он был невосприимчив к доводам. Он ссылался на боевой дух своих войск, который действительно был выше всякой похвалы, и заявил, что не станет подчиняться верховному военному командованию. Вместо этого, он отправился к фабзавкомам, чтобы там в отсутствие своих противников демагогическим образом создавать против них настроение.

Этот же Толлер, который так не умел обуздать свой воинственный темперамент, через пару дней вдруг обнаружил, что он является принципиальным противником всякого кровопролития. Он собрал вокруг себя всех недовольных и начал проводить против господства коммунистов планмерную травлю, связанную с открытым саботажем. Так, например, он за спиной комитета действий и против его воли начал переговоры с врагом, чем, разумеется, внес деморализацию в ряды войск.

26-го апреля в фабзавкоммах началось большое наступление. триумvirата Толлер—Меннер—Клингельгофер против коммунистов. Так как доводы их противников были им не по плечу, им пришлось прибегнуть к бесстыднейшим демагогическим средствам и взывать к низменнейшим инстинктам мешанства. Дважды до этого наши герои, вместе со всем Комитетом действий, слагали на собрании фабзавкомов свои полномочия, вследствие травли иноземцев в правительстве. Дважды Меннер патетически заявлял о своем интернационалистском мировоззрении, дважды фабзавкомы, при горсточке голосовавших против, вновь избирали Комитет дей-

ствий. Теперь же самым сокрушающим аргументом в устах Меннера и его союзников было: иноземные элементы, русские, пруссаки, саксонцы,—они совершенно лишены понимания подлинно-баварской природы и подлинно-баварской политики. Эту затасканную клячу они выпускали по всем правилам высшей школы, и наш Толлер не приминул, разумеется, по этому случаю изложить новую с иголочки философию истории. С предостерегающе поднятым перстом и с благороднейшим, чарующим пафосом в голосе он заявлял: «Товарищи! вспомните 1789 год и его последствия! Подумайте, как великая революция была сведена на-нет корсиканцем Наполеоном. Везде, где иноземные элементы становятся во главе революции, создается диктатура». Сладчайшим тоном он лепетал о том, что он, разумеется, за диктатуру пролетариата, но она должна быть не диктатурой ненависти, а диктатурой любви. Меннер заявлял, что «безмозглые теоретики» разрушили хозяйство и снабжение населения. В доказательство этого он приводил цифры, которые он не только до того не сообщал Комитету действий, но которые совершенно противоречили тому, что до сих пор было известно Комитету действий о положении в области снабжения продовольствием. В самых мрачных красках изображалась грозящая мюнхенскому населению нужда, которая, правда, пока еще совершенно не наблюдалась, и которую во всяком случае никак нельзя было сравнить с тем, что за время войны пришлось пережить рабочему классу северной Германии. В завершение всех этих аргументов приводилось всегда одно и то же: переговоры с правительством Гофмана.

Коммунисты ограничились тем, что еще раз изложили основы своей политики и указывали на опыт прежних революций, когда подобные переговоры приводили только к обману рабочего класса. Если нет желания сделать попытки удержать за собой позиции, тогда нужно проявить это на деле, сдав их добровольно. Предварительным условием для этого должно быть то, что и Красная армия на самом деле откажется от борьбы. Коммунисты требовали ясного, недвусмысленного и окончательного решения.

И это решение состоялось 27-го апреля. По предложению Меннера было постановлено произвести перевыборы Комитета действий «в целях создания правительства из корен-

ных баварцев». Для начала в качестве временного правительства была назначена коллегия—тройка из Толлера, Меннера и Клингельгофера. На следующий день оно было заменено Комитетом действий, в который, по их собственному настойчивому требованию, не были введены эти три фактических правителя. Комитет был составлен исключительно из простых рабочих, которые не в состоянии были охватить всей глубины своей ответственности. За ними притаились герон—независимые. Немедленно была сделана попытка начать переговоры с правительством Гофмана, которое резко от них отказалось. Гофманцы надеялись на своих могучих союзников,—на робость, малодушие и политическую никчемность независимой с-д. партии.

В связи с этим следует сказать пару слов о коммунистических вождях. В близорукой оценке своих противников они выглядят фанатическими противниками. В действительности это были сознательные революционеры, обладавшие мужеством и волей доходить до крайних выводов. Они никогда ни на что не кидались вслепую и были чем угодно, но не азартными игроками революции. Это доказывает их позиция при создании мнимо-советской республики. Они строго держались реальных фактов, которые они, как марксисты, пытались понять в их связи и в их следствиях. Они не были диктаторами, согласно тупоумному предвзятому мнению, видящему в диктатуре класса господство отдельной личности. Напротив, при всяком принципиальном решении коммунистические вожди действовали только на основании согласия своей партии. Все, что они делали в правительстве, предварительно обсуждалось и принималось комитетом действий. Во всяком случае их перевес объяснялся тем, что они обладали большим революционным опытом,—в особенности это относилось к этим «возмутительным русским»,—а также тем, что они в каждом трудном положении серьезно старались найти революционный выход. На этом прежде всего и покоится главенство Левинэ. Это была голова, которая не успокаивалась до тех пор, пока не находила отчетливого решения. Левинэ обладал даром, каждую проблему и каждое решение приводить к столь ясной законченной формулировке, что она становилась выше всяких аргументов. Левинэ не обладал пламенным темпераментом. Он весьма редко проявлял свое революционное одушевление. Он всегда

старался до кристальной ясности разрабатывать свои мысли, а так как в революционные времена наиболее сильные качества человека выявляются самым решительным образом, то именно ему пришлось в эти мюнхенские дни проявить свой ясный рассудок и свое мужество делать выводы и принимать решения. Следствием этого было то, что все, за исключением круга его ближайших партийных товарищей, питали к нему больше уважения, чем расположения, и ненависть к нему была сильнее, чем любовь.

Иначе действовал на массы, да и на противников, Левин. Левин был прирожденным митинговым оратором. Он обладал бурным темпераментом, который, при его склонности к пафосу, иногда шел в разрез с его политическим чутьем. Он вполне сознавал это, а его способность быстрого соображения позволяла ему на основании кратких указаний ориентироваться и затем с огромным успехом проводить политику партии.

Коммунистическая политика ни в коем случае не могла бы так решительно прокладывать свои пути, если бы в ее распоряжении не был целый штаб товарищей, с энергией, ясным пониманием и увлечением боровшихся за ее идеалы. Из многих упомянем только столь сильно оклеветанного Зайдлера. Энергично и с готовностью на жертвы Зайдлер отдавал на службу делу свои последние силы; он был чем угодно, но не кровавым насильником, каким его теперь хотят представить. Что в партию втерлись и некоторые нечистые элементы, авантюристы и карьеристы, кто не сможет себе этого объяснить? Но как только узнавался их характер, их моментально холодно осаживали или подвергали еще менее нежному воздействию.

XX. Крушение.

С исключением коммунистов был сломан стеновой хребет правительственной власти. Теперь стало обнаруживаться, в чем была сила Советского правительства. Вся армия вооруженных рабочих была на стороне К. П. Г. Стало ясным, что К. П. Г. стояла не только во главе всего аппарата управления, но и что вооруженные рабочие почти насковзь состояли из коммунистов. Для этих коммунисти-

ческих рабочих несколько недель Советской республики были высшей политической школой. Все более четко оформлялось их революционное сознание. Все с большей уверенностью охватывали они задачи момента, все решительнее становились их действия. В этот критический момент они поняли, что решение фабзавкомов являлось необходимостью. Мещанский элемент был еще слишком силен в рабочем классе. Он не мог служить опорой коммунистической политики. Пусть то, что в этот момент еще можно называть государственной политикой, продельывает Н. С. П. Коммунисты не станут ей поперек пути. Но от открытого предательства они хотели себя защитить. И в массах вооруженных рабочих ожил следующий лозунг: пусть слабосильные утешатся мнимой правительственной властью, — вооруженный пролетариат не уступит ни одной позиции фактической власти. Это в первую очередь проявилось в заявлении отряда, охранявшего дворец Виттельсбахов, гласившем, что они будут защищать не правительство Толлера, а коммунистических вождей, и вместе с ними оставят дворец. Верховное командование Красной армии сделало со своей стороны фабзавкомам следующее заявление:

«Красная армия была создана не для того, чтобы быть оружием в руках у политиканов, а как орган для обороны диктатуры пролетариата и Советской республики против белогвардейской контр-революции. В соответствии с этой задачей, верховное командование заявляет, что революционный пролетариат будет, чего бы это ни стоило, защищаться против белой гвардии и не позволит себя принудить ни с какой стороны, даже и со стороны фабзавкомов, на измену социальной революции».

В соответствии с этим заявлением, Красная гвардия осталась на своих постах. Попрежнему в ее руках были заставы, а также комендатура и президиум полиции. 30-го апреля была провозглашена диктатура Красной армии. Таким образом, фактическая власть все еще оставалась в руках коммунистической партии.

Во всяком случае, одному невозможно было воспрепят-

ствовать, и это повело к военному крушению. Отдельные части регулярных войск слишком еще подчинялись влиянию Н. С. П. Находились они на наиболее чувствительном пункте позиции—у Дахау, где команда была в руках Толлера и Клингельгофера. Эти части против воли рабочих дали себя одурачить и покинули свои позиции. Для Толлера и Клингельгофера этот шахматный ход был средством добиться у гофманцев более благоприятного настроения для переговоров. Безумцы не видели, что именно этим они выпустили из рук единственное средство сохранения власти и только теперь придали белогвардейским генералам мужество к наступлению. Безумный поступок прорвал брешь в наиболее укрепленной части фронта, а это привело к крушению всего фронта. Героические рабочие оплатили своей кровью вину вождей независимой с.-д. партии.

Перед лицом надвигающегося рока коммунистическая партия решила еще на одно последнее политическое средство. Если уж правительство Гофмана должно опять притти к власти, то следует ему как можно более затруднить управление пролетариатом; если капитализм опять возвращается к господству, то пусть на нем останется зияющая рана. Партия решила уничтожить все документы капиталистического аппарата управления. Тупицы из числа буржуазных газетных писак увидели в этом поступке только проявление вандализма. Они не поняли, что речь шла об обдуманном политическом действии, действии, которое, к сожалению, не могло быть доведено до конца. Намечалось уничтожение всех документов полиции и тем разрушение сильнейшего, на ряду с армией, аппарата порабощения; уничтожение документов министерства внутренних и внешних дел, уничтожение судебных актов, в особенности, документов, относящихся к буржуазным судебным тяжбам, акты кадастра и т. д. Как раз последнее имело бы большое значение. Капитализм является правопорядком, который покоится не только на обладании класса капиталистов средствами производства, но который может существовать только постольку, поскольку отчетливо установлены права собственности отдельных владельцев. Существование расшатанного капитализма в значительной степени зависит от куска штемпелеванной бумаги. Так, при

свержении Советского правительства в России, было бы невозможно восстановить и тесть старого капитализма. Возможен был бы только новый, насильственно насажденный завоевателями капитализм. А это не означало бы ничего иного, как взаимную грызню остатков старого и нового класса капиталистов. Таких глубоких последствий в Мюнхене это мероприятие не могло бы иметь. Но и здесь алчность натравила бы капиталистов друг на друга. При том значении, какое имеет столица Мюнхен для всей Баварии, процесс распада капитализма был бы сравнительно сильно ускорен в связи с временным параличом правительства, благодаря развалу в аппарате управления.

Но, разумеется, это была гигантская задача. Путь для ее разрешения мог бы быть найден, если бы коммунистическая партия привлекла для этого весь мюнхенский пролетариат. Цель тогда в основном была бы достигнута. Но партия боялась, что темные элементы воспользуются этим случаем для погрома, политическое же мероприятие не должно было быть загрязнено хулиганами. Дело это было поэтому поручено стоявшей в резерве части Красной гвардии. В результате двухдневной работы несколько сот человек очистили президиум полиции. Разумеется, в связи с этим были уничтожены и ценные исторические материалы. Но война и революция не останавливаются перед горем исследователей старины. Они ставят историкам новые задачи.

29-го и 30-го апреля на фронте произошли жаркие столкновения. Бамбергцы мобилизовали против Мюнхена огромную армию численностью более 100.000 человек. Со всей Германии были собраны белогвардейцы. Носке прислал свои кадровые отряды. Многократное численное превосходство, водительство испытанных офицеров, снаряжение всеми военными материалами и старая организация, должны были, к сожалению, в результате дать больше, чем перевес самопожертвования пролетарских бойцов над трусливым духом холуев черной сотни. Политическое предательство сделало свое, так же как шпионаж буржуазии и правых социалистов. Тактика революционеров по понятным причинам должна была приближаться к тактике партизанской войны. Это дало возможность противнику отсечь некоторые отряды и открыть себе вход в Мюнхен,

Так наступило 1-е мая. Еще раз обнаружилось, где можно было найти здравый политический смысл. Партийный аппарат Н.С.П. вертелся на старый манер, ни одного взгляда попрежнему не было уделено политическому положению. Если «Новая Газета» показала свое полнейшее идейное банкротство тем, что в то время, когда она имела возможность выходить в свет, она ни одного разу не определила своего отношения к политическим проблемам, то теперь она браво, вполне в стиле октябрьского торжества, подготавливала традиционное празднование 1-го мая. Коммунисты не тешились совершенно невозможным в данных условиях «всемирным праздником». Они лихорадочно готовились к борьбе, и майский номер «Красного Знамени» в последний раз ударил в набат.

1-го мая, в этот великий день II Интернационала, социал-демократическая белая гвардия вошла в Мюнхен. Начался белый террор.

XXI. Белый террор.

Господину Шнеппенгорсту не зачем было больше плакать. В день 1-го мая он уже мог легко вздохнуть. Теперь в его распоряжении были войска, на которые можно было положиться, войска, которые были выдрессированы для охоты на человека и с рук которых еще не была смыта кровь рабочих Берлина и Штутгардта: гвардия Носке, стянутая со всей Германии, 120.000 человек. Чтобы подстегнуть их боевое мужество, он сделал даже излишнее. Белогвардейская премия убийцам—во всей Германии пять марок за день—была в Баварии повышена до 10 марок. Мало того, современным охотникам за черепами была назначена за поимку спартаковцев еще особая премия: 5 литров пива, поллитра вина и четверть литра шнапса обеспечивали необходимое воодушевление.

Господину Шнеппенгорсту везло: в последнее мгновение появился зажигательный лозунг: «убийство заложников! В Мюнхене убиты невинные заложники! Трупы зверски изуродованы! В подвале Луитпольдовской гимназии найдены останки убитых!». Все новые сообщения такого рода курсировали в Мюнхене и его окрестностях и теле-

графно распространялись по всей стране. Садизм праздновал оргии, расписывая мерзости, якобы совершенные коммунистами. Фурии убийства были взъярены.

Что случилось на самом деле? Были арестованы заложники, было объявлено об их расстреле в случае нападения на Мюнхен и проявления жестокости по отношению к революционерам. Состоявшие в Красной армии неоднократно требовали расстрела заложников в ответ на убийства со стороны белогвардейцев. Ни один из заложников не был расстрелян. Не тронут был и волосок на их голове; ни скверного обращения, ни оскорблений—ничего.

В гимназии Луитпольда было расстреляно 10 человек. Среди них трое пленных белогвардейцев, один офицер и два рядовых, которые, по некоторым показаниям, принимали участие в массовых избиениях в Лихтенберге. Все остальные тоже не были заложниками. Это были члены того контр-революционного сообщества преступников, общества «Тульз», которое подготовляло покушение на Советское правительство. Их имена: принц Густав Франц-Мария фон-Турн и Таксис, графиня Элла фон-Вестарп, барон фон-Тейкерт, Фридрих Вильгельм фон-Зейдлин, профессор Эрнст Бергер, Вальтер Наухауз, Вальтер Дэйке и Антон Дауменланг. Их расстрел состоялся по тем же законам военного суда, на основании которых в сотнях и тысячах случаев убивались революционеры.

С политической точки зрения этот расстрел был бессмыслицей. В это мгновение он не мог иметь никакого политического значения. Политические вожди не принимали в нем участия и не имели возможности ему воспрепятствовать. В расстреле нашло выход крайнее озлобление рабочих. Он был возмездием за зверства белой гвардии. Те же люди, что с пеной у рта возмущались этим фактом, считали чем-то само собой разумеющимся, что за головы революционеров назначена цена в 30—50 марок. Чем-то само собой разумеющимся было для них то, что захваченные в плен у Розенгайма многочисленные раненые красногвардейцы были согнаны в кучу и уничтожены. В порядке вещей было и то, что в Штарнберге был поставлен к дереву и расстрелян 68-летний старец, что было убито 4 санитары. Это—факты, беспристрастно установленные и доведшие негодование рабочих до кипения. Это была

только часть злодейств, совершенных «спасителями Мюнхена» еще до случая в Лuitпольдовской гимназии. Те же самые люди, которые не могли найти достаточно резкого выражения своему отвращению к поступкам до крайности разъяренных революционеров, с извращенным наслаждением и упоением смаковали затем жестокости белогвардейских бесноватых, во главе которых стояли лучшие, «благороднейшие» сыны нации, образованнейшая и начиненная кантовской этикой буржуазная молодежь.

1-го мая, около 10 часов утра в Мюнхен вошли первые отряды белой гвардии. С этого момента началась героическая, отчаянная борьба рабочих, защищавших внутренний город, в особенности кварталы вокзала и Зендлинга. Были пущены в ход все военные средства, борьба велась с крайним ожесточением. Обеим сторонам она стоила тяжелых жертв. Мы не станем изображать подробности.

Одновременно начался белый террор. Буржуазия в паническом ужасе притановшаяся во время господства Советов, сразу развернулась под защитой штыков и пушек белой гвардии. С бесными повязками и винтовками она красовалась на далеких от опасности улицах буржуазных кварталов, окруженная празднично разодетыми и радостно возбужденными женщинами, с триумфом делившимися рассказами о героических подвигах убийц в мундирах. Возникла мания охоты, от которой никто не чувствовал себя в безопасности. Тому, кто имел врага, стоило только шепнуть пару слов, чтобы от него избавиться... С безумной кровожадностью обрушились буржуазные каналы на всех, в ком можно было заподозрить коммуниста. За один день тысячи были брошены в тюрьмы, сотни бойцов и непричастных к борьбе убиты. Эгльгофер, Зонтгеймер, Ландауэр были зверским образом убиты. Газеты об этом сообщали:

«1-го мая в жилище г-жи М., которая из благотворительности в течение многих лет бесплатно оказывала больным (почти все ленинским) врачебную помощь, и у которой лечился от туберкулеза и Эгльгофер, последний был арестован вместе с хозяйкой. Эгльгофера доставили для допроса в военное министерство, где его постыднейшим образом оскорбляли и избивали так, что его пришлось перенести

затем в автомобиль завернутым в шаль. Автомобилем его доставили во дворец, где он вместе с г-жей М. был брошен в подвал большого двора с колонпадами. В первый день (1-го мая) часовыми здесь стояли пруссаки (флотский дивизион), которые хорошо обращались с заключенными и прекрасно их кормили. На следующий день пруссаков сменили баварцы, которые вели себя несказанно грубо. Эгльгофер, физически чрезвычайно ослабленный вследствие зверского обращения, уверенный в своей смерти и мужественно ждавший ее, был со стороны часовых подвергнут избиению ногами по всему телу (грудь и нижняя часть тела), оплеван, оскорбляем самыми низменными выражениями. Он лежал связанным, лишенный возможности защищаться, в левом углу, г-жа М.—в правом углу. Им под угрозой немедленного расстрела запрещалось разговаривать. Точно так же г-же М. ни в коем случае не разрешалось оказать ему врачебную помощь. Только когда караульный начальник бросился на Эгльгофера с кровожадным выкриком: «Теперь дождался своего ты, пес», и с намерением Эгльгофера заколоть, г-жа М. обороняюще бросилась между ними и закрыла Эгльгофера своим телом. Только погодя эта бестия дала себя успокоить. Эгльгофер проснулся затем, вследствие ужасного истощения, целую ночь.

3-го мая в 4 часа утра Эгльгофера забрали из подвала будто бы за тем, чтобы допросить, но г-жа доктор Менце через каких-нибудь пять минут услышала гул выстрела.

Я нашел место, где Эгльгофер был расстрелян. Пуля прошла Эгльгоферу, который стоял выпрямившись, что подтверждают сами белогвардейцы, в лоб через голову и оставила в бревнах постройки отчетливую пробойну. Рука, которая, повидимому, особенно хотела увековечить героический поступок, написала вблизи большими буквами: Эгльгофер мертв».

По поводу убийства Ландауэра правительство сделало следующее прикрашенное официальное сообщение:

«В тюрьме Штадельгейм, у нижнего коридора, справа от входа, Ландауэр получил пощечину, в связи

с тем, что употребил неодобрительное выражение о милитаризме. На самом деле, как он затем объяснил, он имел в виду милитаризм Красной армии. Не установлено—был ли Ландауэр офицер или рядовой. Один из членов Совета рабочих депутатов, например, определенно утверждал, что избивавший, во всяком случае, был не офицером.

У самого входа в тюрьму вокруг Ландауэра собралась исчисляемая свидетелями в 30—50 человек толпа солдат, предполагавшая в своем возбуждении и озлоблении увидеть в лице Ландауэра одного из главных виновников постигшего Баварию несчастья. Солдаты с угрожающими криками окружили Ландауэра. Один офицер, как показывают многочисленные свидетели, пытался успокоить толпу, но она продолжала напирать вслед за Ландауэром, введенным во двор для отправления в Нейбау. Ландауэр был увезен в другой двор, так-называемый двор женских прогулок. До этой поры, по сообщению большинства свидетелей, больше никаких оскорблений действием Ландауэру не наносилось. События во втором дворе, в котором Ландауэр был застрелен, в виду того, что показания допрошенных пока свидетелей чрезвычайно расходятся и часто друг другу противоречат, недостаточно еще выяснены, чтобы по этому поводу можно было составить законченное представление. Пытаясь что-то сказать солдатам, Ландауэр был здесь избит бывшим офицером, принимавшим участие в деле против Красной армии; по показаниям всех, за исключением одного, свидетелей, он был Ландауэра стэком, а не нагайкой. Следственное дело по этому поводу было передано 10-го мая гражданским органам, в связи с тем, что данный офицер не подсуден военному суду.

Ни один из до сих пор допрошенных свидетелей не мог указать, что выстрелы в Ландауэра были произведены под смех и радостное одобрение сопровождавшего караула. По показаниям свидетелей, в особенности по сообщениям трех членов рабочих Советов, сопровождающая команда вела себя чрезвычайно порядочно и пыталась защищать Ландауэра; но

она была совершенно бессильна против бешено рвавшейся и метавшей толпы. Неверно, согласно имеющимся пока утверждениям, что один вице-вахмистр произвел в Ландауэра три выстрела. По имеющимся пока следственным данным, скорей выясняется, что два пехотинца с винтовкой или карабином и что человек с револьвером, которого называют то кавалеристом, то сержантом, то вице-вахмистром и подпрапорщиком, произвели в Ландауэра выстрелы. Соответствует истине то, что один сержант, состоящий теперь в Штадельгейме помощником смотрителя, снял с Ландауэра пальто. Пальто, по сведениям, сдано в Штадельгейм. Следствие по этому поводу еще не закончено. О том, что с Ландауэра все было сорвано, не сообщает ни один из свидетелей. Установлено только, что у Ландауэра были взяты часы. Владелец часов уже обнаружен, и часы находятся в руках суда.

Очевидец, г-н Вильгельм Крөвди, друг графа Арко, находившегося в заключении со времени убийства Эйснера, сообщает следующее о кровавых оргиях в тюрьме Штадельгейм:

«Двенадцать расстрелянных человек совершенно не предчувствовали, что будут подвергнуты расстрелу. Их вели по два, по три, с поднятыми вверх руками. Вот их, шесть человек, поставили перед часовней. Грянул залп. С ними было покончено. Еще два человека. Готово. Двое смеялись: «что станут они с нами делать? Я рассчитываю получить пять лет». Тут они прошли мимо стен часовни, увидели трупы уже расстрелянных и начали плакать. Опять грянули револьверные выстрелы. Как только какой-нибудь заключенный появлялся у окна, стража открывала стрельбу прямо по окну. Никто не должен был видеть происшедшего. Так было расстреляно около 30-ти совершенно не ожидавших этого людей. Убиты. Я был очевидцем.

Затем пришла очередь двух женщин—это было в субботу, 4-го мая, в пол-восьмого вечером. (Возвращаясь несколько назад: на улице, совершенно не разбираясь, застрелили на основании доноса несколько

человек. Эти две женщины с горьким плачем бросились на трупы и кричали: «Дорогой, любимый! Милый! Милый!» Они были безутешно потрясены. Тут один солдат крикнул: «Хватай этих женщин. Они из той же компании». Вот таким образом они попали в Штадельгейм). С открытой головой и растрепанными волосами вошли они во двор вслед за шедшими впереди с молитвой монахом-капуцином. Со словом «Иисус» на устах, они свалились под выстрелами. Капуцин стал еще потом солдатам делать выговор: «Стыдитесь называть почтенных женщин бабами». Солдаты смеялись. С трупов снималась одежда, и солдаты большей частью тут же натягивали на себя обувь расстрелянных. С мертвых срывались кольца, часы и припрятывались солдатами. Один смотритель, с дьявольской гримасой на лице сказал: «Вишь, они еще подергиваются». Это событие совершенно затмевает убийство заложников в Луитпольдовской гимназии. Пятьдесят солдат сидело в течение пяти дней в битком набитом подвале, получая только литр воды на человека и, кроме того, миску супу на два человека в день. Пятнадцатилетний юноша, доставленный вместе с спартаковцами, должен был присутствовать при их расстреле. Когда он стал плакать, его опрокинули ударом в спину и оттащили прочь. Это были баварские отряды. 4-го мая обе женщины, о которых выше шла речь, были похоронены солдатами. Во дворе лежало от 30 до 50 трупов. Были во дворе и другие солдаты (красногвардейцы). Некоторые, страшно испуганные, хотели, повидимому, идти, чтобы просить о пощаде, так как в отличие от 1-го мая они поняли теперь, что будут расстреляны. В это время выскочил фельдфебель с направленным револьвером в руке и крикнул: «Руки вверх, псы! Раз, два!» Тут грянули вострелы, и все пали мертвыми».

Дикая жестокость, убийства и истязания, затмевающие даже кровавые дни в Лихтенберге. Во многих случаях буржуазия оплачивала эту свирепость своей собственной кровью. Белыми бестиями расстреливались, избивались и мирные граждане. Достоин внимания случай на Ре-

мерштрассе, где предполагалось убежище Толлера. Там обыск производили агенты уголовного розыска, за ними последовали белогвардейцы, ворвались внутрь и без дальних разговоров, по приказу командовавшего ими унтер-офицера, застрелили комиссара по уголовным делам Градля. Ужасен другой, ставший известным, случай массового убийства: происходило собрание общества подмастерьев католиков; к ним ворвались белогвардейцы, арестовали около тридцати присутствовавших, утащили их с собой и устроили в одном из тюремных дворов безумную резню, жертвой которых пали 21 несчастливцев.

Это, наконец, открыло глаза и буржуазии. «Мюнхенская Почта» призывала к человечности, и сам министр-президент Гофман возопил в одном из своих воззваний к мюнхенскому населению: «Сколь огромное несчастье гражданская война. Довольно жестоких убийств». Все было напрасно. Свора псов была спущена с цепи, она понюхала крови, она должна была насытиться. Мы не станем описывать всех этих ужасных фактов. Мы предпочитаем предоставить слово, не вызывающему подозрений свидетелю, мюнхенскому Комитету действий социал-демократической партии. Из его сообщений дадим место только следующим сухим фразам:

«Комитет действий в своей деятельности столкнулся с применением незаконных расстрелов, самовольных арестов, с чересчур поспешными расправами, варварским обращением с заключенными, так что увидел себя принужденным предложить правительству Гофмана создать особую следственную комиссию для наблюдения за применением законов осадного положения...

Жертвами применения законов осадного положения в Мюнхене пали женщины и мужчины из числа членов всех социалистических партий. Низкая страсть к преследованиям, свойственная определенным буржуазным элементам, исполненным бешеной ярости против всех честных и открытых последователей социализма, не делает никакого различия между социалистами большинства, независимыми и коммунистами»...

Появилась следующая официальная сводка жертв белого террора, павших только в Мюнхене за время с 30-го апреля до 8-го мая:

«Общее число погибших лиц исчисляется в 557, среди них 38 правительственных солдат, 135 красногвардейцев, 7 русских, 335 штатских, 42 неизвестных. Ранено в общем 306, расстреляно военным судом 186 лиц, из них 42 красногвардейца и 144 штатских. В боях погибло только 38 правительственных солдат, 93 красногвардейца, 7 русских и 7 штатских».

Ужас охватывает каждого перед этой сухой сводкой, а эта официальная сводка является отъявленной ложью. Это показывает хотя бы утверждение, что погибло только 7 русских. На самом деле, входившие в состав Красной армии русские (б. военнопленные) были целыми колоннами расстреляны из пулеметов.

Товарищ по партии—женщина—представила мне следующее письменное сообщение о личных переживаниях в гюрьме:

«Немедленно же после вступления белой гвардии в город начались обыски и массовые аресты. 2-го мая ко мне явились два парня в возрасте от 15—17 лет, перерыли и расшвыряли все мои вещи, взяли несколько номеров «Красного Знамени» и другую партийную литературу. В тот же день явились и другие защитники капитализма и предприняли новый обыск. Эта игра продолжалась в течение нескольких дней, пока, наконец, в мою маленькую комнатку в четвертом этаже с отчаянным грохотом не ввалилась целая толпа вооруженных мужчин. Вожаком этого полчища был какой-то тип в штатском, один из тех героев, которые рады случаю погреть руки на пожаре у соседа. Он крикнул: «Она знает, где Левин». Я хотела что-то ответить, но была оглушена криком: «Заткни рот!». В несколько минут в комнате все сверху до низу было перевернуто, сорваны картины и зеркало, испорчены матрацы, при чем я не смела и пошевеливаться. Чудовищной величины револьвер был

направлен к моей груди, и меня объявили арестованной.

У открытых дверей тем временем собрались соседи из нижних этажей. Дамы предлагали героям сигареты и разглядывали меня, как тяжкую преступницу. Как только я пыталась открыть рот, вооруженные кричали мне: «Заткнись, проститутка!» Хотя я не делала ни малейшей попытки к сопротивлению, меня толкали вниз по лестнице пинками и ударами прикладов. Внизу я встретила управляющего домом и сказала: «Я вероятно скоро возвращусь». «Или ты прийдешь свой труп!»—яростно крикнул белогвардеец — долговязый, как телеграфный столб баварец—и толкнул меня дальше. На улице ждал открытый автомобиль с пулеметом. Меня швырнули в него, как тюк. Несколько солдат разместились вокруг, один стал на подножке с направленным на меня револьвером, и так мы поехали среди белого дня сквозь оружие людские толпы.

Автомобиль остановился у пивоварни. Здесь был разбит настоящий лагерь. В большом зале, лежа, сидя, болтая, попивая пиво, находилось несколько сот солдат; наигрывала гармошка; в одном из углов шла азартная игра в карты; за длинным узким столом на переднем плане сидело несколько человек офицеров, производивших допросы. Каждое мгновение ловчими этой Варфоломеевской ночи втаскивались новые жертвы. Допрос был в высшей степени прост:

«Эта особа знает, где Левин».

Я пыталась возразить: «Не знаю я, где Левин».

Солдаты вокруг, в один голос: «Она лжет, стерва!». В таком духе шло и дальше. «Она будет поставлена к стенке»,— коротко постановил молодой, одетый в военную форму человек из числа сидевших за судейским столом.

Я осталась спокойной: «Пожалуйста». Приступают к опросу данных о моей персоне, спрашивают меня о моих знакомых, но мне не удастся сказать ни слова. Каждая фраза прерывается стоящими вокруг солдатами. Наконец, один лейтенант, произнося слова в нос, по прусской манере, приказывает отвести меня в «подвал».

Скорым шагом минуем двор. Белогвардейцы окидывают меня наглыми взорами, говорят по моему поводу сальности и смеются. Меня сталкивают вниз по узкой темной лестнице, и я попадаю в тускло освещенный сырой подвал. Здесь находится еще 20—30 арестованных, мужчин и женщин, красногвардейцев, рабочих и т. п. Сидеть не на чем. Все стоят или бегают взад и вперед. Изредка извне долетает звук выстрела. Находящаяся среди нас старуха при каждом выстреле испуганно взглядывает на часового. Солдат смеется: «Еще один прикончен». Все мы убеждены, что очередь дойдет и до нас, и ждем.

Вечером нас перевели в нечто в роде подвальной камеры. На железном полу разбросано немного стружек, которые должны служить нам постелью. Каждое мгновение присоединяются новые арестованные. К ночи в этом двухкошном помещении собирается до 80-ти человек. Так тесно, что не всем достает места лежать, и мы проводим ночь стоя или скрючившись на корточках.

Спать вообще удастся мало. Часовые у дверей каждое мгновение входили к нам и читали длиннейшие строжайшие нотации, загружая их ругательствами и оскорблениями: «Вы, грязная шайка,—сказал один из них, наивно обращаясь к красногвардейцу,—вы, холоуи, вы воюете против нас в то время, как во всей беде на самом деле виновата Пруссия». Другой сказал: «Ведь, мы только хотим расправиться с жидами». Мнение третьего: «Все спартаковцы—русские и галичане».

Все эти выговоры и попреки являлись чем-то особенно принятым в этой массовой тюрьме в Мюнхенской пивоварне.

На следующее утро явился фельдфебель и прочел нам своего рода лекцию о всех этих «сукиных сынах Советской республики». Некоторые, однако, не удовлетворялись слабо действующим словом и подкрепляли свои речи побоями. Пожилой русский военнопленный,—бедняга не знал ни звука по-немецки и задавал вопросы взглядом,—получил такую страшную пощечину, что кровь моментально хлынула из его

рта и носа. То тот, то другой из заключенных выводился для допроса или для «выучки», т.е. для избияния. Бедная девушка из Дахау, преступление которой заключалось в том, что друг ее состоял в Красной армии, была вызвана, и возвратилась всхлипывая, с распухшим и украшенным синяками лицом. Один человек был так обработан, что кровь тонкими струйками стекала по щекам из углов его глаз. Хуже всего приходилось тем, кто осмеливался что-либо сказать. Какой-то господин в пальто на меху, который неизвестно почему очутился среди нас (в высшей степени сомнительная личность) и который бесконечно утверждал о своей невинности, выводился в течение дня неоднократно. Каждый раз, когда он возвращался, он, рыдая, показывал нам свой налитый кровью носовой платок, свое обезображенное и залитое кровью лицо.

Наши часовые, казалось, сами совершенно не обращали внимания на то, что подвергали свои жертвы утонченным мучениям. Они рассказывали нам всевозможные ужасы о том, что творилось за стенами нашей тюрьмы: «Толлер пал на Изарском мосту, Аксельрод линчеван, Левин (с 10 миллионами) сбежал в Венгрию, его возлюбленная, испанка Пепита, убита, в ее юбке найдены три миллиона» и т. д. Тем временем от вновь заключенного товарища мы узнали о тех оргиях, которым предавалась спущенная с цепи солдатня на улицах Мюнхена. Мы слышали о расстреле невинных девушек, о дьявольском убийстве Эгльгофера, Ландауэра. Мы не знали, какая судьба ждет нас, и проводили дни в мрачных размышлениях. Только очень немногие были скоро после допроса освобождены, остальные были распределены по тюрьмам. После шести дней, проведенных в этой массовой могиле, я была переправлена в Штадельгейм. До этого допросу не подвергалась»...

На ком лежит вина в этих массовых преступлениях, вопиющих о мести громче, чем все ужасы 4-х с половиной лет войны? Не на солдате, а на тех, кто ее призвал. Контр-революционеры, которые и поныне называют себя

социал-демократами, несут ответственность,— они одни, несмотря на постоянное свое лицемерие. Они подготовили путь белому террору всей своей политикой и своим поведением в решающие дни. Сейчас же после крушения Советского правительства Комитет действия социал-демократической партии взял в свои руки политическую власть. Он выпустил воззвание к населению, которое насквозь является кровавым издевательством над рабочим классом. В нем говорится:

«Войска социалистического правительства Гофмана вступают не как враги пролетариата, не как «белая гвардия», а как защитники общественной тишины и безопасности, без которых невозможно возобновленное строительство в социалистическом смысле... Правительство Гофмана борется не против идеи Советов, оно скорее решительнейшим образом стоит за ее проведение в жизнь, за ее обеспечение и закрепление... Товарищ Гофман не является реакционером или контрреволюционером, а радикальным передовым борцом социалистического движения».

Нет белой гвардии! Идеи Советов! Товарищ Гофман! И в то же время военное положение и военные суды, передача всей полноты власти и предание пролетариата в руки палачей — генералов Овена и Меля. И в довершение картины тут же заявляется рабочий Носке, с следующей телеграммой по адресу своего товарища фон Овена:

«За осмотрительное и успешное руководство операциями в Мюнхене выражаю вам свое полное признание, а войскам сердечную благодарность за их усердие.

Верховный главнокомандующий.

Носке, военный министр».

XXII. Белое правосудие.

Дело, начатое белым террором, было завершено белым правосудием. Что, благодаря случаю, избегло кровавости военщины, то прибрал пулемет юстиции. Офицерская

орда, называвшая себя «чрезвычайным судом», предавала палачам врагов капитализма и милитаризма или бросала их в каторги, тюрьмы и казематы. Все, что происходит в этих судах, является делом уничтожения политических врагов. Но, подобно тому, как капитализм вынужден лицемерно маскироваться, выставляя в оправдание своего ограбления пролетариата тезис: «всякому свое»; подобно тому, как он диктатуру буржуазии прикрывает фразами о демократии, о народном господстве,—так он лживо выставляет кампанию мести и уничтожения делом вечной справедливости. Вместо того, чтобы открыто и честно сказать: ты мой смертельный враг, сила на моей стороне, и потому я сокрушаю тебя,—разыгрывается комедия: исписываются горы протоколов и актов, заслушиваются свидетели, даются ложные показания, пригоняются обстоятельства дела, параграфам закона придается бесконечная растяжимость и, наконец, голосом, в котором звучат нотки нравственного возмущения, произносится приговор над «преступником». Фарс делается тем пикантнее, что, повидимому, большинство актеров считает эту трагикомичную игру серьезным делом. Ведь, для них капитализм—божественный порядок мироздания, а капиталистическая ложь—извечная истина.

Нет возможности входить в детали процессов, тянувшихся в Мюнхене месяцами и конца которым еще далеко не видать. Сумма жертв этого массового преступления военной клики так же страшна, как и ряды трупов в майские дни. В распоряжении автора только незначительная часть материалов о процессах. Однако, они достаточно единообразно выявляют характер этой юстиции, которая не держится сути дела, а просто спрашивает: «Кто наиболее опасный враг?». Таких она низвергает, таких уничтожает, с другими же поступает снисходительнее, поскольку понятие снисходительности доступно военному правосудию. Это подтверждается следующей краткой сводкой:

Левинэ — коммунист — смертная казнь.

Аксельрод — коммунист — 15 лет каторги.

Мюзам — анархист — 15 лет крепости.

Вайбель — коммунист — 15 лет крепости.

Заубер — коммунист — 12 лет крепости.

Гагемайстер — коммунист — 10 лет крепости.
Циммерман — коммунист — 4 года крепости.
Клингельгофер — независимый — 5½ лет крепости.
Майергюнтер — коммунист — 3 года крепости.
Толлер — независимый — 5 лет крепости.
Никиш — правый социалист — 2 года крепости.
Нейрат — буржуа — 1½ года крепости.
Кюблер — Крестьянский Совет — освобожден.
Сильвио Гзелль — физиократ — освобожден.

Много еще других брошено в тюрьмы и каторгу. Сотни ждут своего осуждения, и сотни должны терпеть позорище предохранительного ареста.

Что показали уже закончившиеся процессы, и что еще покажут будущие? Несмотря на все усилия извратить действительность, они выявили, с одной стороны, преступление Шнейшенгорста, а с другой — доказали правильность коммунистической политики. Еще раз — в процессе Левинэ — лучисто засветились в Мюнхене коммунистические идеи. Левинэ стоял перед своими судьями, как стоял некогда перед народными собраниями и перед фабзавкомами. Ни одной мысли о себе лично и о своей судьбе: «Мы, революционеры, только мертвецы в отпуску!» Он собрал всю силу своей души, чтобы в последний раз защищать и пропагандировать свою политику и свой идеал — коммунизм. Радостно, как герой к победе, шел он на смерть. Среди сразивших его выстрелов грозно и победоносно прозвучал в последний раз его боевой клич: «Да здравствует мировая революция!».

XXIII. Выводы.

Апрель и май завершили в Баварии эпоху революционного движения. Они вывели Баварию на общую со всей Германией линию. Победоносная контр-революция и воснная диктатура — тоже шаг вперед по пути к революции. Они резко и отчетливо выявляют классовые противоречия. Они показывают, что отпутье никакой мост уже не свяжет пролетариат с буржуазией. Никакое соглашательство, никакой компромисс не могут уже, хотя бы даже временно, восстановить равновесие и перемирие между классами. Только диктатура буржуа-

зии в ее жесточайшей форме может добиться некоторой устойчивости—до той поры, когда и эта диктатура будет разбита и уступит место господству пролетариата. Никакого сотрудничества, никакого сожительства: во всех смыслах возможно только противопоставление пролетариата и буржуазии. Проволочные заграждения разделяют классы, те проволочные заграждения, что неделями и месяцами украшали улицы Мюнхена. Где достигнуто такое состояние, там уже нет речи об игре в революцию, о малодушных надеждах на более или менее безболезненный исход какой-либо битвы,—там есть только, во всей ее жестокой неумолимости, борьба за всю полноту власти. То, что Бавария дошла до этого этапа, является большим достижением революции. Оно сливает воедино цели борьбы и ее условия и создает основу для единения всего германского пролетариата в массовых выступлениях.

Воздействие этих событий на классовую психологию чрезвычайно глубоко. Старая социал-демократия потеряла свое владычество над пролетариатом. Это блестяще проявилось на выборах, состоявшихся в Мюнхене вскоре после переворота. Они доставили чудовищный успех независимым с.-д. и тяжелое поражение правым социалистам. Следует правильно понимать результаты этих выборов. В них нашел свое выражение протест рабочего класса. Закованный в цепи пролетариат не мог иначе, не мог путем активных действий вывить свой протест. Выборы были отдушиной для ярости поднятого на дыбы рабочего класса. К. П. Г. бойкотировала выборы. Но этому лозунгу безусловно последовали только те члены, которые партийную дисциплину впитали в плоть и кровь и которые ей следуют даже тогда, когда избирательный бюллетень является единственным политическим средством. Поэтому можно наперед утверждать, что среди подавших за Н. С. П. голоса, имеются многие тысячи таких выборщиков, которые стоят на платформе К. П. Г.

Несомненно, что и теперь еще за независимой с.-д. партией следуют большие массы, которые до сих пор напрасно добиваются ясности в вопросе о значении событий и о позиции партии. Внесение этой ясности затруднено подавлением всякой деятельности К. П. Г. в Баварии и ее торможением вне Баварии. К этому присоединяется то, что незави-

симая с.-д. партия бесстыдно злоупотребляет своей свободой действий. Эта партия не отступает перед распространением наглой лжи о том, что путш в Баварии сделан К. П. Г. Ложь эта распространяется планомерно, как автор лично имел случай убедиться в Средней Германии. На коммунистов, своей свободой и жизнью поплатившихся за вину всех путшистов, от правых социалистов и до независимых, теперь сами же виновники сваливают вину.

На лжи далеко не уйдешь! Нелегальность чрезвычайно затрудняет просветительную работу К. П. Г., но она не прекращает ее. Партия в Мюнхене начинает опять восстанавливаться. Если Мюнхенскому рабочему классу будут, наконец, разъяснены те великие события, которые он сам напряженным темпом переживал и в которых соучаствовал, если удастся в его ряды опять проникнуть—а это должно удасться—тогда для его сознания станет отчетливым то, что он уже теперь, еще полный сомнений, чувствует чутьем. Он критически подойдет к своим собственным делам и, благодаря этому, узнает, какая партия являлась его действительной руководительницей, и какая единственно может быть ею в будущем. Тогда обнаружится, что взрывы снарядов в майские дни крепко закалили и мюнхенский пролетариат. И то, что коммунистическая партия в минуты опасности, в час борьбы верно и безоглядно стояла за рабочий класс, что она перед лицом поражения взяла на себя искупление чужой вины, что она сумела покрыть позиции рабочего класса своими трупами—все это должно создать интимнейшие отношения доверия между революционными массами и революционной партией. Кровь совершенно особенный цемент, и святая кровь, пролившаяся за пролетариат, пробиваясь во все поры класса, спаяет рабочий класс сильнее, чем спаяна литая сталь.

Вообще рабочий класс должен познать на мюнхенском опыте, что каждый путш ему приходится оплачивать своей кровью. Он должен будет, наконец, получить ясное представление о том, что из себя действительно представляет путш, от которого его так со всех сторон остерегают. Как плоско и комично воззрение «великого мыслителя» Н. С. П.—этой воистину партии путша,—что характерными симптомами путша являются насилие и кровопролитие. Как раз Мюнхен показал, что путш может быть инсценирован со всем ком-

фортом и за зеленым столом, но что он влечет за собой поражение рабочего класса. Путшами являются выступления, которые бьют мимо цели, определяемой объективным экономическим положением и соотношением сил в данный момент, которые прорываются к позициям, которые не удастся удержать. Путшисты напоминают тех военных вождей, которые, не взирая на общее стратегическое положение, рвутся вперед и занимают выдвинутые позиции, руководясь только тем, что на это в данный момент хватает сил. Но они этим добиваются только усиленной атаки противника и терпят поражение, зачастую подвергающее угрозе и основные позиции армии. Атака Клука на Марне в сентябре 14 года была таким гигантским путшем.

Насколько политик должен приложить все свои силы, чтобы воспрепятствовать такому путшу, настолько задачей историка является выяснить его причины. События такого значения и влияния, как апрельский путш, являются не случайным явлением, а исторической необходимостью. Этот путш был неизбежен, благодаря неустойчивости политического положения, слабости правительства Гофмана, относительной индифферентности буржуазии и недостатка революционного опыта в пролетариате.

Следует надеяться, что уже вся Германия перевалила через этап, который в последнюю очередь проделал Мюнхен. Всюду сопротивление буржуазии дошло до крайности. Всюду белая гвардия является фактическим обладателем власти. Революционизирование пролетариата быстро движется вперед. Оба противника противостоят друг другу, готовые к борьбе. В рабочих массах все более усиливается сознание, что каждое выступление непосредственно натолкнется на самое крутое сопротивление. Это является препятствием для путшистских начинаний. Но чем буржуазия, опирающаяся на белую гвардию, кажется сильнее, тем она слабее в действительности. Она, пока что, доказала, что не в состоянии справиться с экономическими трудностями и предотвратить крушение. Если она в действительности неспособна на это, тогда ей не помогут ни ручные гранаты, ни пулеметы. Тогда рабочий класс будет вынужден восстать и восстать во всей Германии. Тогда будут преодолены слабости пролетарского движения и создастся—Германская Советская республика.

Через поражение, через отдельные столкновения и крушения, путь ведет к моменту напряжения всех сил и к победе. Мюнхен является подтверждающим примером того, что уже в 1898 году писала наша гениальная Роза Люксембург в своей книге «Реформа или революция»:

«Если, таким образом, захват рабочим классом политической власти, с точки зрения социальных предпосылок, не может ни в коем случае произойти «слишком рано», то с другой стороны, с точки зрения достижения политического эффекта—удержания власти, он должен с необходимостью явиться преждевременным. Преждевременная революция... висит над нами угрозой, как Дамоклов меч и предотвратить ее не могут ни мольбы и просьбы, ни страх, ни предостережения. И это по двум весьма простым причинам.

«Во-первых, такой насильственный переворот, каким является переход общества от капиталистического строя к социалистическому, не осуществим в одно мгновение, от одного победоносного удара со стороны пролетариата. Считать это возможным, значит опять извлекать на белый свет чисто бланкистское воззрение. Социалистический переворот предполагает продолжительную и упорную борьбу, в которой пролетариат по всем признакам будет не раз отброшен назад, так что, с точки зрения конечного результата всей борьбы, он в первый раз по необходимости должен стать «слишком рано» у кормила правления.

«Во-вторых, «преждевременного» захвата государственной власти не избежать и потому, что эти «преждевременные» выступления пролетариата являются одним из факторов, и притом очень важным, создающим предварительные политические условия окончательной победы. Это объясняется тем, что только в самом развитии политического кризиса, который последует за захватом власти, только в огне продолжительных и обостренных боев, пролетариат достигнет необходимой степени политической зрелости, которая сделает его способным осуществить окончательно и безвозвратно великий переворот. Таким образом, эти «преждевременные» за-

хвататы политической власти пролетариатом сами оказываются важным историческим моментом, влекущим за собой окончательную победу и определяющим срок ее осуществления».

Под политической зрелостью т. Люксембург, разумеется, понимает в первую очередь рост сознания своей силы, готовность к борьбе, классовую и партийно-политическую ориентацию пролетариата. Но к зрелости относится и отчетливое понимание сущности, цели и средств пролетарской диктатуры, понимание особых задач, которые при этом предстоит разрешить, и препятствий, которые придется преодолеть. Практический опыт и подход служат при этом свою службу. Различные практические уроки можно извлечь в этом смысле из мюнхенского примера: так, фабзавкомы не находились на высоте положения; мелко-буржуазный элемент преобладал в них. Поскольку этот мелко-буржуазный уклон отвечает общему характеру мюнхенского пролетариата, он изживется в процессе революционизирования. Этот уклон выступил сильнее, вследствие особенностей избирательного права в Советы, обесправивших рабочих крупных предприятий. Это, в свою очередь, создало ряд тормозов революционному движению. Отсюда урок, что Советы должны строиться на вполне демократическом избирательном праве. Контр-революционные слои (бывшие полицейские, буржуазные редакторы) не должны, разумеется, допускаться в Советы. После каждого революционного выступления необходимо устраивать перевыборы в Советы, чтобы и в них мог отразиться процесс созревания рабочего класса.

Роковым недостатком являлось отсутствие необходимых сил для руководства работой в аппаратах управления. Это само собой устранилось с ростом зрелости рабочего класса. С большим успехом можно бороться с данным отрицательным явлением путем укрепления и глубокого расчленения партийной организации, благодаря чему удастся привлекать и втягивать в работу все новые силы. Чем больше руководящих сил будет привлечено из среды самого рабочего класса, тем легче будет втягивать интеллигентов и спецов, которых придется только подчинить коммунистическому контролю. Вот некоторые ближайшие практические выводы.

Если мы еще раз оглянемся на возникновение, жизнь и крушение Баварской республики, то перед нами, рядом с дилетантской игрой в революцию, неспособностью личностей и непригодностью средств, встанет картина чреватых последствиями внутренних трений, напряженной борьбы и твердой воли, предательства и кровавого крушения. Но эта картина обрамлена золотым ореолом увлечения, самопожертвования и презрения к смерти. Запечатлеем в себе его сияющие лучи. Пусть он светит нам в будущее, пусть согревает наши сердца, дабы они сильнее бились в ожидании предстоящих боев. Sursum corda!

Напоминанием и одновременно утешением должны нам служить слова Карла Маркса из «18-го Брюмера», являющиеся как бы пророческим предвидением хода мировой революции и подводящие итог под главою «Мюнхен»:

Пролетарские революции... непрерывно критикуют самих себя, то и дело прерывают свой ход, возвращаются назад и заново начинают то, что, повидимому, уже совершено, с беспощадной суровостью осмеивают половинчатость, слабость, недостатки своих первых попыток, низвергают противника как будто бы только для того, чтобы он набрался новых сил и встал перед ними еще более могучим, все снова и снова отступают назад, пугаясь неопределенной колоссальности своих собственных задач, пока, наконец, не будут созданы условия, исключающие возможность всякого отступления, пока сама жизнь не заявит властно: hic Rhodus, hic salta! Здесь роза, здесь танцуй!

А торжествующим триумфаторам, тем, которые уверены, что ложью и кровью удушили революционное движение, тем, которые надеются, что сумеют взорвать ручными гранатами и минами колесницу времени, не дав ей сокрушающе прогроыхать через себя, тем сама революция бросает в лицо свое громовое:

Я была, я есмь, я буду!

Август 1919 года.

ПРИЛОЖЕНИЯ

(Воззвания, декреты и др. документы)

I. В мнимой Советской республике.

1. К баварскому народу.

Жребий брошен. Бавария—Советская республика. Трудящийся народ—господин своей судьбы. Революционный рабочий класс и крестьянство Баварии, в том числе и все наши носящие солдатский мундир братья, не раздираемые больше никакими партийными разногласиями, объединились на том, чтобы отныне положить предел всяческой эксплуатации и порабощению. Диктатура пролетариата, ставшая действительностью, имеет целью осуществление истинно социалистического строя, в котором каждый трудящийся принимает участие в общественной жизни и организации справедливого социалистически-коммунистического хозяйства.

Ландтаг, этот бесплодный продукт отжившей буржуазно-капиталистической эпохи, распущен; назначенное им правительство подало в отставку. Назначаемые Советами трудящихся, ответственные перед народом выборные лица, получают в качестве народных уполномоченных чрезвычайные полномочия для руководства работой во всех отраслях. Их помощниками будут испытанные представители всех направлений революционного социализма и коммунизма. Многочисленные полезные силы из среды чиновничества, в особенности низшие и средние государственные служащие, приглашаются к активному сотрудничеству в строительстве новой Баварии. Система бюрократии будет немедленно же искоренена.

Печать подвергнется социализации.

Для обороны Баварской Советской республики от реакционных покушений изнутри и извне, будет немедленно же создана Красная армия. Революционный суд будет беспо-

щадно карать всякое посягательство на Советскую республику.

Баварская Советская республика следует примеру русского и венгерского народов. Она сейчас же установит братскую связь с этими народами. С другой стороны, она отказывается от сотрудничества с презренным правительством Эберта, Шейдемана, Носке, Эрцбергера, которые, под флагом социалистической республики, продолжают империалистически - капиталистически - милитаристское дело бесславно павшего царства германского кайзера.

Она призывает все братские немецкие народы последовать ее примеру. Баварская Советская республика шлет привет всем пролетариям, всюду, где они борются за свободу и справедливость, за революционный социализм,—в Вюртемберге, в Рурской области и во всем свете. В ознаменование светлой надежды на счастливое будущее всего человечества, день 7-го апреля настоящим объявляется днем национального торжества. В знак начинающегося разрыва с проклятым веком капитализма в понедельник 7-го апреля 1919 года во всей Баварии не должны производиться никакие работы, за исключением насущно необходимых для трудящегося народа, о чем одновременно даются детальные указания.

Да здравствует свободная Бавария!

Да здравствует Советская республика!

Да здравствует мировая революция!

Мюнхен, 6 апреля 1919 года.

*Центральный Революционный
Совет Баварии.*

2. В о з з в а н и е.

Заключительные слова Коммунистического Манифеста стали боевым призывом Интернационала. В данный момент мы обращаем этот призыв к революционному народу нашей страны:

Пролетарии Баварии, соединяйтесь!

Единение пролетариата может, по прекрасному примеру русского народа, осуществиться только на одной основе, на основе *Советской республики!*

Бавария — Советская республика.

Невзирая на распри своих вождей, трудящееся население Мюнхена слилось в единой воле к осуществлению социализма, коммунизма.

Ландтаг отстранен, назначенное им мелко-буржуазное социалистическое правительство прекратило свое существование. Временный Совет Народных Уполномоченных и Временный Революционный Центральный Совет принимают на себя, впредь до выборов, руководство страной. То, что в этих органах нет ни одного из скомпрометированных вождей социал-оборонцев, является порукой тому, что их деятельность, презирая капиталистические и буржуазные интересы, будет служить делу установления справедливого, социалистически-коммунистического, экономического строя и делу обеспечения революции.

Диктатура пролетариата стала действительностью!

Будет немедленно создана Красная армия и установлена связь с Россией и Венгрией. Между социалистической Баварией и прикрывшейся республиканской вывеской Германией кайзера отныне не может быть ничего общего.

Революционный суд будет беспощадно карать каждую попытку реакционных махинаций.

Упраздняется свобода лжи в печати. Социализация газет обеспечит революционному народу свободный обмен мнений.

Новая власть по возможности скорей проведет перевыборы фабзавкомов на революционной основе, служащей фундаментом для советской системы, при которой трудящийся народ собственными руками разрешает все свои дела. Только трудящийся народ! Капиталисты исключаются из участия в решении судеб страны.

Из советской системы разовьется социалистическое общество, в котором не будет места благоденствию неработающих и нищете трудящихся. Новая Бавария в союзе с революционной Россией и Венгрией будет высоко держать знамя революционного Интернационала и проложит пути мировой революции!

Пролетарии! Сохраняйте внутренний мир! Есть только один общий враг: реакция, капитализм, эксплуатация и

привилегированность! Все борцы за свободу и социализм должны дружно противостоять этому врагу!

К работе! Каждый на своем посту!

Да здравствует свободный баварский народ!

Да здравствует Баварская Республика!

9 апреля 1919 года.

3. Социализация прессы.

Центральный Революционный Совет издал следующее распоряжение:

Чтобы иметь возможность немедленно же приступить к социализации прессы, вся пресса Баварии ставится под общественный хозяйственный контроль.

Все управление и технический распорядок стоят и в хозяйственном отношении под публичным наблюдением.

Фабзавкомы сейчас же приступают к контролю, делая свои указания административным органам.

Дабы воплотить в жизнь социалистический порядок вещей и одновременно представить, наконец, возможность действительно свободного выражения мнений, вслед за сим следует подробная инструкция.

Мюнхен, 9 апреля.

4. Выборы фабзавкомов.

В состоявшемся 3-го апреля собрании комитетов служащих и рабочих были приняты следующие директивы относительно строения фабзавкомов:

I.

1. Фабзавком избирается всеми на основании договора о найме занятыми в данном предприятии трудящимися.

2. Его задачами являются: а) поддерживать производство предприятия в интересах всего общества; б) возбудить самостоятельность рабочих и служащих в разрешении своих дел и провести демократический фабричный строй; в) подготовить социалистическое ведение предприятия путем сотрудничества администрации и фабзавкома.

II.

Для проведения этих задач фабзавкомам предоставляются следующие права:

1. Равноправное участие в выпуске и изменении инструкций в области распорядка и хода работы на предприятии. Всякое соответствующее распоряжение администрации предприятия должно скрепляться подписью фабзавкома.

2. Наблюдение за исполнением всех предписаний закона и промышленной инспекции, так же как всех договорных пунктов об условиях труда на предприятиях и его оплаты. Проведение всех других входящих в компетенцию администрации предприятия дознаний и расследований по делам рабочих и служащих (расследование несчастных случаев и так далее).

3. Самостоятельное поддержание рабочими и фабзавкомами трудовой дисциплины.

4. Право требовать увольнения тех лиц руководящего персонала, которым рабочие отказывают в доверии.

5. Прием и увольнение рабочих и служащих по соглашению с администрацией, указывающей только количество и квалификацию необходимых рабочих рук.

6. Подробный контроль со стороны фабзавкома или специально избранной хозяйственной комиссии над руководством всеми хозяйственными и снабженческими учреждениями предприятия.

III.

1. К специальным функциям фабзавкома относится: совместное с администрацией обсуждение всех вопросов относительно заработной платы, аккордной оплаты, жалованья служащим, длины рабочего дня и т. п. В особенности настойчиво следует оказывать воздействие в смысле устранения с обеих сторон требований и мероприятий, которые повредили бы общим интересам. За основу переговоров должны приниматься достигнутые экономическими организациями соглашения.

2. Сотрудничество фабзавкома в руководстве предприятием, проведение контроля в отношении заказов и материальной наличности, содействие в изыскании заказов в целях предупреждения и ликвидации безработицы, наблюдение

ние за всем ведением дел администрации предприятия, участие двух представителей фабзавкома с совещательным голосом в заседаниях ревизионного совета и правления предприятия.

3. Администрация обязана представлять фабзавкомам все необходимые для осуществления их функций сведения.

IV.

1. Выборы в фабзавкомы происходят по отделам (цехам) без различия профессий и в порядке тайного голосования.

2. Выборы в фабзавкомы проводятся отдельно у рабочих и служащих. Оба комитета собираются вместе для обсуждения общих касающихся предприятия дел.

3. Для наблюдения за делами администрации из общего состава комитета выделяется малый фабзавком.

4. Каждый член комитета избирается не более чем на год. Допустимо вторичное избрание. Избирателям предоставляется право во всякое время отозвать своего выборного.

V.

1. В тех случаях, когда способ ведения дел администрацией фабрики или завода может нанести вред общим интересам, правительство после соответствующего обращения к нему выделяет из фабзавкома товарища, обладающего соответствующими данными, снабжая его особыми полномочиями правительственного комиссара, которому впредь предоставляется право приостанавливать, поскольку он сочтет необходимым, распоряжения администрации фабрики или завода.

2. Правительство со своей стороны создает инстанцию для обжалования.

Рабочие и служащие понимают, что социалистический подход исключает всякую самостоятельную социализацию со стороны рабочих данного предприятия, и что интересы солидарности запрещают всякую сепаратную борьбу за заработную плату со стороны трудящихся одного предприятия с целью извлечения выгод для отдельных групп рабочих и служащих. Рабочие и служащие ждут от правительства, что оно предпримет со всей энергией шаги к социализации и снабдит Центральный Экономический Совет широкими полномочиями, делающими возможным проведе-

ние социализации в недалеком будущем во всех капиталистических предприятиях. Рабочий класс надеется, что все служащие и чиновники проявят солидарность и будут поддерживать в интересах целого лозунг солидарности во всех еще предстоящих социальных битвах.

9 апреля 1919 года.

5. Мероприятия для разрешения жилищного кризиса.

Временным Центральным Советом постановлено:

1. На время жилищного кризиса объявляется реквизируемой вся жилищная площадь в Баварии. Право распоряжаться свободными или освобождающимися жилыми помещениями переходит к общинам.

2. Переуступка домов лицам, не проживающим с 1-го августа 1914 года в Баварии, может состояться только с согласия народного комиссара по жилищным делам. Переуступка домов иным лицам, так же как всякая сдача домов, происходит с согласия общины.

3. Распределение жилищ производится исключительно через общины с привлечением представителя рабочих, крестьянских и солдатских Советов. Запрещается частное посредничество в подыскании жилищ; объявления о сдаче квартир в газетах могут появляться только с согласия общин.

4. В общинах, испытывающих жилищный кризис, жилая площадь распределяется по нормам. Распределение осуществляется таким образом, что для живущих одиноко оставляется только комната с кухней, каждому семейству предоставляется минимальное количество спальных помещений вместе с одним жилым помещением. Число спальных помещений определяется сообразно их величине и соответственно численности семейства, возраста и пола его членов. В особых случаях общины могут представлять одно или более помещений для работы.

5. Все излишние помещения должны немедленно регистрироваться в общинных жилотделах или в иных устанавливаемых общинами пунктах. Каждое семейство, имеющее излишнее по норме помещение, может в течение двух не-

дель после издания сего распоряжения поселить в этих помещениях родственников или знакомых, проживающих в пределах той же общины. По истечении этого срока сдача излишних помещений производится исключительно через органы общины.

6. Всякий нуждающийся в жилище обращается к общинному жилотделу. Где еще жилотделы не существуют, там их необходимо немедленно организовать. На предоставляемое жилое помещение выдается соответствующий ордер.

7. Очередность предоставления жилищ определяется исключительно остротой нужды и срочностью. Много семейным оказывается предпочтение перед бездетными, состоящими в браке, и перед холостыми. Участники войны и инвалиды удовлетворяются в первую очередь. При распределении следует относительно больных и калек, так же как беременных, обращать особое внимание на то, в каком этаже расположено жилище.

8. Размер жилищной платы устанавливается самими заинтересованными сторонами. Если соглашение не достигается, то соответствующую плату определяет община, которая должна обращать особое внимание на положение квартиронанимателя.

9. Данное постановление пока что не распространяется на отели, заезжие дворы и пансионы. Относительно этих помещений последует особое распоряжение. Однако, общины, испытывающие жилищный кризис, имеют право, в целях смягчения кризиса, реквизировать комнаты и в отелях, и т. п.

10. Кто, вопреки этому постановлению, незаконно распоряжается жилищной площадью, подвергается наказанию денежным штрафом до 100 тысяч марок или тюремным заключением до одного года. Обходы закона следует карать строже, чем прямое неподчинение.

Мюнхен, 8 апреля 1919 года.

За Временный Центральный Революционный Совет
Толлер.

Временный народный комиссар по жилищным делам
Вадлер.

6. Красная армия.

Красная армия Советской республики создается с целью обороны республики от всех нападений. Армия укомплектовывается по принципу добровольчества. Ядро армии образуют существующие военные формации. В первую очередь привлекаются лишенные средств к существованию. Принимаются только рабочие, в возрасте от 23 до 45 лет, физически пригодные, умеющие обращаться с оружием и принадлежащие к какой-нибудь социалистической или вольной профессиональной организации. Клятва заменяется рукопожатием на верность республике. Ставится требование строжайшей дисциплины. Каждый получает жалованье по шести марок в день и одну марку (*Treuprämie*), а также продовольствие, жилище и обмундирование. Семейные (своекоштные) получают пять марок дополнительно на продовольствие и на квартиру, а в Мюнхене, кроме того, надбавку на дороговизну по 2½ марки в день.

Принадлежащие к местной войсковой части являются непосредственно в часть, принадлежащие к иногородней части—в Воинское присутствие в гарнизонах вне Мюнхена—в расположенную там войсковую часть.

Вербовочное бюро городского Воинского присутствия (улица «Винцерштрассе») состоит из комиссии, в которую входят представители Совета рабочих, солдат и крестьян. Председатель—тов. Виммер. Вербовка начинается в четверг, 10-го апреля, с часу дня. Следует приносить с собой военные документы, а также подтверждающие вышеуказанные условия удостоверения. Относительно вооружения городского пролетариата и крестьян немедленно же последует особое постановление.

10 апреля 1919 г.

Центральный Совет: *Толлер.*

Народный уполномоченный: *Рейхарт.*

Областной солд. Совет: *Виммер*

Совет корпуса: *Эйхнер.*

7. Разрыв дипломатических сношений с германским правительством.

Народный уполномоченный по иностранным делам, доктор Франц Липп, адресовал представителю Баварской Советской республики господину доктору фон-Прегеру следующее письмо:

«Так как *opus primum* не *non ultimum* господина Прусса над германской конституцией никогда не станет обязательным для Баварии законом, и так как я не должен поступить с окупленными баварской кровью под Верти и Седаном особыми правами и привилегиями Баварии, сим прошу Вас незамедлительно затребовать от графа Брокдорф-Рапцау Ваши верительные грамоты».

9 апреля 1919 года.

Народный уполномоченный,
доктор *Франц Липп*.

8. Доктор Франц Липп папскому нунцию.

Народная республика Баварии, Министерство иностранных дел.

Имею честь сообщить Вам, что считаю своей святейшей обязанностью гарантировать в Мюнхене безопасность Вашей чтимой особы и всего института нунциатуры.

Примите уверения в моей преданности.

Мюнхен, 9 апреля 1919 года.

Доктор *Франц Липп*.

9. Сильвио Гзелль правлению всегерманского государственного банка.

Народный уполномоченный по финансам Баварской Советской республики адресовал правлению Государственного Банка в Берлине следующую телеграмму:

«Разрыв дипломатических сношений Баварской Советской республики и германского правительства ставит нас

перед вопросом, должны ли мы действовать самостоятельно и в том, что касается валюты. Перенесение дипломатического разрыва на денежное обращение затруднит самым прискорбным образом воссоединение. Я хочу радикальнейшими мерами оздоровить валюту. Оставляя путь бессистемного денежного монетного хозяйства, перехожу к абсолютной валюте и прошу ознакомить с Вашей точкой зрения.

11 апреля 1919 года.

Народный уполномоченный по финансам Баварской Советской республики

Сильвио Гзелль.

ю. Сообщение социал-демократического комитета Баварии.

Партийные товарищи!

Секретариат социал-демократической партии Баварии перенес свое местопребывание в Бамберг. Секретарский аппарат организации как раз теперь не должен испытывать никаких замешков. Всю переписку направлять по адресу:

Социал-демократическому секретариату. Бамберг, Бамбергский дворец.

10 апреля 1919 года

Баварский Комитет.

II. Общество „Тула“

опять организовало, как оно сообщило 24-го мая в своем органе «Мюнхенский Наблюдатель», отдельные союзы прежней гражданской обороны. 10-го апреля господин Кнауф направился по ее поручению в Бамберг и вручил министру-президенту следующее письмо:

Господин министр-президент!

«Граждане Мюнхена ждут с Вашей стороны спасения от тяжких лишений. Нынешние обладатели власти гигантскими шагами ведут экономическую жизнь столицы к пропасти. Жизнь и свобода личности и собственности теперь боль-

ше ничем не гарантированы. Право и справедливость больше не существуют. Незначительное меньшинство, опираясь на пулеметы и ручные гранаты, осуществляет тиранию и террор. Эта тирания может быть сокрушена только силой оружия. Мы надеемся, что правительство и ландтаг, как можно скорей вступят в Мюнхен во главе преданных войск. Граждане Мюнхена желают принять активное участие в своем освобождении. Несмотря на опасности, связанные в данное время со всяким самостоятельным поступком, к совету граждан города Мюнхена, помимо феррейнов и союзов, присоединились и тысячи отдельных лиц, и как только войска правительства появятся перед воротами города, они объявят стачку, чтобы этим затруднить оборону Красной армии. Более того, в Эхинге (между Мюнхеном и Фрайзингом) соберется способная носить оружие молодежь Мюнхена и сформирует мюнхенский батальон. Просим распоряжения о доставке туда винтовок и пулеметов, ручных гранат и снаряжения и о сдаче их лейтенанту Байеру в доме крестьянина Ангермайера. Просим дать подателю этого письма подробные сведения о возникающих у вас планах и вообще детальнейшим образом держать нас в курсе всего происходящего, чтобы обеспечить этим контакт в работе.

Примите, господин министр-президент, от всех нас выражение высокого уважения и доверия».

Совет граждан города Мюнхена

Зеботтендорф, Геймбург.

II. Позиция К. П. Р.

1. Рабочие! Партийные товарищи!

В Мюнхене распространяются слухи о предстоящих политических выступлениях. В связи с этим, упоминаются имена, имеющие чрезвычайно дурную славу в рабочих кругах Мюнхена. Это диктует крайнюю предусмотрительность. Все старосты и уполномоченные от предприятий—члены нашей партии немедленно же соберутся, чтобы выяснить свое отношение к создавшемуся положению.

Рабочие! Партийные товарищи!

В это мгновение, перед лицом вздымающихся волн политических страстей, мы требуем от вас революционной коммунистической дисциплины.

Рабочие! Партийные товарищи!

Следуйте только лозунгам вами же избранных коммунистических вождей. Не поддавайтесь провокации нежелательных лиц или лже-социалистов.

**«Мюнхенское Красное Знамя» 5-го апреля 1919 г.
Редакция «М. Р. Ф.»**

Декларация

баварской организации коммунистической партии.

(Союз Спартака).

В пяти созванных Центральным Советом собраниях уполномоченными коммунистической партии была оглашена следующая декларация:

«Проектируемая Советская республика — не диктатура пролетариата, а диктатура Центрального Совета, который, не будучи в состоянии совладать с коммунистическим движением, вознамерился провозгласить эту Советскую республику.

«Эта Советская республика есть не дело проникнутого классовым сознанием пролетариата, а продукт замешательства вождей, за которыми массы отказываются следовать.

«Революционный сознательный пролетариат не удовлетворится половинчатостью, а требует исключения всех правительственных и независимых мнимо-социалистов из Центрального Совета, который должен явиться носителем власти.

«Революционный рабочий класс требует, чтобы Советская диктатура строилась на фабзавкомах. Он ставит как минимальное требование проведение программных пунктов, содержащихся в тезисах «Чего хочет Союз Спартака».

«В момент революционного подъема и одновременно полнейшего политического хаоса, коммунистическая партия призывает всех революционных рабочих не дробить свои силы частичными выступлениями, не поддаваться революционным фразам и лозунгам, обещающим создать в 24 часа коммунистический рай, и, наоборот, с революционной решимостью и осмотрительной трезвостью собирать силы для решительного боя. Диктатура пролетариата должна быть плодом завоевания политической власти. Коммунистическая партия с величайшей внимательностью следит за всеми шахматными ходами врагов и лже-социалистов. Она не за тем боролась пять месяцев, чтобы Советскую республику получить из рук Шнеппенгорстов-Дюрров.

«Борьба за действительную коммунистическую республику только начинается».

2. Рабочие! Следуйте только лозунгам коммунистической партии!

Рабочие! Солдаты! Трудящиеся крестьяне Баварии!

«Партии зависимых и независимых, Центральный Совет и так-называемый «Совет революционных рабочих» провозгласили в Баварии Советскую республику.

«На голове капитализма еще не тронут и волосок, как уже во все концы света по телеграфу рассылаются хвастливые, лживые воззвания, в которых говорится: «Трудящийся народ Баварии стал господином своей судьбы».

«Еще попрежнему, без всяких изменений, существует эксплуатация человека человеком, а в воззваниях уже намечается «разрыв с проклятой эпохой капитализма».

«Мы решительнейшим образом протестуем против этой попытки путем провозглашения минно-советской республики разжигать или удушать идеи советской системы.

«Советская республика, если ей предстоит быть действительно пролетарской, должна быть создана усилием воли трудящихся масс. Только и единственно массы имеют право через свои избранные для этой цели революционные советы, провозгласить Советскую республику. Существующий ныне, так - называемый «революционный» Совет не может ни в коем случае рассматриваться, как подобный представитель трудящихся классов. Он избран не массами. Этот минно - революционный Совет не станет революционным и в том случае, если он разрастется, втянув к себе сколько угодно представителей зависимых и независимых партий.

«Отдельные партии, охватывающие только часть пролетариата, ни в коем случае не располагают правом провозглашать от имени всего пролетариата Советскую республику. Меньше всего имеют на это права зависимые, партийные товарищи какого-нибудь Эберта и Носке, какого-нибудь Шнеппенгорста и Дюрра.

«Столь же мало пригодны для этого независимые, те независимые, которые состоят в одной партии с злейшими врагами советской системы.

«Мы, как и прежде, проникнуты, как камень, крепким убеждением, что только создание коммунистической советской республики может избавить рабочий класс от всех зол и бед. Но как и прежде, мы так же того убеждения, что создание подобной Советской республики может быть только делом революционных масс.

Рабочие! Солдаты! Трудящиеся крестьяне Баварии!

«Мы принимаем вас немедленно приступить к выборам такого органа, который призван будет формулировать вашу волю и исполнять ее. Только такой действительно ре-

волюционный Совет имеет право и в состоянии принять решение о том, когда должна быть провозглашена Советская республика, когда должна начаться борьба.

«Рабочие комитеты не пригодны для этого, так как предназначаются они для совершенно иных целей. Рабочие в эти комитеты избирались из числа таких, у которых предполагались знания в области государственного страхования, законов о подсобных работах и тому подобных лабиринтов капиталистической эпохи рабства. От членов новых революционных рабочих Советов ожидается, наоборот проявление иных качеств, необходимых в стойкой революционной борьбе против цитаделей буржуазии, капитализма и их лже-социалистических пособников.

Рабочие! Солдаты! Трудящиеся крестьяне Баварии!

«Изберите же себе такой орган!

«Не рассчитывайте, что теперь, когда зависимыми, палачами пролетариата, независимыми лже-социалистами и анархистскими путаниками будет провозглашена много-советская республика, выборы революционного политического органа могут оказаться излишними! Теперь он необходим больше, чем когда бы то ни было!

«Как лопается мыльный пузырь и рассыпается картонный домик, так провалится за недостатком внутренней крепости и это, с таким барабанным боем рекламы и воскуриванием фимиама вызвавшее лже-социалистическими вождями к жизни искусственное строение.

«Ваши представители должны зорко следить за тем, чтобы вы правильно определили момент, когда должен будет прогнать лозунг: вся власть Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов!

Рабочие! Солдаты! Трудящиеся крестьяне Баварии!

«Мы призываем вас избрать в каждом предприятии одного революционного старосту. В предприятиях с числом более 1.000 рабочих по одному на 1.000.

«Не смешивайте этих выборов с выборами в фабзавкомы и рабочие Советы. Рабочему Совету, который составится из представителей фабзавкомов, предстоит после захвата власти пролетариатом выполнять задания в области управления. На него возлагается выполнение всех заданий, стоя-

щих перед пролетариатом после захвата политической власти.

«В противоположность этому Революционный Совет, который нам предстоит выбрать, должен взять на себя подготовку захвата политической власти. Кроме того, ему придется определить, какой момент является подходящим для провозглашения коммунистической Советской республики.

«Вам предстоит сделать выбор между вашими товарищами. Если в рабочие комитеты вы избрали людей, знакомых с законами, а в рабочие Советы представителей, имеющих данные и знания в области управления и хозяйства, то теперь, в революционный рабочий Совет, вы должны избрать людей, пламенеющих революционным жаром, исполненных энергии и боевого духа, обладающих способностью принимать быстрые решения и одновременно умеющих составлять себе отчетливое, ясное представление о реальном соотношении сил, дабы, с одной стороны, уметь действовать отважно и революционно, с другой—резво и осмотрительно избрать момент для действия.

Рабочие! Солдаты! Трудящиеся крестьяне Баварии!

«Нельзя одним постановлением нескольких путанных и пыльных политических главней исключить необходимость политических партий. Мы, коммунисты, будем попрежнему объединять в коммунистической партии (Союза Спартака) всех наших сторонников, старающихся добиться одних и тех же целей одинаковыми средствами. Как и прежде, мы будем нести в массы наши идеи и проводить резкую грань между нами, всеми социал-предателями, боровшимися до сих пор против советской системы, и теми вечно колеблющимися независимыми, которые разжижают идеи советской системы.

«Мы призываем вас сохранять величайшее недоверие ко всем шагам основателей мнимо-советской республики. Мы призываем вас предпринять все необходимое для завоевания и осуществления действительной коммунистической Советской республики!

«Избегайте демонстраций и празднеств в честь мнимо-советской республики!

«Рабочие, следуйте лозунгам коммунистической партии!».

«Мюнхенское Красное Знамя» от 7 апреля 1919 года.

9-го апреля 1919 года в 11 часов вечера Совет революционных фабрично-заводских старост и революционных солдатских представителей постановил потребовать от Центрального Совета немедленного ухода в отставку и себя самого объявить носителем всей полноты власти. К Центральному Совету немедленно же направилась делегация, чтобы передать ему требование Совета революционных фабрично-заводских старост и революционных солдатских представителей.

Революционные рабочие и солдаты, защищайте ваших вами же избранных представителей!

3. К пролетариату Мюнхена!

Баварский рабочий класс, в особенности рабочий класс Мюнхена, стоит перед чудовищной опасностью. Белогвардейцы грозят свергнуть рабочих.

Перед лицом этой опасности совет двадцати попытался по поручению Революционного Совета пролетариата, после того, как так-называемое Советское правительство оказалось несостоятельным, мобилизовать рабочий класс.

Это поручение не могло быть выполнено. Бессилие Центрального Совета отозвалось и на действительных уполномоченных пролетариата. Вооружение рабочего класса не было осуществлено так-называемым Советским правительством. Оно разбивается теперь о сопротивление полков, отказывающихся снабдить рабочий класс оружием для самообороны.

Выяснилось ватем, что уже теперь главари республиканских отрядов охраны пытаются злоупотребить этими отрядами для контр-революционных выступлений. При таком положении невозможно выполнить задание революционного Совета об открытой борьбе с мнимо-советским правительством. Теперь следует все силы сосредоточить против более грозной опасности со стороны белой гвардии. Эта важнейшая задача момента может оказаться невыполнимой благодаря тому, что рабочий класс, вопреки постановлению Революционного Совета, не уяснил себе сущности Центрального Совета, и нам грозит опасность борьбы между

самими рабочими. Совет двадцати просит поэтому Революционный Совет освободить его от возложенного задания и временно отказаться от намерения захватить всю полноту политической власти.

Теперь задачей рабочих Баварии является побуждать Центральный Совет идти вперед и самим вступить в борьбу путем провозглашения всеобщей стачки, с требованием: отвод белой гвардии и немедленное вооружение пролетариата.

«Мюнхенское Красное Знамя» от 11 апреля 1919 года.

III. Под диктатурой пролетариата.

1. Советская республика Баварии.

Фабрично-заводские и солдатские Советы Мюнхена на своем собрании 13 апреля 1919 года постановили:

«Временный Революционный Центральный Совет рассматривается, как прекративший свое существование.

Вся законодательная и исполнительная власть в Советской республике передается состоящему из пятнадцати членов Комитету Действий».

*Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских депутатов.*

2. К рабочим и солдатам Мюнхена и всей Баварии.

Рабочие и солдаты Мюнхена 13 апреля после тяжелой борьбы добились великой победы. Группа контр-революционеров и политических авантюристов, руководимая предателями рабочего класса, в ночь на 13-е апреля произвела в отношении старого Центрального Совета государствен- ный переворот и установила военную диктатуру. Революционные рабочие и солдаты сокрушили изменников, желавших загнать их под ярмо капиталистической диктатуры. Они параллельно освободились от тех элементов, которые, вследствие неспособности, нерешительности и политиче- ского немыслия, толкали революцию на край пропасти и банкротства.

Революционные рабочие взяли теперь в собственные руки судьбы революции. Они превратили мнимое господство в действительное господство пролетариата. Они на месте

мни-советской республики установили действительную Республику Советов. Старый Центральный Совет свергнут белогвардейцами. Революционные рабочие и солдаты создали Исполнительный Совет.

Какая разница между данным моментом и положением восемь дней назад? Тогда—национальное торжество в приятном самоуслаждении кажущейся победой, ныне—всеобщая забастовка во всех предприятиях Мюнхена, преследующая ближайшую важнейшую задачу—вооружение рабочего класса. Тогда—декреты и обещания отдельных личностей, осмелившихся стать у кормила государственного корабля, ныне—самостоятельное деяние самого рабочего класса. Тогда—висевшее в воздухе правительство, не имевшее за собой ничего, кроме клочка бумаги с парой подписей, а над собой отряды охраны, ныне—во главе рабочего класса комитет свободно избранных доверенных людей, опирающийся на помощь пролетариев в рабочих блузах и военных мундирах, которые только что в борьбе уничтожили самого опасного в данный момент врага. Тогда—Центральный Совет, праздновавший и болтавший в пустую, ныне—Исполнительный Совет, действующий потому, что исполнен и воли, и силы для действия.

Рабочие и солдаты! В сознании своей силы вы должны черпать волю к власти.

Вы победили. Но сейчас не время радоваться своей победе. Вы разгромили оборонительные отряды капитала.

Но капитализм еще существует.

Он приберег еще тысячу средств борьбы против вас. Только железным напряжением энергии можете вы выбить из его рук эти средства борьбы, можете совершенно подавить капитализм.

Враг в Мюнхене. Буржуазия, увидев, что дело идет всерьез, сосредоточит все свои силы. Не допускайте этого. Бодритесь и подавляйте всякое противодействие в зародыше.

Враг грозит извне. Белая гвардия стоит наготове, чтобы напасть, поразить и растерзать вас. Примите все меры для защиты ваших братьев в городах, являющихся форпостами Мюнхена, ваших братьев в селах, подвергающихся всем опасностям контр-революции. Если вы не сплотитесь крепко вокруг дела рук своих, если вы не готовы его каждодневно

вновь и вновь защищать, вновь и вновь завоевывать, если вы со всей осмотрительностью и энергией не отстоите и не закрепите его, тогда ему грозит уничтожение. А уничтожение вашего дела для вас означает преследование, горе, голод и смерть.

Рабочие и солдаты! Что вы должны делать теперь для укрепления и строительства молодой Советской республики? Советская республика есть диктатура пролетариата. Задачей диктатуры является полнейшее свержение класса капиталистов и строительство социализма.

Низвержение класса капиталистов требует усиления вашей боеспособности. Эту цель преследует немедленное создание Красной армии, основа чему заложена вашим самовооружением. Теперь следует только сплотить вооруженных рабочих и солдат в крепких войсковых объединениях и путем свободной, сознательной дисциплины держать их в подчинении ими же выбранным вождям. Буржуазия должна быть разоружена. Необходимо создать революционный суд. Судить должны вы сами. Только в экономической области может быть нанесен решающий удар капитализму. Немедленно вручите вашим фабзавкомам контроль над управлением предприятиями. Это есть предпосылка для национализации всей промышленности и для ее плановой организации. Будут немедленно же сделаны шаги для обобществления коронных и епископских владений и крупных поместий, с передачей их в руки сельских рабочих.

Вы, рабочие, должны энергичными усилиями побороть жестокий жилищный кризис, господствующий в городах, а во многих случаях проникающий и в деревню. Наш принцип—дать каждому рабочему приличное обиталище и устранить жилищную роскошь богатеев. Прочь из ваших темных, тесных закоулков! Жилища имеются. Возьмите их. Снабжение рабочего класса продовольствием должно быть обеспечено и урегулировано. Средства—общая конфискация всех продуктов и их справедливое распределение.

Блага культуры должны служить на пользу всего народа, на пользу рабочего класса в первую очередь. Они созданы и каждодневно воссоздаются усилиями трудящихся. С этой целью следует поставить на новых основах все дело народного образования и воспитания. Хранилища произведений

искусств, театры, галереи должны широко раскрыть свои двери перед рабочим классом. Детям рабочих, больным должно быть предоставлено все, что может дать пролетариат в качестве господствующего в государстве класса.

Вот задачи, стоящие перед вами в первую очередь. Исполнительный Совет даст вам законы и средства для их осуществления. Планомерной работой он может облегчить и сделать ваше дело осуществимым. Но вы сами должны ковать свое дело. Все ваши мысли, все ваши действия должны единственно и только служить благу Советской республики. Отдайтесь всецело делу Советской республики, защищайте ее своим оружием. Посвятите все ваши духовные и физические силы ее строительству.

Подведите под Советскую республику крепкий фундамент: на всех предприятиях, во всех прилегающих к Советской республике местностях избирайте свои фабзавкомы. Сельские рабочие и крестьяне, все живущие трудом своих собственных рук, избирайте новые крестьянские Советы, чтобы в кратчайший срок мог быть созван всеобщий съезд Советов, задачей которого является окончательно избрать руководящие органы Советской республики.

Рабочие и солдаты! В жарких битвах вы были единодушны. Единодушно приносили вы жертвы за великое дело. На поле битвы смешивалась кровь рабочих и крестьян. Это была однаковая благородная кровь рабочего класса. Этим вновь запечатлено ваше кровное братство. Помните всегда об этой священной крови. Как революционные классовые товарищи, держитесь крепко и непоколебимо вместе. Этого требует благо Советской республики.

13 апреля 1919 года.

3. Радиотелеграмма Исполнительного Совета к Российской и Венгерской Советским республикам.

В результате жарких боев, вооруженные рабочие и солдаты Мюнхена отразили коварное покушение буржуазии и право-социалистических предателей на пролетариат. В

ночь на субботу Центральный Совет, возглавлявший до сей поры мнимо-советскую республику, был свергнут республиканскими отрядами охраны (белой гвардией). В субботу революционные рабочие вооружились; полки перешли на их сторону. Объединенными силами был подвергнут обстрелу гранатами и минами и штурмован превращенный в крепость вокзал. Вслед за этим республиканские отряды сдались. Рабочие и солдатские Советы избрали Исполнительный Совет, взявший всю власть в свои руки. Постановлены и проведены энергичные диктаторские мероприятия.

Исполнительный Совет новой, истинно пролетарской Советской республики приветствует российский и венгерский рабочий класс и их Советские республики. Мюнхенский рабочий класс отдаст все свои силы на службу великой исторической задачи, первыми застрельщиками которой явились храбрые российские и венгерские братья.

Да здравствуют Российская и Венгерская Советские республики!

Да здравствует мировая революция!

Мюнхен, 14 апреля 1919 года.

*Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских депутатов.*

4. Три декларации.

I.

К трудящемуся народу Баварии!

Социал-предатели в союзе с буржуазией и продажными наемниками попытались свергнуть власть рабочих.

Попытка не удалась. Рабочий класс, спаянный единой целью и единой твердой волей, своими телами и кровью добился победы над контр-революцией. Мы почтительно склоняемся перед трупами павших бойцов.

Наступила новая стадия революции. Старый временный Революционный Центральный Совет, большая часть членов которого арестована, устранил самым ходом событий. На его место вступил, взяв всю власть в свои руки, избранный пролетариатом Мюнхена Комитет Действий.

Рабочие, ваше дело в опасности. Защищайте революцию своей кровью, своей волей, своим сердцем.

Да здравствует Баварская Советская Республика!

Да здравствует мировая революция!

Мюнхен, 14 апреля 1919 года.

Эрнст Толлер.

II.

Временный Центральный Совет фактически прекратил свое существование, вследствие безответственного, направленного против него, 13 апреля 1919 года, контр-революционного путша, во время которого были произведены аресты целого ряда членов Центрального Совета. Образовался состоявший из 15 членов Комитет, который обладает всею властью, находившейся до сих пор в руках Временного Центрального Совета. Дабы воспрепятствовать смятению и борьбе внутри пролетариата и отстранить все, что может повредить идее Советов, я заявляю от себя лично, что обязанность Временного Центрального Совета — отказаться окончательно от претензии на власть и признать существующий Комитет Пятнадцати, как правомерный на данный момент Центральный Совет.

Мюнхен, 14 апреля 1919 года.

Никиш.

III.

Путш отрядов охраны, имевший целью свержение Советской республики, был отражен не благодаря вмешательству Временного Центрального Совета, а благодаря самопомощи революционных рабочих и солдат. Вместе с победой борющемуся пролетариату принадлежит и власть. Временно эта власть будет представлена фабзавкомами рабочих и служащих Мюнхена, назначившими для временного возглавления революционной государственной власти Комитет Пятнадцати. Этот Комитет Пятнадцати с сего дня — высшая, подлежащая признанию со стороны каждого пролетария власть. Прежний Революционный Центральный Совет отстранен.

Клингельгофер.

5. Солдаты! Пролетарии!

Советская республика провозглашена. Но она еще ни в коем случае не воплощена в действительность. Капиталисты никогда добровольно не откажутся от своего права вас эксплуатировать. Их белая гвардия готова вступить в Мюнхен. Если вы за Советскую республику, то готовьтесь к вооруженной обороне.

Одно из двух: сдаться или бороться.

17 апреля 1919 года.

6. К баварским крестьянам!

Советская республика крепка единодушной волей всего пролетариата.

В Мюнхене господствует спокойствие и порядок.

Крестьяне, не давайте ложным сообщениям вводить себя в заблуждение. Советская республика призвана к жизни не чужеземцами и иностранцами, а баварским трудовым народом.

Советская республика вовсе не означает беспорядок, голод и нищету: Советская республика хочет справедливости во имя трудящегося народа.

Крестьяне, вы тоже принадлежите к трудящемуся народу. Победа революции будет вашей победой; ее поражение только повредит вам.

В своих собственных интересах вы не должны прекращать доставку продуктов продовольствия в Мюнхен.

Рука руку моет. Если городской пролетариат будет покиннут жертвой нужды, то и вы, крестьяне, скоро испытаете на своей спине последствия этой нужды. Подумайте, крестьяне, о тяжком преступлении, которое вы совершите, если обречете невинных, больных, стариков, детей и грудных ребят на голод тем, что не станете доставлять в Мюнхен молоко и другие продукты питания.

Подумайте о последствиях, если вы путем голодной блокады свергнете пролетариев в отчаяние.

16 апреля 1919 года.

*Исполнительный Совет революционных старост
фабрик, заводов, крестьян и солдат.*

7. К крестьянству Баварии!

Сельские жители, не давайте вводить себя в заблуждение бессовестным поджигателям, которые, сея разлад между городом и деревней, пытаются свести на-нет гражданскую войну.

Не верьте тому, что в городе господствует насилие и кровопролитие, и что городское население восстает против Советской республики.

Всюду господствует спокойствие и порядок, и каждый знает, что историческое развитие с необходимостью ведет к советской системе, что этот процесс развития неустойчив, и что к нему приспосаблиется всякий здравомыслящий.

Солдатские Советы Мюнхена вместе со всем гарнизоном единогласно высказались за Советское правительство.

Советское правительство не затронет ваших прав, оно знает, что благополучие всего народа обусловлено благополучием крестьянского сословия. В Советской республике законодательная и исполнительная власть в деревне контролируется или осуществляется крестьянскими Советами: крестьянские Советы контролируют окружные управления и правления общин.

Вашей собственности не угрожает опасность: только крупное землевладение, только фиденкомиссы подлежат контролю, в проведении которого вы сами призваны принять участие.

Ваши сельскохозяйственные кооперативы и ссудосберегательные товарищества не подвергаются опасности. В Советской республике дело кооперации будет развиваться дальше. Кооперативные молочные хозяйства и сыроварни должны будут укреплять ваше хозяйство. Кооперативное приобретение машин, семян, средств удобрения должно облегчить ведение хозяйства.

Свободное самоопределение и самоуправление значительно лучше наладит в Советской республике взаимоотношения на селе, чем налаживали прежние правительства с их затхлой бюрократией и автократическими провинциальными органами власти. Крестьянский Совет является вашим свободно избранным представительством. Если до сих пор крестьянские Советы работали не в вашем духе, то отзы-

вайте их членов и замаскируйте их лицами, на которых вы можете вполне положиться.

Не слушайте тех подстрекателей, что советуют вам путем прекращения подвоза продуктов питания повлиять на политику города. Вы только вызовете взрыв гражданской войны, а не предупредите ее возможность. Вы заставите голодающих двинуться в деревни и этим не избежите, а еще больше усилите необеспеченность в деревне.

Советская республика так же, как вы, стремится прекратить деятельность военных прибыльщиков, спекулянтов, мошенников; она желает лучшего трудящемуся народу, к которому принадлежите и вы.

Советская республика приложит все усилия, чтобы именно своего кормильца—крестьянство сделать работоспособным и творческим.

Проникнитесь поэтому доверием, делайте то, что делали всегда: пашите землю, сейте хлеб и сдавайте продукты продовольствия, в которых не нуждаетесь сами, для снабжения городов.

17 апреля 1919 года.

8. Пролетарии-железнодорожники!

Исполнительный Совет фабрично-заводских и солдатских Советов Мюнхена со всей решительностью отвергает ложь бежавшего правительства Гоффмана. Правительство Гоффмана хочет только сеять разлад между железнодорожниками и их братьями в других производствах. Железнодорожники, и вы теперь пробудились. На вашей Франкфуртской конференции вы присоединились к великой борьбе рабочего класса. Вы должны всей душой отдаться этой борьбе. Подумайте о четырех долгих годах войны. Вспомните, как обогатились толстосумы. Вспомните, как ваши жены должны были взять на себя вашу трудную службу и изнуряться в то время, как вы находились в окопах. Вспомните о принесенных войной многомиллионных непоправимых несчастиях. Если вы не хотите новой войны, вы должны свергнуть капитализм, потому, что до тех пор, пока он существует, народы не добьются спокойствия. Социализм необ-

ходим, или весь рабочий класс погрязнет в нужде и лишениях. Социализм передает всю власть в руки рабочих. Разве вы, железнодорожники, не хотите разрешать вопросы об условиях вашего труда через ваши фабзавкомы? Или вы хотите попрежнему давать начальникам командовать собой, как рекрутами? Если вы не хотите этого, тогда боритесь вместе с нами. От железнодорожников зависит многое. Делайте все, что помогает вашим борющимся братьям. Сопровитвляйтесь всему, что должно им вредить. Будьте единодушны со всем пролетариатом.

Да здравствует Советская республика!

Да здравствует социализм!

Да здравствует всемирный пролетариат!

21 апреля 1919 года.

*Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских Советов.
Совет путей сообщения.*

9. Распоряжение.

Все воззвания Советской республики, летучки, объявления, распоряжения и т. д. должны нести подпись соответствующих отделов Исполнительного Совета.

Предписания и объявления без такой подписи считаются недействительными.

Составители и печатавшие будут передаваться Революционному Трибуналу для немедленного осуждения.

Мюнхен, 15 апреля 1919 года.

*Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских Советов Мюнхена.*

10. Оборона революции.

Кто публично выступает словом, в печати или делом против Исполнительного Совета, его органов и его официальных постановлений, будет незамедлительно передаваться

Революционному Трибуналу и немедленно осужден.

Мюнхен, 14 апреля 1919 года.

*Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских Советов Мюнхена.*

II. К вопросу о вооружении.

Вооружение рабочих происходит через фабзавкомы по предприятиям. В первую очередь вооружаются умеющие обращаться с оружием.

Для неумеющих обращаться с оружием, будет теперь же производиться учение, под руководством имеющих опыт в обращении с оружием. Вся вооруженная служба несется только знающими обращение с оружием.

Рабочие должны постоянно в пути к месту работы и обратно носить с собой оружие. Фабзавкомы должны, составив списки, содержащие фамилии и номера оружия, проводить строжайший контроль оружия.

Мюнхен, 14 апреля 1919 года.

*Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских Советов Мюнхена.*

12. Приказ комендатуры города Мюнхена.

С сего момента комендантом города является нижеподписавшийся, назначенный Центральным Советом и принявший дела комендатуры города.

Для обеспечения безопасности города Мюнхена, на всех въездных улицах города немедленно выставляются войсковые заставы. Дальнейшие распоряжения принимаются самостоятельно войсковыми частями.

Автомобили и т. п. подлежат задержанию, все прежние удостоверения недействительны; действительны только удостоверения за моей подписью, с служебной печатью комендатуры.

Мюнхен, 14 апреля 1919 года.

Комендант города *Рудольф Эгльгофер.*

13. Комендатура города Мюнхена.

Постановление.

Все граждане города Мюнхена должны сдать в течение 12 часов всякого рода оружие в комендатуру города. Кто в течение этого времени оружия не сдаст, будет расстрелян.

Мюнхен, 14 апреля 1919 года.

Комендант города
Рудольф Эгльгофер.

14. К населению Мюнхена.

Безответственные элементы распространяют слухи, имеющие целью вредить Советской республике.

Мюнхену не грозит военная опасность. Белогвардейцы стоят у Дахау. Они будут сдерживаться сильными отрядами Красной армии.

Красная армия заняла Розенгейм. Она подвергалась обстрелу из подвалов и с крыш. Сопротивление подавлено. Буржуазия разоружена, Розенгейм крепко в наших руках.

Из Шлейзгейма белогвардейцы вышвырнуты вооруженными рабочими.

16 апреля 1919 года.

*Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских Советов Мюнхена.*

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

15. Рабочие! Товарищи!

Вы находитесь в войне с буржуазией. Вы хотите и должны победить. Поэтому дисциплина, дисциплина и еще раз дисциплина.

Выберите себе хороших вождей, безусловно подчиняйтесь им, но немедленно смещайте их, если они поддаются в борьбе.

Составляйте роты и батальоны. Собирайтесь ежедневно

на намеченных вами сборных пунктах ваших предприятий. Эти пункты должны быть вашим постоянным местом сбора. Там вы получите приказы и инструкции. В сплоченных меньших и больших частях упражняйтесь в маршировке. Демонстрируйте такими сплоченными взводами по городу, и всеми средствами заботьтесь о крепкой внутренней спайке.

Держите ваши винтовки и снаряжение наготове. Не выпускайте их из рук.

Disciplina и пролетарский порядок спасут революцию и пролетарскую Советскую республику.

Да здравствует пролетариат и революционные солдаты!

Мюнхен, 16 апреля 1919 года.

Комендант города *Эгльгофер*.

*Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских Советов Мюнхена.*

16. Сдача оружия.

Все граждане, неимеющие выданного нижеподписанной комендатурой города удостоверения на право хранения оружия, должны сдавать все огнестрельное оружие, независимо от состояния пригодности, а также все охотничьи ружья и декоративное огнестрельное оружие вместе со снаряжением в комендатуру города (военная комиссия, комната 18).

Холодное (колющее и рубящее) оружие должно также сдаваться.

Все выданные до 15 апреля 1919 года разрешения на право хранения оружия и все удостоверения на декоративное оружие, так же как все опубликованные до 15 апреля 1919 г. указы и объявления относительно сдачи оружия, настоящим аннулируются.

Сроки сдачи оружия:

Буквы А—Н—16 апреля с 9-ти до 4-х час. дня.

Буквы О—Ю—17 апреля с 9-ти до 4-х час. дня.

На крупные собрания декорационного оружия составлять списки и доставлять их военной комиссии до 18 апреля с указанием точного адреса и места хранения.

Обыски по домам в поисках оружия производятся назначенной для этого комиссией по письменному

приказу и ордеру комендатуры города, подписанному комендантом города Эгльгофером с приложением служебной печати комендатуры города. В сомнительных случаях немедленно ставить в известность комендатуру города (телефон 25—211).

Неподчинение этому постановлению будет караться Революционным Трибуналом.

Мюнхен, 16 апреля 1919 года.

Комендатура города. Военная комиссия.

*Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских Советов Мюнхена.*

17. К классово-сознательному пролетариату.

Рабочие! Крестьяне! Солдаты! Безработные!

Буржуазия ведет своих наемников на Мюнхен, чтобы утопить в крови юную свободу пролетариата. Собирайтесь и снаряжайтесь для борьбы за Социалистическую Советскую республику.

Вступайте в Красную армию.

Покажите палачам революции свои зубы и отправьте белогвардейцев во-свои с окровавленными годами.

Кто имеет право вступить в Красную армию.

Все рабочие, принадлежащие к социалистической организации или вольным профсоюзам.

Являясь к приему, следует представлять следующие бумаги: членскую книжку какой-либо социалистической организации или вольного профсоюза, удостоверение фабзавкома или совета безработных, либо членскую книжку солдатского союза «Вольный Товарищ». Кроме того, приносить военное удостоверение. Солдаты будут приниматься только в том случае, если они отчислены своей войсковой частью.

Какие обязанности берет на себя солдат Красной армии.

Свободное подчинение и безусловное повиновение командирам, железная дисциплина во время и вне службы в интересах Советской республики. Батальонные, ротные, взводные и отделенные командиры избираются рядовыми. Полковых командиров и начальников самостоятельных формирований назначает народный уполномоченный, согласуя это с полками. Откомандирование не допускается. Занятые на государственной службе получают назначения особые и не принадлежат к армии.

При вступлении в армию солдат обязывается к трехмесячной службе. По истечении этого срока он может с предупреждением за две недели просить об увольнении.

Что получает солдат Красной армии?

Продовольствие, одежду и кров. Жалованье солдата равно 8 маркам плюс 2 марки в день за состояние боевой готовности. Семья красного солдата получает бесплатно квартиру. Кроме того, жена получает ежедневно 4 марки и по одной марке на каждого ребенка.

Суточные за довольствие не выплачиваются.

Жалованье выплачивается за каждые десять дней и вперед.

Отсутствующий на службе не получает надбавки за состояние боевой готовности.

Где можно вступить в Красную армию?

На следующих приемных пунктах: школа Гульдейна, гимназия Макса, гимназия Луитпольда, церковная школа, школа Имлера, школа Гиршберга, школа в Мильтберггофене.

Советское правительство считает своим первейшим и само собою разумеющимся долгом достаточным образом заботиться о каждом солдате Красной армии и его родственниках.

Мюнхен, 25 апреля 1919 года.

Военная комиссия.

*Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских Советов Мюнхена.*

18. Приказы.

С момента расклейки этого объявления все участники гражданской стражи безопасности (которые подчинялись прежнему управлению полиции Мюнхена) должны явиться в помещение охраны своих районов с целью дальнейшего несения службы.

Служба охраны будет нести только теми участниками гражданской охраны (организованными рабочими), которые пользуются правом ношения оружия.

Лица, узнающие о грабежах, кражах и тому подобном, должны немедленно же по телефону или устно ставить в известность соответствующую часть охраны.

Вооруженный пролетариат настойчиво приглашается оказывать чинам гражданской охраны деятельное содействие в интересах поддержания порядка и безопасности.

Распределение службы в каждом районе регулируется специальным выбранным охраной уполномоченным.

Мюнхен, 18 апреля 1919 года.

Президиум полиции:

Кеберль. Дош.

Комендатура города: *Вайнбергер.*

Сим доводится до сведения, что распоряжение от 18-го апреля 1919 года, подписанное Президиумом полиции: Кеберлем, Дошем, и городским комендантом Вайнбергером, согласно которому всем состоящим в гражданской страже безопасности (подведомственной до сих пор полицейскому управлению Мюнхена), предлагалось явиться в помещение охраны своих районов с целью дальнейшего несения службы, ныне отменяется. Служба охраны впредь до окончательной организации Красной гвардии будет нести по секциям вооруженными рабочими. Заявления, касающиеся различного рода козней, грабежей и краж и т. д., должны поступать в секции. При аресте надлежит тотчас же составлять протокол заноса в него совершаемое деяние, так как в противном случае Революционный Трибунал будет лишен возможности рассмотреть преступление.

Мюнхен, 24 апреля 1919 года.

Комиссар полиции.

Войсковое имущество из лагерей и вещевых складов 1-го армейского корпуса впредь не должно сдаваться 2-му и 3-му армейскому корпусам.

24 апреля 1919 года.

Хозяйственный совет.

*Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских Советов Мюнхена.*

Городская комендатура, начиная с 24-го апреля 1919 года, перескала во дворец, первый этаж (вход с улицы Резиденц, №№ тел.: 27—650 и 27—651).

При нарушении закона участниками Красной гвардии или военными жалобы должны поступать в городскую комендатуру.

24 апреля 1919 года.

Комендант города.

Сим объявляю, что каждый, в том числе и состоящий в Красной армии, самовольно выступающий против установленного верховными фабрично-заводскими Советами законного правительства, будет рассматриваем мною в качестве контр-революционера и привлекаем к ответственности.

26 апреля 1919 года.

Толлер.

19. Декларация Толлера.

Мною подано в Генеральный Штаб следующее заявление: «Так как я не беру на себя больше ответственности и не могу работать в качестве руководителя совместно с теперешним Исполнительным Советом и Генеральным Штабом, то я вынужден сложить с себя полномочия командира отряда. Я буду заведывать делами, пока не будет найден на мое место заместитель. К вышесказанному имею добавить фабрично-заводским Советам следующее:

Я считаю нынешнее правительство злосчастьем для трудящихся Баварии. Руководящие деятели, с моей точки зрения,

туют в себе опасность для идеи Советов. Неспособные что-либо строить, они бессмысленно разрушают. Поддерживать их, по-моему, означает вредить революции и Советской республике. Ужаснее всего то, что трудящиеся остаются в полном неведении относительно подлинных событий. Конечно, не мне, а фабрично-заводским Советам, как верховной власти, принадлежит право привлечь к ответственности правительство. Для защиты необходимо сомкнуть ряды пролетариата. Для строительства нужна суровая воля.

26-го апреля 1919 г.

1 ч. 35 мин.

Толлер.

20. Всем предприятиям и казармам.

Во исполнение решения состоявшегося 19 апреля 1919 г. собрания фабрично-заводских и солдатских Советов о выдаче новых удостоверений фабрично-заводским и солдатским Советам, дабы дать возможность заполнить их, необходимо протоколы состоявшихся на отдельных предприятиях и казармах избирательных собраний, где были избраны члены фабрично-заводских и солдатских Советов, передать комиссии по рассмотрению мандатов (Виттельсбахский дворец, 2-й этаж, комн. 8). Избирательные протоколы должны содержать в себе следующие данные:

1. Наименование и производственный характер предприятия или казармы.
2. Имя, возраст, профессия, местожительство членов фабрично-заводских и солдатских Советов.
3. Принадлежность к политической партии и профессиональной организации.
4. Общее количество работающих на предприятии рабочих.
5. Общее количество работающих на предприятии служащих.
6. Количество помещающихся в казармах солдат.
7. Протокол действителен, если он подписан не менее чем 10-ю избирателями (с указанием их местожительства).

Подтверждение произведенных выборов работодателем недействительно. Протоколы, не содержащие в себе вышеуказанных данных, будут отсылаться обратно, как недействительные.

Мюнхен, 25 апреля 1919 г.

*Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских Советов Мюнхена.
Комиссия по рассмотрению выборов,*

21. Регламент, касающийся численности представительства на собраниях фабрично-заводских Советов.

Отдельные предприятия посылают своих представителей на собрание фабрично-заводских Советов согласно следующим правилам:

Общее количество работающих:

От	20	до	40 рабочих и служ.	1 член фаб.-зав. Совета.
"	41	"	80	" . . . 2
"	81	"	150	" . . . 3
"	151	"	250	" . . . 4
"	251	"	400	" . . . 5
"	401	"	600	" . . . 6
"	601	"	1000	" . . . 7
"	1001	"	2000	" . . . 8
"	2001	"	3000	" . . . 9
свыше 3000	"	"	"	" . . . 10

Предприятия с количеством рабочих и служащих меньше 20-ти тоже избирают одного или двух представителей, функции которых в отношении своих предприятий определены временными директивами от 18-го апреля 1919 года.

Предприятия, насчитывающие меньше 20-ти рабочих и служащих, объединяются для избрания представителей в собрание фабрично-заводских Советов с предприятиями той же отрасли производства на общее районное собрание и посылают своих представителей в соответствии с общей численностью их рабочих и служащих, согласно вышеприведенному регламенту.

Кандидаты не имеют доступа на собрания фабрично-заводских Советов.

27 го апреля 1919 года.

Комиссия по проверке мандатов.

*Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских Советов Мюнхена.*

22. Временный рабочий контрольный совет.

Согласно принятому решению, от каждого производственного совета собираются по два представителя, от военных инвалидов—два, от безработных—пять представителей.

Заседание состоится в четверг 24-го апреля в 7 час. вечера в пивном локале дворца, комн. 2.

Порядок дня: организация отделов.

Фабзавкомы.

23. В стачке не должны участвовать

Банки, сберегательные кассы, почта, железная дорога, железнодорожные мастерские, телеграф, телефон, экспедиция, канализация, электрические станции, газовые заводы, водопровод, все предприятия, работающие по изготовлению и доставке пищевых продуктов, гостиничные предприятия, артиллерийские предприятия, мельничные, очистка улиц, из бань только: Луизенбад и Мюллерская народная баня, фонарщики, пожарные, служащие учреждений, обслуживающих общественные потребности, похоронные бюро и кладбища, кроме того, те, кто работает по ичислению и выплате заработной платы, магистрат.

Кондитерские, кафе и концертные локалы должны оставаться закрытыми. Производство кондитерских товаров воспрещается. Предпринимателям предписывается уплатить за дни стачки.

Если бы было доказано, что мелкие предприниматели

сделать это не в состоянии, то за них должен уплатить союз предпринимателей соответствующей отрасли занятий.

Мюнхен, 16 апреля 1919 года.

*Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских Советов Мюнхена.*

24. Предписание.

Предметы первой необходимости уголь, платье и прочее могут реквизироваться лишь теми, при ком имеется удостоверение с фотографической карточкой, за подписью Исполнительного Совета фабрично-заводских и солдатских Советов. Все прочие, являющиеся для реквизиции, должны немедленно доставляться в Народный Трибунал на предмет допроса и суда над ними. Все население приглашается содействовать скорейшему прекращению самовольных действий неуполномоченных на то лиц.

Мюнхен, 16 апреля 1919 года.

*Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских Советов Мюнхена.*

25. Реквизиции

могут производиться лишь специально уполномоченными на это лицами. Соответствующие удостоверения выдаются исключительно обладающим соответствующими правами комиссиям (хозяйственная комиссия, комиссия связи, финансовая комиссия) и должны быть снабжены карточкой владельца и подписью Исполнительного Совета.

Полицейские власти не уполномочены производить реквизиций.

Всякая реквизиция без соответствующего полномочия на нее будет рассматриваться, как грабеж. Все рабочие и солдаты приглашаются содействовать задержанию подобных лиц.

Равным же образом подлежат задержанию все использующие реквизируемое имущество в своих частных целях.

Революционный Трибунал будет беспощадно расправляться с подобными паразитами революции, несознательно действующими во вред интересам пролетариата.

Всем рабочим и солдатам предлагается в меру целесообразности сообщать комиссиям Комитета действия об утаенных ценностях на предмет их реквизиции.

Мюнхен, 18 апреля 1919 года.

*Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских Советов Мюнхена.*

26. Объявление коменданта станции.

Комендатура станции объявляет, что находящиеся у нее на службе лица не имеют права реквизировать ни пищевых продуктов, ни иных предметов.

У всех солдат, имеющих при себе при реквизициях бланки с печатью комендатуры станции, таковые должны быть отобраны и немедленно переданы станционной комиссии.

Мюнхен, 18 апреля 1919 года.

Комендант станции.

27. О службе связи.

Вся служба связи (почта, железная дорога, автомобильное сообщение, телеграф, телефон и т. д.) подведомственна комиссии связи Комитета действия фабрично-заводских и Солдатских Советов Мюнхена (Паулюк, Шрейбер, Бауер). Распоряжениям этой комиссии надлежит в любой момент беспрекословно повиноваться. Противодействие будет караться Революционным Трибуналом.

Мюнхен, 18 апреля 1919 года.

*Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских Советов.*

28. Молочным фермам и молочным торговцам.

Как видно из сообщений, молочные фермы и молочные торговцы перерабатывают удойное молоко на масло и сыр, нанося, таким образом, тяжчайший вред населению Мюнхена.

Подобный способ действия будет рассматриваться, как акт саботажа по отношению к Советской республике, и виновные будут немедленно предаваться Революционному Трибуналу.

Мюнхен, 17-го апреля 1919 года.

Комендатура.

29. Снабжение углем.

Уголь может поставляться лишь предприятиям, государственным учреждениям, на которых не распространяется стачка, и семьям рабочих.

В каждом отдельном случае надлежит затребовать разрешительное свидетельство Исполнительного Совета фабрично-заводских и солдатских Советов.

Мюнхен, 17-го апреля 1919 года.

*Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских Советов Мюнхена.
Хозяйственная комиссия.*

30. Хозяйственная комиссия.

Весь автотранспорт объявляется реквизируемым.

Шофферы, работающие при моторах, должны явиться со своими машинами в Военное министерство, комн. 360.

Летчики и монтеры должны, равным образом, явиться в Военное министерство, комн. 360.

17-го апреля 1919 года.

*Подписано: Р. Эгльгофер. Комендант города
и военный главнокомандующий.*

31. Объявляется к сведению.

По городу распространяются слухи, что, якобы, все магазины, торгующие пищевыми продуктами, будут закрыты. Слухи эти ложны. Владельцы магазинов пищевых продуктов обязаны держать свои магазины в обычные часы от-

крытыми. Те, кто злонамеренно закрывает свой магазин, будет предан Революционному Трибуналу, а предприятие его — национализировано.

То же касается и всех экспедиционных предприятий, а также аптек и аптекарских магазинов.

Кто станет распространять слухи, обратные этому предписанию, будет предан Революционному Трибуналу.

Мюнхен, 15-го апреля 1919 года.

*Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских Советов Мюнхена.
Хозяйственная комиссия Исполнительного Совета.*

32. Железнодорожное сообщение.

Пассажирское движение на железной дороге подчиняется следующим правилам:

1. Пользоваться железной дорогой можно лишь на основании удостоверения.

2. Удостоверения выдаются фабрично-заводскими Советами.

3. В качестве удостоверений имеют силу и членские книжки независимой социалистической партии и коммунистической партии Германии, при условии пребывания в этих партиях не менее трех месяцев членом.

В особых случаях удостоверения могут получаться в здании полиции, Эгиттрассе, комн. 111, если будет доказана неотложность и законность поездки испрашивающего удостоверение.

5. Для пригородного сообщения выдаются постоянные удостоверения фабрично-заводскими Советами или Отделом по выдаче удостоверений в президиуме полиции.

6. Рабочие и крестьяне, являющиеся из-за границы и незнакомые с вышеуказанными постановлениями, получают право на обратный проезд через комендатуру станции.

7. Проездные билеты выдаются при наличии вышеуказанных удостоверений.

Мюнхен, 20-го апреля 1919 года.

*Комиссия связи.
Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских Советов.*

Фабрично-заводские Советы получают формуляр проезжих свидетельств по использованию железной дороги в целях передачи их рабочим своих предприятий.—Здание полиции. Эшттрассе, комн. 11.

*Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских Советов.*

33. Народный уполномоченный по финансам.

15-го апреля 1919 года, согласно постановлению Исполнительного Совета фабрично-заводских и солдатских Советов Мюнхена, тов. К. Ц. Меншер назначается народным уполномоченным финансов.

Мюахен, 16 апреля 1919 года.

*Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских Советов.*

34. Всем владельцам сейфов.

Скудость платежных средств делает необходимым беспощадную конфискацию утаиваемых по неразумию денег. Нехватает средств для выплаты заработной платы рабочим и служащим нехватает денег для оплаты предметов первой необходимости для производителей.

Чтобы покончить с таким недостатком платежных средств, предписывается:

Всем владельцам сейфов явиться в стальную камеру 17-го апреля 1919 года. Конфискация будет производиться в очередном порядке сейфовых номеров. На банках и банковых предприятиях будет вывешено объявление, извещающее о дне открытия соответствующего сейфового номера. Открытие будет происходить под контролем государственного комиссара и в присутствии членов фабрично-заводских Советов.

Найденные в сейфе деньги будут заброшены и занесены на счет. Изъятия допускаются лишь в границах предписа-

ний от 9-го апреля 1919 года, касающихся финансовых учреждений.

Если владелец сейфа не может явиться лично, он может письменно передоверить свои права третьему лицу.

В интересах владельцев сейфов—явиться в указанный срок, во избежание более резких мер (открытие путем взлома).

Мюнхен 15-го апреля 1919 года.

Временный уполномоченный по финансам.

Ц. К. Меннер.

35. Всем банкам и финансовым учреждениям Мюнхена.

Сим доводится до сведения, что изданное 9-го сего месяца распоряжение, «предписание касательно финансовых учреждений», распоряжение от 12 сего месяца «о прекращении требований (исков) по долговой книге» и «баварских купонов» остаются целиком в силе.

Для получения свыше 1.200 марок без представления удостоверения от фабрично-заводских Советов, чей автограф должен быть налицо, требуется санкция и подпись временного народного уполномоченного по финансам Меннера и члена финансовой комиссии Комитета действий Аксельрода. Подобного рода санкция зависит от объяснений, даваемых народному комиссариату финансов.

Мюнхен 15-го апреля 1919 года.

*Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских депутатов Мюнхена.*

36. Постановление Комитета действия при Совете фабрично-заводских и солдатских депутатов Мюнхена.

Дальнейшая выдача, а следовательно, и установление дивидендов акционерными компаниями и обществами, берущими заклады, воспрещается. В отдельном случае решает финансовая комиссия Комитета действия. Фабзавкомы этих компаний должны следить за выполнением этих требований. Если выданные в период до сегодняшнего дня дивиденды

выше обычных, фабзавкомы обязаны сообщить об этом народному комиссариату финансов.

Мюнхен, 19-го апреля 1919 года.

Народный уполномоченный по финансам
Ц. К. Меннер.

37. Объявление народного комиссариата финансов.

1. Фабрично-заводские Советы торговых и промышленных фирм Мюнхена приглашаются каждую среду до полудня сообщать соответствующим банкам и финансовым учреждениям круглую цифру той суммы, которая им необходима для выплаты в субботу заработной платы.

2. Фабрично-заводские Советы банков и финансовых учреждений Мюнхена приглашаются каждый четверг до полудня сообщать банковскому совету Баварии (народный комиссариат финансов) размер необходимых фабзавкомам промышленных и торговых фирм сумм для выплаты в субботу заработной платы.

3. Фабрично-заводские Советы банковских и финансовых учреждений Мюнхена сим приглашаются в ближайшую среду, 23 апреля 1919 г., в 10 час. утра на важное совещание в зале заседаний народного комиссариата финансов.

Просьба прислать от каждого учреждения по одному представителю, снабдив их материалом для статистического учета размера выплачиваемой заработной платы, состояния кассы, вексельного наличия.

38. Объявление народного комиссариата финансов.

1. Весь приход крупных предприятий и фабрик, торговых фирм и т. д., театров, кино, открытых сцен, кафе, более или менее крупных гостиниц ежедневно—в присутствии владельца их или уполномоченного—должен вноситься фабрично-заводским Советами в банк, где точно заносится размер вносимой суммы. Со вносимыми суммами: надлежит поступать согласно директивам финансовым учреждениям и дополнениям к ним. Фабрично-заводским комитетам вменяется в обя-

занности сообщать народному комиссариату финансов названия тех предприятий, которые отказываются вносить причитающиеся суммы.

2. Вся квартирная и земельно-фондная плата должна вноситься домовладельцами и землевладельцами, или их заместителями на счет какого-нибудь банка в период от 1 по 10-е мая. Контроль осуществляется нанимателями. При уплате необходимо учитывать указания жильцов и арендаторов, проверяя их через посредство комиссии народного комиссариата финансов. Со счетами по найму надлежит поступать также согласно директивам, данным финансовым учреждениям, и дополнениям к ним. В случае уплаты арендной платы четвертями и полугодиями, она должна вноситься в следующем месяце.

3. Фабзавкомам предлагается тотчас же обследовать кассы для выяснения, не имеется ли в них более крупной денежной наличности, и в положительном случае озаботиться внесением ее на банковский счет.

4. Выплачивание авансов содержания строжайше воспрещается.

39. Дополнительные объявления, касающиеся денежного обращения.

1. Согласно прежним постановлениям от 9 апреля 1919 года № 1, выплата производится лишь при наличии санкции фабрично-заводских комитетов. Все фабзавкомы предприятий, поддерживающих связь с банковыми и финансовыми учреждениями, приглашаются в период до 20 апреля 1919 года представить банковским учреждениям свой автограф. Банкам и финансовым учреждениям воспрещается без такового выплачивать какую бы то ни было сумму. Платежные сметы остаются в банках.

2. Воспрещается иметь текущий счет в нескольких банках. Если кто-нибудь уже имеет таковой в нескольких финансовых учреждениях, он немедленно должен перенести все на текущий счет одного учреждения. Кто после 1-го мая 1919 года без ведома народного комиссариата финансов будет иметь текущий счет больше, чем в одном банковском учреждении, тот теряет право на все, кроме одного.

3. Банковским учреждениям и их фабзавкомам строго предписывается избегать пользования наличными. Поелюку возможно, надлежит пользоваться чеками в качестве платежных средств. Наличными деньгами надлежит выплачивать лишь в крайних случаях, когда дело касается заработной платы и сумм, необходимых для удовлетворения текущих потребностей.

4. Всем фабзавкомам предоставляется право без ведома владельца или стоящего во главе предприятия, управления требовать для ознакомления банковские текущие счета, если у них имеется узаконенное, снабженное фотографической карточкой и печатью, удостоверение.

5. Перемещения вкладов допустимы лишь между банками одной и той же местности. В заграничные банки ценные бумаги не могут пересылаться ни в коем случае, если на это нет специальной санкции народного комиссариата финансов или политического комиссара. Банковская тайна отменяется в отношении народного комиссариата финансов, его органов и уполномоченных. Ознакомление с вкладами и текущими счетами может производиться в любое время контролерами народного комиссариата финансов, имеющими при себе удостоверения с фотографической карточкой.

Вышеуказанные распоряжения входят в силу с момента их опубликования.

26 апреля 1919 года.

Народный уполномоченный по финансам Ц. К. Меннер.

40. Декрет о реквизициях.

Хозотдел Исполкома Совета рабочих и солдатских Советов Баварии доводит до всеобщего сведения, что право производить реквизиции принадлежит ему одному.

Его контролеры имеют при себе удостоверения с фотографической карточкой и печатью Исполкома Совета рабочих депутатов.

Обладатели иных удостоверений, выданных городской коммандатурой, станционной охраной, секциями и т. д., не правомочны производить реквизиции.

В интересах всего народа предлагается этих людей не только не допускать, но и по возможности тотчас же сообщать об этом ближайшим судебным властям в целях их ареста.

*Хозотдел Исполкома Совета
рабочих депутатов Баварии.*

41. Постановление, касающееся возмещений за стачечные дни.

Касса городского магистрата (Лунтпольд, оружейный музей) должна руководиться следующими правилами в отношении выплаты заработной платы рабочим мелких производственных предприятий.

Выплата производится кассой лишь в том случае, когда не подлежит сомнению, что владельцы мелких предприятий не в состоянии уплатить за стачечные дни. Невозможность эта должна быть подтверждена рабочими данных предприятий. При этом подлежат приносить с собой удостоверения, как-то: книги больничной кассы, удостоверения инвалидов, списки заработной платы и т. д. Данные, приводимые выступающими в качестве свидетелей рабочими, должны совпадать с ордерами больничной кассы и карточками инвалидов. Там, где имеется фабзавком, он рассматривается, как правомочный представитель всех служащих. В противном случае выплата производится самим рабочим. Фальшивые комбинации будут стражающим образом караться Революционным Трибуналом.

Касса Лунтпольдовского оружейного музея сама не имеет права субсидировать владельца мелких предприятий. Предложения о выплате им ассигнованного кредита будут приниматься, начиная со вторника 22 апреля 1919 года в банке военного кредита (Вайнгтрассе, 7). При этом должны представляться сметы. Удовлетворение просьб будет производиться как можно скорее, в неотложных случаях в 24 часа.

Мюнхен, 21 апреля 1919 года.

Народный уполномоченный по финансам.

42. Выплата содержания выполняющим государственные функции.

Стоящие под оружием рабочие!

Предприятия обязаны выплачивать содержание несущим службу в Советской республике рабочим как находящимся на фронте, так и выполняющим государственные функции в тылу и в интересах Советской республики оторванным от своей работы. Административные органы предприятий лишены права увольнять этих рабочих.

Мюнхен, 12 апреля 1919 года.

*Исполнительный Совет фабрично-заводских
и солдатских Советов Мюнхена.*

Университетские здания, начиная с 18 апреля 1919 г., объявляются для публики закрытыми. Открыты будут, во-первых, канцелярии для партийных сношений. Затем университетская библиотека, психологический институт, физический институт. Доценты, студенты и вольнослушатели, желающие и впредь пользоваться этими учреждениями, благоволят представить свои удостоверения для приложения печати Академическим Советом. Сенатские ключи подлежат сдаче в обмен на возвращаемый залог. О последующем открытии семинарий будет объявлено особо. Медицинские и естественно-научные институты университета остаются открытыми и продолжают работу. Занятия Академического Совета производятся, начиная с понедельника 14 апреля, комн. 114. Время занятий от 9 до 1 ч. и от 3 до 5.

Мюнхен, 22 апреля 1919 года.

За Академический Совет.

43. Каникулярные курсы в университете.

Пролетарии!

Объявленные лекции в университете, посвященные научным основам коммунизма, продолжают.

Лекция тов. Бенгайма 1) «О большевизме» состоится в среду 23 апреля; 2) лекция тов. Отто Томаса: «Введение в социалистическую литературу», «Методическая литера-

тура»— в четверг 24 апреля; 3) лекция «О революционной литературе»— в субботу 26 апреля; 4) «Об экономической литературе»— в понедельник 28 апреля; 5) лекция тов. Фридлянда: «Большевизм и демократия»— во вторник 29 апреля.

Все лекции будут читаться в аудитории Максимум. Начало в 7 часов вечера.

Революционный Академический Совет.

44. Революционный центральный школьный Совет.

Образованный в Мюнхене 13 апреля 1919 года Революционный центральный школьный Совет есть орган свободного объединения социалистически мыслящих учащихся средней школы. В состав его входят революционные руководители отдельных школ, которые должны на-ряду с этим входить и в организацию свободной социалистической молодежи.

Более узкая коллегия Революционного центрального школьного Совета образуется из семи учащихся, по одному от каждого вида школы (реальная гимназия, реальная школа, женская гимназия, учительская семинария). Она стремится к установлению в школах диктатуры меньшинства учащихся—убежденных революционеров и социалистов—в противовес пребывающим во тьме или в плену у распылчатого социализма громадного большинства учащихся средних школ. Рабочая коллегия видит свою основную задачу в том, чтобы сообразно желанию молодежи работать по ликвидации школы современного типа и помогать новому строительству на основе платформы единой школы и школьной общины. Стремясь к выполнению этой задачи, она, при помощи привлекаемого к работе узкого круга учащихся революционеров-социалистов, сознательно противодействует почти всем учащим и учащимся нынешней средней школы, объявляя им открытую войну.

Принимаются меры, чтобы войти в контакт с организованной рабочей молодежью.

24 апреля 1919 года.

*Деловая коллегия Революционного центрального
школьного Совета.*

*Свободное объединение учащихся средней
школы—социалистов.*

45. Учащимся Мюнхена, коммунистам и социалистам.

Революционный центральный школьный Совет приглашает вас в среду 23 апреля на имеющее состояться в университете, комн. 118, совещание.

На этом совещании предстоит обсудить и выработать платформу общего выступления и плодотворной работы нашего меньшинства. Неспособные в некоторой своей части реакционные комитеты учащихся, каковые имели место в большинстве случаев до сих пор, должны быть низложены и заменены революционными силами. Учителя, составлявшие прежде ядро патристической партии, впредь не должны быть вашими вождями и закрывать вам глаза на могучие прогрессивные события. Всем вам известен печальный строй нашей средней школы и жалкое поведение наших школьных товарищей.

Мы работаем не для наших теперешних соучеников, чья рабская покорность и самодовольное тушевание мало нас трогают. Если мы приступаем к работе, то руководит нами интерес рабочей молодежи. Имея ее в виду, основывайтесь школьные общины, добивайтесь школьной автономии, сужения круга преподаваемых предметов, уделения внимания спорту и игре, и художественному воспитанию, упрощения всего изучаемого материала, добивайтесь отмены экзаменов старого типа и целого длинного ряда такого же рода фальшивых или устаревших приемов.

На предстоящем совещании надлежит обсудить многообразную работу наших революционных комитетов учащихся и выработать, по возможности, единый план плодотворной деятельности.

Итак, приходите. Само собой разумеется, представители рабочих будут на этом собрании желанными.

*Деловая коллегия Революционного центрального
школьного Совета.*

*Рабочая группа свободного объединения
учащихся средних школ-социалистов.*

IV. Воззвание Центрального Комитета Коммунистической партии Германии.

11 апреля 1919 года.

Рабочие, товарищи по партии, пролетарии всей Германии!

Изменники революции, Эберты, Шейдеманны, палач революции кровавый Носке, играющие роль палачей и прислужники-буржуазии, офицерские шайки гвардии Носке вознамерились обречь на мрак и ужас судьбу пролетариата.

Они нагромодили новые горы трупов. В одном Берлине насчитывается свыше 1.000 пролетариев, павших от руки кроважанных преступников и убитых по приказу Носке, этого ненасытного тигра буржуазии. Подобно тому, как в варварских странах живые люди бросались в чрево жадного Молоха, так и теперь Эберт и Шейдеман и немецкие капиталисты бросают груды тел в пасть ненасытного бога. Так действуют они целых пять лет.

Но пролетарии, ни кровь, ни трупы, ни ужасы, ни тюрьмы, ни гвардия Носке, ни военные суды, ни миноносцы, ни пулеметы не остановят того, чему надлежит совершиться. Звезда пролетариата неуклонно совершает свой путь вокруг вечных созвездий, вас неудержимо гонит, вы неудержимо идете сами к цели, которая одна несет вам освобождение из всего того хаоса, в который ввергла вас преступная капиталистическая шайка.

Германская Советская республика.

Подобно туче среди бела дня, подобно огненному столпу среди темной ночи, объела вас эта идея за пять месяцев революции.

Сколь крохотна была горстка, когда в ноябре прошлого года мы впервые выкинули лозунг: «Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов». Все шире и шире чертили свои круги, все глубже и глубже западала в сердца пролетариев идея, которая нынче у всех на устах:

Вся власть Советам рабочих с солдатских депутатов!

Сегодня эту идею возвеличивают все. Независимые вожди, сами ей изменившие в ту пору, когда они согласились на созыв Национального Собрания, нынче ее проповедуют. Даже представители большинства, намеревавшиеся несколько месяцев тому назад сделать хакакири Советам, проповедуют теперь то, что несколько месяцев тому назад проповедывали независимые: закрепление советской системы в конституции. Закрепление в конституции означало бы зависимость советской системы от воли Национального Собрания, т.е. от воли буржуазии, иными словами — смерть советской системы.

Советская система или живет по властной воле пролетариата или она мертва.

Но рабочие, в то время, как зависимые и независимые вожди обдумывают новое предательство, массы уже начали действовать. Из России, этого священного очага пролетарской революции, искра перелетела в Венгрию, зажегла, оживила, стала уничтожать старое, пробуждать к жизни новое. Но пожар не замкнулся в границах Венгрии. Немецкая Австрия накануне провозглашения Советской республики. А вот и в Германии впервые воплотилась в жизнь идея Советов: это Баварская Советская республика.

Рабочие, пролетарии!

Но если уже мы к этому пришли, массы должны отнестись подвергать их критике во имя революции.

Баварская Советская республика возникла не так, как мы считали это необходимым, не как акт воли и мысли пролетарских масс, она родилась в силу того, что несколько зависимых и независимых вождей попали в тупик, из которого не было иного выхода, как «провозглашение Советской республики».

Но если уже мы сюда пришли, массы должны отнестись к делу серьезно. Раз меч вынут из ножен, массы должны взяться за его рукоятку, так как вожди намерены хвататься за лезвие. Очутившись у власти, пролетарская масса должна формировать и использовать эту власть в своих интересах.

Рабочие и товарищи!

Не подлежит сомнению: то, что произошло в Баварии, не замкнется в ее рамках. Искра из Баварии полетит дальше.

Рабочие, пролетарии! Подумайте: германская Советская республика—спасение и будущее немецкого пролетариата, не может возникнуть из одной Баварской, Вюртембергской, Брауншвейгской Советских республик.

Германская Советская республика может быть лишь продуктом воли германского рабочего класса.

Отсюда вытекают два повеления: первое — чтобы рабочие массы, там, где они уже ныне хотят и могут захватить в свои руки власть, не шли дальше того, что соответствует их силам,—захвата власти в местном масштабе.

На других же, на массы, которые еще не поднялись настолько вперед, это возлагает обязанность — восстать и действовать.

Разве положение пролетариата не всюду одинаково?

Стачка в Вюртемберге, в Прирейнской Вестфалии, в Магдебурге, Брауншвейге, в Берлине; стачка по всей Германии. Пролетариат уже не успокоить. Скоро пламя запылает повсюду, его не затушить отрядам Носке. И всюду, и везде—все явственнее и явственнее в смутном ропоте масс слышится

**крик, призывающий под знамена Советской
республики.**

Рабочие, пролетарии!

В час, когда что ни миг, то может произойти поворот германской революции, мы должны вам сказать, как мы мыслим наступление Советской республики, и что ей надлежит в первую голову делать.

Советская республика возникает не как продукт сговора вождей. Она возникает, как это видно из названия, из Советов. Вы должны в первую очередь наставлять:

1. На переизбрании и ясном волеизъявлении Советов ра-

бочих и солдатских депутатов на предприятиях и войсковых частях, потому что воля рабочих и солдатских масс — это та скала, которую мы кладем в основу нашего строительства.

2. На безоговорочном удалении всех зависимых вождей и тех независимых, которые путем своего соглашательства с зависимыми изменили советской системе и революции. Остерегайтесь предателей, которые нынче вам вторят, помните ошибки, совершенные 9-го ноября.

3. На полном признании всех программных требований.

4. На немедленном проведении в жизнь следующих мероприятий:

- а) освобождении всех политических заключенных;
- б) роспуске всех парламентов;
- в) расформировании всех контр-революционных войсковых частей, разоружении буржуазии, интернировании всех офицеров;
- г) вооружении пролетариата и немедленном формировании революционных кадров;
- д) ликвидации всех старых судебных учреждений и учреждения революционных трибуналов;
- е) предании этому суду всех виновников войны, контр-революционеров и предателей;
- ж) отставки всех государственных и высших административных чиновников (бургомистров, ландратов и т. д.);
- з) замене их народными уполномоченными;
- и) издании закона о безвозмездной передаче обществу всех крупных предприятий (шахт и проч.), всей крупной и средней земельной собственности и немедленном переходе управления страной в руки советов рабочих депутатов;
- к) издании закона, аннулирующего военные займы, стоимостью не ниже 20.000 марок;
- л) закрытии всей буржуазной печати, в том числе и в собственности «зависимой» печати.

Рабочие, пролетарии!

Малейшая слабость — смертельный грех в отношении революции. Вспомните, сколько тысяч пролетариев заплатились жизнью за промах, совершенный 9-го ноября. Если действуете, то действуйте мужественно и решительно.

Могучее движение, которое катится ныне по всей Германии, должно обрести плоть и кровь в едином могучем волевом решении, последнем, грандиозном и могучем деянии.

Пролетарии всех районов, пролетарии всех отраслей промышленности, эксплуатируемые на фабриках и в конторах, железнодорожники и горнорабочие, металлисты и судостроители, все, все пролетарии должны подняться.

Все крупные хозяйственные центры, все крупные районы должны образовать окружные организации для проведения стачки и объединить все местные волевые усилия массы во имя единой и великой цели.

Рабочие, пролетарии!

Занялся великий день освобождения угнетаемых.

Близка победа, быть-может, ее уже достать рукою.

Настал час великого расчета.

Рабочие, пролетарии, вы, которых угнетали тысячи лет, выслушайте сигналы.

Время, мир и вечность призывают:

Восстаньте во имя освобождения!

Долой Эберта, Шейдемана!

Долой Национальное Собрание!

Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов!

Да здравствует Германская Советская Республика!

Да здравствует всемирная революция!

*Коммунистическая партия Германии
(Союз Спартака).*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие автора ко 2-му немецкому изданию	5
I. Введение	13
II. Экономическое положение и группировка классов в Баварии	14
III. Внутренние противоречия в баварской политике	18
IV. Прусский пример	21
V. Спекулянты и интриганы	22
VI. Советская республика в реторте	24
VII. Независимая социал-демократическая партия (U. S. P.)	29
VIII. Мнимая Советская республика	31
IX. Контр-революция	39
X. Позиция коммунистической партии	42
XI. Контр-революционный путь	48
XII. Диктатура пролетариата	52
XIII. Экономические мероприятия	57
XIV. Финансы	61
XV. Социализация	62
XVI. Печать, просветительные учреждения и т. п.	67
XVII. Внешнее положение	71
XVIII. День пролетариата	75
XIX. Предательство независимой социал-демократической партии	81
XX. Крушение	87
XXI. Белый террор	91
XXII. Белое правосудие	103
XXIII. Выводы	105

Приложения.

(Воззвания, декреты и др. документы).

I. В мнимой Советской республике	115
II. Позиция К. П. Г.	127
III. Под диктатурой пролетариата	134
IV. Воззвание Центрального Комитета Коммунистической партии Германии	167

СКЛАД ИЗДАНИЙ:
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР

Издательства „КРАСНАЯ НОВЬ“

МОСКВА, Милютинский пер., д. № 22.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА:

В МОСКВЕ: 1. Универсальный книжный магазин „СЕРП и МОЛОТ“ Издательства „Красная Новь“ — пл. Свердлова, 2-й дом Советов.

2. Б. Сухаревская пл., № 16.

В ПЕТРОГРАДЕ: Проспект 25 Октября, угол Фонтанки (быв. магазин Коминтерна).